Н. В. Романовский

КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ РОЛИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ

*

Н. В. Романовский

КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ РОЛИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Москва, «Мысль»
1979

ЗКП1
Р69

Редакции
исторической литературы

Р $\frac{10506\text{-}162}{004(01)\text{-}79}$ БЗ-25-3-79. 0302030900

© Издательство «Мысль». 1979

Введение

Исторические знания играют важную роль в формировании мировоззрения народных масс во всем мире. Картина прошлого — важнейшая составная часть представлений о настоящем и будущем человечества, о путях его достижения. Знание истории в большой мере определяет общественную позицию человека — борца или потребителя в капиталистическом обществе. В современных условиях, как никогда ранее, «моделирование» общественного сознания широких масс трудящихся капиталистического мира занимает одно из первых мест в общей стратегии империализма. В этом процессе немаловажную роль играют идеологические диверсии против социалистического содружества, частью и элементом обоснования которых выступает лжеинтерпретация истории. Это делает историческую науку важнейшим участком современной классовой борьбы в сфере идеологии, тем более что возможности империализма действовать исключительно методами военной угрозы, экономического удушения социализма, политического шантажа сократились.

Коммунистическая партия Советского Союза в своей идеологической работе учитывает особенности классовой борьбы в мире. «Положительные сдвиги в мировой политике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»[1], — подчеркивал на XXV съезде

[1] «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. 1. М., 1976, с. 99.

КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Борьба большевистской партии под руководством В. И. Ленина за свержение царизма и победу Великой Октябрьской социалистической революции — важнейшая составная часть борьбы КПСС за победу социализма и построение коммунизма. Руководство борьбой масс в трех русских революциях, разнообразие форм и методов построения и деятельности партии в самых различных условиях, применение принципов марксизма-ленинизма к конкретным условиям классовой борьбы в России — все это было и остается важнейшим источником опыта для КПСС и братских коммунистических и рабочих партий. На героизме, самоотверженности, стойкости борцов ленинской партии в битвах против царизма и капитализма воспитываются поколения борцов за социализм и коммунизм. Значимость дооктябрьского периода истории КПСС возрастает в связи с тем, что без знания исторических фактов борьбы рабочих и крестьян России против помещиков и капиталистов невозможно подлинно научное освоение ленинского идейно-теоретического наследия, ленинской лаборатории революционной мысли и революционного действия, ленинской методологии решения общественно-политических проблем, вопросов стратегии и тактики коммунистической партии, изучение марксизма-ленинизма в действии и развитии.

Коммунистическая партия Советского Союза, работники идеологического фронта, ученые-обществоведы ведут активную наступательную борьбу против антикоммунизма и ревизионизма. Борьба против буржуазной идеологии и реформизма — требование Программы КПСС, документов международного коммунистического движения. Эти программные требования конкретизированы в документах съездов партии, постановлениях ее Центрального Комитета. Так, постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. указывало: «От работников общественных наук требуется принципиальность и твердость в борьбе против империалистической идеологии, против буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. Разоблачение профессиональных антисоветчиков и антикоммунистов, подвизающихся в области «изучения» проблем истории СССР и КПСС,

мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, — важнейшая обязанность советских ученых»[1]. В решениях XXV съезда партии поставлена задача «повысить роль общественных наук в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма»[2].

Советская историческая наука накопила значительный опыт критики фальсификаций истории и политики КПСС. Образцом для историков-марксистов являются труды классиков марксизма-ленинизма К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. К. Маркс и Ф. Энгельс — основоположники научного коммунизма — в ряде работ дали критику основ буржуазной идеологии, раскрыли классовый характер идеологии в обществе, учили рабочий класс и его партию бескомпромиссно бороться против буржуазной и мелкобуржуазной идеологий.

В. И. Ленин был организатором и вождем большевистской партии. Он был также ее первым историком. Освещение истории большевистской партии в трудах В. И. Ленина неизменно сопровождалось критикой оппортунистических, мелкобуржуазных, буржуазных оценок деятельности революционной партии российского рабочего класса. Труды В. И. Ленина — теоретическая и методологическая основа, важный источник фактического материала для критики современной буржуазной и ревизионистской историографии истории КПСС.

Опираясь на указания основоположников научного коммунизма, В. И. Ленин в новых исторических условиях разработал всесторонне обоснованные принципы борьбы против буржуазной идеологии, реформизма и всех разновидностей ревизионизма[3]. В трудах В. И. Ленина, в частности, подчеркнута непримиримость буржуазной и социалистической идеологий, указывается на необходимость внимательного учета приемов развращения рабочего класса, на необходимость связи идеологической

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (далее — «КПСС в резолюциях и решениях...»), т. 9. М., 1972, с. 346.

[2] «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. 2. М., 1976, с. 282.

[3] См. *Е. Д. Модржинская.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1972; *М. Х. Фарукшин.* Ленинские принципы критики антимарксизма. Казань, 1972, и др.

борьбы с коммунистическим воспитанием членов партии, рабочего класса, всех трудящихся, творческого развития вопросов марксистско-ленинской теории.

Для данной работы особое значение в наследии В. И. Ленина имеют труды, непосредственно связанные с критикой антинаучной историографии истории КПСС. Современная буржуазная и ревизионистская историография роли большевистской партии ведет свою родословную от антиленинских концепций мелкобуржуазных и буржуазных противников революционного марксизма, меньшевиков, троцкистов и других, которые в свое время были подвергнуты острой научной критике В. И. Лениным. Эти антинаучные концепции истории российского революционного движения, большевизма, проникшие различными путями в буржуазную и ревизионистскую зарубежную литературу, нередко и сейчас в неизменном или модернизированном виде воспроизводятся ею. В этом плане ленинская критика сохраняет злободневность в полном объеме — от разоблачения «субъективного метода» в социологии лжедрузей народа (1894 г.) до критики фальсификаторских утверждений ренегата Каутского об Октябрьской революции и политике большевиков (1918 г.) и всей реформистской концепции революционного движения, сконструированной Н. Сухановым (январь 1923 г.)[1].

Труды В. И. Ленина служат образцом критики враждебных марксизму взглядов. «...Нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически...»[2] — писал В. И. Ленин. Все краеугольные проблемы российского, мирового пролетарского революционного движения разрешались В. И. Лениным в острой идейной борьбе против извратителей революционного марксизма. Это вопросы о лагерях в демократической революции, о гегемонии пролетариата, о руководящей роли пролетарской партии в революционной борьбе масс, в массовых организациях, о методах революционной борьбы, о теоретических и организационных основах большевистской партии и т. д.

---

[1] См. *В. П. Наумов.* Вопросы истории советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1960; *Н. Н. Маслов.* Ленин как историк партии. Л., 1969; *А. Г. Черных.* В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969; *А. П. Носов, Э. Ю. Юсупов.* В. И. Ленин и некоторые вопросы исторической науки. Ташкент, 1976, и др.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 66.

Советская историческая наука с первых шагов по-ленински вела непримиримую борьбу против буржуазных, белоэмигрантских фальсификаторов истории большевизма, истории российского революционного движения. В 20-х годах советскими исследователями были подвергнуты острой критике многие появившиеся на Западе работы белоэмигрантов, зарубежных буржуазных историков о революционном движении в России[1]. Принципиальное значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории партии имела проводившаяся в 20—30-х годах борьба с антинаучными, антиленинскими представлениями о ленинизме, об истории большевистских партийных организаций, о российских революциях в ходе идейного и политического разгрома ленинской партией оппортунистических антипартийных группировок, прежде всего троцкизма. Например, в коллективном труде «Октябрь в Петрограде» (Л., 1933) подвергнуты критике троцкистские концепции, работы Милюкова, Суханова, Деникина. Большой вклад в разоблачение троцкистских фальсификаций истории внесли А. С. Бубнов, И. В. Сталин, Е. М. Ярославский и другие видные деятели большевистской партии[2]. Эта борьба, как подтверждается в настоящее время, была фактически борьбой и с нынешней буржуазной историографией, поскольку троцкистские антиленинские концепции широко используются современным антикоммунизмом.

Первостепенную роль в разоблачении буржуазных и

---

[1] См. *М. Н. Покровский.* Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; *его же.* Буржуазная концепция пролетарской революции. — «Историк-марксист», 1927, т. 3; *Г. Лелевич.* Февральская революция в белогвардейском описании. — «Пролетарская революция», 1923, № 1(13); *С. А. Пионтковский.* Обзор литературы по истории пролетарской революции в России. — «Печать и революция», 1923, № 2; *С. Бантке.* 1917 год в освещении французского историка Альфонса Олара. — «Пролетарская революция», 1929, № 2-3; *В. Быстрянский, Г. Лелевич.* Октябрь в белогвардейском описании. — «Пролетарская революция», 1931, № 9, и др. Этот аспект становления советской исторической науки более подробно рассмотрен в книгах: *Г. Д. Алексеева.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968; *С. А. Федюкин.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977, и др.

[2] Подробнее см.: *А. И. Зевелев.* Ленинская концепция истории КПСС и ее освоение историко-партийной историографией. М., 1975; «Партия и Великий Октябрь» (Историографический очерк). М., 1976, и др.

ревизионистских концепций истории СССР и КПСС играют исследования советских историков по общим проблемам русских революций и по их отдельным аспектам. Критика буржуазной и реформистской литературы стала в последние годы органической частью многих советских исследований. Среди работ, уделивших особое внимание этой задаче, многотомная «История Коммунистической партии Советского Союза», фундаментальная «История Великого Октября» И. И. Минца, коллективные труды историков Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Института истории СССР АН СССР, а также ученых Ленинграда, Украины, Закавказья, Средней Азии и т. д.[1] Большой вклад в научную критику буржуазной историографии внесли своими трудами по истории КПСС, по истории трех революций и по смежным проблемам В. В. Аникеев, Г. А. Арутюнов, Х. М. Астрахан, Т. П. Бондаренко, Т. Ю. Бурмистрова, А. Я. Великанова, В. П. Верхось, Г. А. Галоян, Ю. М. Гамрецкий, Л. С. Гапоненко, Г. Н. Голиков, П. А. Голуб, К. В. Гусев, Н. Н. Демочкин, А. С. Дубинин, К. И. Зародов, В. М. Иванов, С. Н. Канев, В. С. Кириллов, Ю. И. Кораблев, Ю. А. Красин, Э. Э. Крузе, В. А. Лаврин, И. И. Минц, Б. М. Морозов, О. Г. Обичкин, Т. В. Осипова, П. Н. Першин, И. Ф. Петров, Н. В. Рубан, В. И. Селицкий, А. С. Смирнов, А. М. Совокин, Л. М. Спирин, И. С. Терехов, С. П. Трапезников, С. С. Хесин, А. Н. Шмелев, Н. Н. Яковлев и др. Постоянное развитие исследований революционной борьбы трудящихся России под руководством большевистской пар-

---

[1] См. «Ленинское учение о партии». М., 1969; «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971; «Пролетариат во главе освободительного движения в России». М., 1971; «История рабочих Ленинграда» в 2-х томах. Л., 1972; «Большевизм и реформизм». М., 1978; «На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907—февр. 1917 г.)». Л., 1974; «Большевистская партия в революции 1905—1907 гг.». М., 1975; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма». М., 1975; «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции. 1905—февр. 1917 г.». М., 1975; «Революция 1905—1907 годов в России». М., 1975; «Первая русская революция (1905—1907 гг.). Проблемы и современность». Л., 1976, и др.

тии, введение в научный оборот новых групп документов, все более глубокое решение рассматриваемых проблем и постановка новых, требовательность, непримиримость к отдельным фактам отступления от принципов научности и партийности обеспечивают советской исторической науке неуклонное поступательное движение, создают прочную основу для разоблачения диверсий антисоветчиков и антикоммунистов в сфере исторического знания, для раскрытия научной несостоятельности их концепций.

К настоящему времени в результате интенсивной научно-критической работы советских историков накоплено значительное число статей, брошюр и монографий, критикующих буржуазные и ревизионистские концепции дооктябрьского периода истории КПСС, российского революционного движения в эпоху империализма. Эта литература столь объемна, что не представляется возможным привести ее в данной работе[1]. Среди авторов, активно работавших или работающих в направлении, связанном с проблемой критики буржуазной историографии трех революций, Ю. Н. Афанасьев, В. И. Биллик, В. С. Васюков, Ф. Х. Гумеров, Н. Н. Демочкин, В. В. Денисов, М. Г. Жарков, И. С. Зенушкина, П. Н. Зырянов, Ю. И. Игрицкий, Х. Ш. Иноятов, Г. З. Иоффе, Р. А. Казакевич, Н. М. Кейзеров, М. Н. Корчагова, А. Ф. Костин, Г. Т. Косых, Ю. А. Красин, А. Е. Кунина, Л. Ф. Малафеев, Б. И. Марушкин, И. И. Минц, Е. Д. Модржинская, В. А. Молибошко, Л. А. Нагорная, А. Я. Науменко, Н. В. Наумов, И. Н. Олегина, А. П. Петров, В. А. Порицкий, М. А. Рубач, В. И. Салов, Л. В. Скворцов, Ф. М. Суслова, В. И. Тетюшев, С. Л. Титаренко, М. Х. Фарукшин, В. П. Филатов, Г. А. Хидоятов, Е. Б. Черняк, А. О. Чубарьян, В. Ф. Шевченко, В. В. Ше-

---

[1] Мы отошлем читателя к библиографическим тематическим сборникам: «Критика антинаучных теорий зарубежных фальсификаторов истории советского общества. Книги и статьи из журналов и сборников на русском языке за 1956—1968 гг.». М., 1968; «Против буржуазной фальсификации истории КПСС и советского общества. Указатель литературы». Л., 1974, а также к содержательным историографическим обзорам, предваряющим критические исследования буржуазной историографии русских революций: *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; *Ю. И. Игрицкий.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, и др.

лохаев, Б. Е. Штейн, И. Т. Якушевский, Г. А. Ясковец и др.

Подвергается критическому анализу освещение буржуазной наукой таких вопросов, как истоки большевизма, соединение социализма с рабочим движением России, возникновение большевизма, деятельность ленинской «Искры», образование РСДРП[1]. Имеются работы, критически анализирующие ряд положений буржуазной литературы о деятельности большевистской партии в период первой русской революции 1905—1907 гг.[2] Среди наиболее разработанных проблем — критика освещения буржуазными авторами деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции[3]. Значительное количество работ, в том числе монографических, разоблачают и критикуют концепции буржуазной и ревизионистской литературы, посвященной вопросам подготовки и проведения Великой

---

[1] См. *Р. А. Казакевич, Ф. М. Суслова.* Мистер Пайпс фальсифицирует историю. М., 1966; *Г. С. Жуйков.* Правда истории (Против фальсификации раннего периода истории КПСС). Л., 1968; *Н. Е. Беспалов.* Ленин и становление большевизма в освещении современной англо-американской историографии. — «История СССР», 1970, № 2; *В. И. Салов.* Зарубежная историография ленинской «Искры». — «Ленинская «Искра» и местные партийные организации России (1900—1903 гг.)». Пермь, 1971; *В. А. Орехов.* Ленинская «Искра» в освещении современной англо-американской буржуазной историографии. — «История СССР», 1972, № 1; *С. Л. Титаренко.* Против буржуазной фальсификации генезиса большевизма. — «Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России». Пермь, 1973; *А. Ф. Костин.* Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М., 1973; *М. А. Маслин.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977; *В. Г. Джангирян.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М., 1978, и др.

[2] См. *Н. В. Романовский, А. Л. Угрюмов.* Революция 1905—1907 гг.: некоторые вопросы истории и современные буржуазные фальсификаторы. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 7; *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976; *В. Н. Колесников.* Советская историко-партийная литература о буржуазной фальсификации истории русской революции 1905—1907 гг. — «Проблемы истории КПСС», вып. 8. М., 1977, и др.

[3] См. *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии, с. 165—211; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971, с. 3—20, и др.

Октябрьской социалистической революции[1], в частности социалистической революции в национальных районах России[2]. Вышла в свет интересная работа, направленная против фальсификации роли рабочего класса в революциях 1917 г.[3] В последнее время появился ряд работ, в которых уделено внимание критике буржуазных фальсификаций истории КПСС в трех российских революциях[4]. Есть и специальные работы, посвященные критическому анализу буржуазной историографии борьбы большевиков за победу демократической и социалистической революций[5]. Они играют значительную роль в критике антикоммунистических концепций истории КПСС.

---

[1] См. *В. И. Салов.* Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960; «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961; «Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков». М., 1971; *Ю. И. Игрицкий.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; *М. Г. Жарков.* Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975; *Н. В. Наумов.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; *Л. Ф. Малафеев.* Свет Октября и тени антикоммунизма. Свердловск, 1975; *В. А. Порицкий.* Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики. М., 1975, и др.

[2] См. *Г. А. Галоян.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье (1900—1922). Ереван, 1969; *И. С. Зенушкина.* Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление советского многонационального государства (1917—1922 гг.) в современной американской историографии. М., 1971; *Л. П. Нагорна.* Проти сучасної буржуазної і буржуазно-націоналістичної фальсифікації історії Жовтня на Україні. Київ, 1971; *Х. Ш. Иноятов.* Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976, и др.

[3] См. *Г. А. Ясковец.* Правда и ложь о рабочем классе. Критика современной буржуазной историографии Англии и США о роли пролетариата в Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциях. М., 1978.

[4] См. *Ю. И. Игрицкий, Н. В. Романовский.* Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; *Б. И. Марушкин* и *др.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; *А. П. Петров.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977, и др.

[5] См. *А. Я. Науменко.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС 1914—1917 гг. Саратов, 1967; *В. П. Филатов.* Критика фальсификаций истории КПСС. М., 1970; *С. Л. Титаренко.* Некоторые вопросы критики фальсификаций истории и политики КПСС в современной буржуазной историографии. М., 1974, и др.

Активно разоблачают антисоветчиков и антикоммунистов, фальсификаторов истории советского общества зарубежные историки-марксисты. Правда об Октябре, о большевиках, о Советской России в трудах коммунистов капиталистических стран всегда была важнейшим вкладом в революционное движение, в борьбу против фальсификаторов истории[1]. Эта литература в настоящее время огромна. Разоблачению антикоммунизма и антисоветизма, например, уделено внимание в работах деятелей братских партий[2]. Историками-марксистами капиталистических стран наряду с исследованиями ряда аспектов русских революций написаны работы, в которых показаны несостоятельность, тенденциозность буржуазной антибольшевистской пропаганды в прошлом и классово родственной ей современной буржуазной историографии российских революций, истории КПСС[3]. Одно из главных направлений сотрудничества коммунистических и рабочих партий братских стран социализма в идеологической области, в том числе в области исторических наук, — борьба против буржуазной идеологии и ревизионизма. Важное место при этом занимает борьба против антисоветизма, против искажений истории советского общества. Так, например, историками ГДР создан ряд монографических исследований, раскрывающих несостоятельность методологических и теоретических основ «советологии» и «остфоршунга», показывающих генезис и функции ряда буржуазных социологических теорий

---

[1] См. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961.

[2] См. *Ж. Дюкло.* Октябрь 17 года и Франция. М., 1967; *Р. Арисменди.* Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975; *Ш. Г. Сардесаи.* Индия и революция в России. М., 1967; *Тим Бак.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на канадское рабочее движение. М., 1967; *R. P. Arnot.* The impact of the Russian revolution in Britain. London, 1967; *Ph. S. Foner.* The bolshevik revolution. Its impact on American radicals, liberals and labor. New York, 1967.

[3] См. *Ж. Дюкло.* Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975; *В. Гернс, Р. Штайгервальд, Г. Вайс.* Оппортунизм сегодня. М., 1977; *G. Manacorda.* The Russian revolution di N. N. Sukhanov. — «Societa». Torino, 1956, diciembre, N 6, p. 1120—1129; *A. Rothstein.* Menshevik history warmed-up. — «Marxism today», 1960, vol. 4, N 6, p. 161—173; *E. Schreiner.* Die Oktoberrevolution und ihr Echo in der deutschen Arbeiterbewegung, 1917—1918. — «Marxistische Blätter», 1967, N 5, S. 1—8; *A. Wurmser.* Les avtars de l'antioctobre. — «Cahiers du communisme», 1967, N 10-11, p. 167—176.

становления и развития мирового коммунистического движения, Октябрьской революции, истории КПСС. Среди них выделяются фундаментальное исследование буржуазной историографии ФРГ, работы Г. Розе о «теориях» «индустриального общества» и «конвергенции», а также работы Э. Доннерта, Э. Энгельберга, Г. Лоцека, Г. Фойгта и других, направленные против буржуазных концепций Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций[1]. Подобные задачи решаются историками и других социалистических стран, в том числе в исследованиях по истории трех русских революций[2].

В области критики буржуазной историографии дооктябрьской истории КПСС, однако, предстоит еще немало сделать. Буржуазная литература о революционном движении в России растет количественно, меняются фальсификаторские концепции и приемы, появляются все новые имена. Это требует совершенствования форм и методов полемики с буржуазными авторами. Необходимо постоянно расширять диапазон, совершенствовать критику буржуазной историографии истории КПСС, переходить от критики отдельных концепций идеологов империализма к критике фальсификаций фундаментальных с точки зрения современной идеологической борьбы проблем. Историки партии пока еще не выявили всего комплекса целей и посылок буржуазной историографии борьбы большевиков в трех революциях. Есть и другие важные вопросы критики современной буржуазной историографии дооктябрьского периода истории КПСС, которые ждут своего решения: теоретические и методологические аспекты фальсификации истории, анализ новейших концепций и приемов буржуазных историков и т. д.

---

[1] «Unbewältigte Vergangenheit. Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtsschreibung». Berlin, 1970 (1971, 1977); *G. Rose.* «Industriegesellschaft» und Konvergenztheorie. Genesis, Strukturen, Funktionen. Berlin, 1974.

[2] *Д. Павлов.* Октомврийската революция и нейните буржуазни «критици». — «Ново време», 1967, № 11, с. 106—116; *А. С. Тодоров.* Октомври и кризата на буржуазната «социология на революцията». — «Ново време», 1977, № 5, с. 92—104; *П. Пуцурь, Г. Стойка, И. Рэдулеску.* Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Румынии. М., 1967; *Ф. Чулинович.* Отклики Октября в югославянских землях. М., 1967; *Т. Хайду, А. Шиклош.* Влияние Великой Октябрьской революции на Венгрию. М., 1967; *L. Bazylow.* Ostatnie lata Rosji carckiej. Rządy Stołypina. Warszawa, 1972; *L. Bazylow.* Obalenie caratu. Warszawa, 1976; *A. Doleisi.* Kontrarevoluce a revoluce v Rusku 1907—1917. Praha, 1975.

Задача настоящей работы определяется степенью решения советской исторической наукой задач критики антикоммунистических концепций. Советская литература о буржуазной историографии российских революций до настоящего времени подвергала в основном критике положения идеологических противников об объективных предпосылках революций в России. Отрицание закономерности замены капитализма социализмом предопределяет подход буржуазных историков к субъективным, в том числе историко-партийным, аспектам трех русских революций.

Отрицая закономерность Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазная историческая мысль неизбежно связывает эту посылку с рассуждением о «ненародности» Октябрьской революции, ее недемократизме. Подвергая подобные положения критике, советские историки затронули, но далеко не в полном объеме, историко-партийную сторону вопроса — проблему борьбы партии за массы в демократических и социалистической революциях. Буржуазная историография, изображая, например, Октябрь 1917 г. революцией незакономерной и лишенной прочной массовой базы, искажает роль марксистско-ленинской теории. Это обстоятельство отражено в советской исторической и в еще большей мере философской литературе, раскрывшей несостоятельность попыток буржуазных и ревизионистских идеологов извратить роль ленинизма в российских революциях, изобразить их «революциями без теории», происшедшими якобы вопреки марксизму. Советские исследователи в ряде работ подвергли критическому анализу положения буржуазной историографии истории партии в дооктябрьский период, разоблачили буржуазных фальсификаторов ленинского учения о партии[1]. Необходимо, однако, и специальное историко-партийное исследование буржуазных концепций политики, стратегии и тактики большевиков в трех русских революциях.

---

[1] См. *Ф. Х. Гумеров.* Вымыслы и действительность (Против буржуазной фальсификации организационных принципов КПСС). М., 1967; *И. П. Верховцев, Ю. К. Малов.* Организационные основы КПСС и их «критики». М., 1974; *Л. В. Ромашов.* Ленинское учение о партии и его фальсификации антикоммунистами и ревизионистами. М., 1975; *В. А. Молибошко.* Против буржуазной фальсификации вопросов партийного строительства КПСС. Минск, 1977, и др.

Настоящая работа строится по проблемно-хронологическому принципу. Как показывают советские критические исследования буржуазной и ревизионистской историографии, такое построение в наибольшей степени позволяет развернуть критику основных концепций антикоммунистов и антисоветчиков.

Главной задачей книги является критика буржуазной фальсификации роли большевистской партии в трех российских революциях. При этом сделана попытка выявить, проследить и подвергнуть научной критике систему представлений буржуазных историков, прежде всего историков США и Англии, о роли большевиков в демократических и социалистической революциях в России, т. е. об одной из важных частей ленинского учения о партии нового типа. Ленинское учение о партии и ее руководящей роли в революционной борьбе легло в основу построения настоящего исследования, состоящего из трех глав. В первой главе дается критический анализ наиболее общих положений буржуазной историографии роли партии в трех российских революциях, т. е. основ организации марксистско-ленинской партии и ее революционной деятельности в массах. Раскрытие антинаучного характера этих концепций является исходным пунктом и для критики других аспектов буржуазной историографии руководящей роли большевиков в трех революциях. Вторая глава посвящена раскрытию несостоятельности буржуазных фальсификаций марксистско-ленинской теории как основы стратегии и тактики большевиков в трех революциях. В ней главное внимание уделено критике попыток опровергнуть способность ленинской партии на основе марксизма-ленинизма проводить политику в соответствии с объективным ходом революционного процесса в России. В третьей главе рассматриваются вопросы борьбы большевистской партии за массы в период трех революций в России в связи с попытками буржуазной историографии фальсифицировать эту важную сторону деятельности партии.

Данным вопросам западная литература уделяет большое внимание, отдавая себе отчет, что лишь сплочением масс вокруг своих лозунгов и программных установок большевики обеспечили победу Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций.

Названными проблемами не исчерпаны историко-партийные аспекты критики буржуазной и ревизионистской историографии роли партии большевиков в трех революциях. Объем работы не позволил подвергнуть подробному критическому анализу ряд вопросов, связанных с рассматриваемыми или вытекающих из них. Намечен лишь подход к ряду таких проблем, приводятся некоторые соображения о дальнейших направлениях критики буржуазной и реформистской историографии дооктябрьского периода истории КПСС.

Наряду со специально рассмотренными в данной работе проблемами необходимо также продолжать критику фальсификаций роли В. И. Ленина в борьбе большевиков за победу буржуазно-демократической и социалистической революций в России. Буржуазная и ревизионистская литература о вожде большевистской партии многочисленна, разнородна. Современники на Западе в большинстве своем сознают историческое величие В. И. Ленина как политика, вождя партии и руководителя Советского государства. «Сторонники и противники Ленина, — пишет западногерманский публицист Т. Штаммен, — сегодня в одинаковой мере сходятся на том, что нелегко назвать другое лицо, которое бы приблизительно сравнимым образом определило вид XX века, как Владимир Ильич Ульянов-Ленин»[1]. Но признание величия В. И. Ленина не мешает многим буржуазным авторам искажать подлинное значение его в истории российского революционного движения, в истории партии и Советского государства. Искажаются факты истории, свидетельствующие о верности В. И. Ленина принципам революционного марксизма, искажаются методология творческого использования науки о пролетарской революции, связь В. И. Ленина и ленинизма с современностью. Не ослабевающий во всем мире интерес к исторической деятельности В. И. Ленина свидетельствует о необходимости научной критики положений буржуазной историографии, разоблачения антиленинских фальсификаций. В рамках данной работы подвергнута критике лишь часть интерпретаций роли В. И. Ленина в борьбе большевиков за победу демократической

---

[1] *T. Stammen.* Wladimir I. Lenin (1870—1924). Politiker des 20. Jahrhunderts. Erster Band. Die Epoche der Weltkriege. München, 1970, S. 23.

и социалистической революций[1]. Отметим также важность и недостаточную, на наш взгляд, решенность задачи критики фальсификаций принципов интернационализма в деятельности КПСС в дооктябрьский период.

Предметом анализа и критики в данной работе стала литература на английском, немецком, французском и некоторых других языках, которая тенденциозно освещает историю Страны Советов, в частности историю борьбы большевистской партии за победу демократической и социалистической революций в России. Многочисленные работы посвящены В. И. Ленину и другим деятелям большевистской партии. В «трудах» о политических противниках большевизма (от троцкистов до царского окружения) также немало домыслов о большевиках. Буржуазная литература о рабочем, крестьянском движениях, о русской армии, флоте демонстрирует определенные концепции буржуазной историографии большевистской партии. С ними тесно связаны разного рода философские, социологические, «политологические», государственно-правовые трактаты буржуазных и ревизионистских авторов. Бесчисленные сочинения пропагандистского толка демонстрируют эпигонское переписывание истории, эклектическое комбинирование самых различных концепций. Эту группу мы стремились учитывать в меньшей мере, хотя невозможно провести четкую грань между «серьезной» литературой и подобными низкопробными опусами.

В последние годы наблюдается дальнейший рост интереса «советологов» к вопросам российского революционного движения, ко всем трем революциям в России, к изучению их отдельных проблем, к истории КПСС. Приспосабливаясь к условиям классовой, идеологической борьбы в современном мире, к новым установкам стратегии империализма в условиях дальнейшего развертывания мирового революционного процесса, разрядки международной напряженности, буржуазные историки были вынуждены частично отойти от устарелых концепций истории КПСС, характерных для периода «холодной войны», заняться разработкой новых положений. Речь идет о старой доктрине «тоталитаризма» и более современной «теории индустриального общества». Эволюция

[1] См. *Р. Бауэрман, Г.-Й. Речер.* Ленинизм и классовая борьба. Критика современных концепций ленинизма. М., 1976; *О. Ф. Соловьев.* Триумф Ленина и банкротство его критиков. М., 1978.

буржуазной историографии от одной концепции к другой, их взаимодействие, применение показаны в работах советских ученых-обществоведов[1], а также в труде историков ГДР[2]. Более изощренными стали методы, приемы работы с историческими источниками. Показательным в этом плане является издание резолюций и решений КПСС в четырех томах с антикоммунистическими предисловием и комментариями, выпущенное канадскими и американскими «советологами». Первый том издания под редакцией Р. Эльвуда посвящен периоду с 1898 по октябрь 1917 г.[3]

В работах буржуазных историков эклектически сочетаются различные антибольшевистские версии, критикуются устаревшие источники, демонстрируется стремление создать видимость обоснованности, непредвзятости оценок, в том числе и путем соответствующей интерпретации советских работ, документов партии, трудов В. И. Ленина и т. д.

При всех изменениях, при пестроте концепций буржуазная историография истории КПСС выступает как идейно-политическое оружие империализма в борьбе против реального социализма, марксизма-ленинизма, революционного движения.

Особое внимание в данной работе уделено вышедшим в 60—70-х годах работам, а также книгам, которые западные историки приурочили к 60-летию Великого Октября. Наряду с современной литературой использована и литература 20—50-х годов с целью выявления системы взглядов на историю большевистской партии, главных направлений «исследований» буржуазных идеологов и историков, а также раскрытия классовой общности антибольшевизма и антикоммунизма за весь период существования Советского государства. Такие рамки позволяют выявить и подвергнуть критике наиболее существенные направления буржуазной и ревизионистской историографии роли большевистской партии в борьбе трудящихся России за победу демократи-

---

[1] См. *Б. И. Марушкин.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; *Ю. А. Красин.* Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975, и др.

[2] «Unbewältigte Vergangenheit».

[3] «Resolutions and decisions of the Communist party of the Soviet Union», vol. 1. Toronto—Buffalo, 1974.

ческой и Великой Октябрьской социалистической революций.

С известной долей условности в критикуемой литературе можно выделить четыре взаимосвязанных и взаимодополняющих направления, оттенка фальсификаторских концепций. Прежде всего следует отметить буржуазных исследователей, работы которых отличают «академические» оценки истории российских революций на основе доктрины «модернизации» («индустриального общества»). Это, как правило, наиболее новые, изощренные и гибкие концепции, иногда с некоторыми признаками объективизма. Важную роль играет и другая группа «советологов», более консервативная, более близкая к правящим кругам, к военно-промышленному комплексу. В США, например, наиболее известными представителями этого направления являются З. Бжезинский и его единомышленники. В интерпретации истории России начала XX в. ими используются откровенно антикоммунистическая доктрина «тоталитаризма» и еще более примитивные оценки истории большевистской партии с позиции пресловутой «специфики» русской истории. Крайне правое направление представлено разного рода наемными писаками и их немногими университетскими вдохновителями, муссирующими примитивные версии полицейского антикоммунизма («заговор», «немецкие деньги» и т. п.). Наконец, дает о себе знать и использование некоторыми буржуазными историками заимствований у «левых» фальсификаторов истории КПСС — троцкистов, анархистов, разного рода реформистов и ревизионистов. Критическому анализу в данной работе подвергаются главным образом два первых направления в «советологии», как наиболее распространенные и активные.

В настоящей работе использован широкий круг источников и литературы. Это прежде всего произведения В. И. Ленина, принципиальное значение которых для критики антинаучных концепций истории большевистской партии отмечено выше. Привлечены также публикации документов большевистских организаций и органов — как центральных, так и местных,—протоколы партийных съездов и конференций, пленумов Центрального Комитета партии, большевистская периодическая печать и др. Использована историко-партийная литература: многотомная «История Коммунистической партии Советского Союза», очерки истории местных партийных

организаций, исследования историков партии, историко-партийная периодика, а также советская научная литература по разным аспектам истории трех революций в России.

Принципиальное значение для критики фальсификаций роли большевистской партии в трех революциях имеют также такие основополагающие документы, как Программа и Устав КПСС, решения XXIII—XXV съездов партии, Конституция СССР, документы и материалы, посвященные 50-летию Великого Октября, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, труды Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева[1] и других руководящих деятелей КПСС[2]. Эти документы и материалы — важнейший фактический источник, принципиальная теоретическая основа критики антикоммунизма, фальсификаторов истории и политики КПСС.

---

[1] См. *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1—7. М., 1972—1979; *его же.* Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1—2. М., 1978, и др.

[2] См. *М. А. Суслов.* На путях строительства коммунизма, т. 1—2. М., 1977; *Б. Н. Пономарев.* Избранное. Речи и статьи. М., 1977; *его же.* Живое и действенное учение марксизма-ленинизма (Ответ критикам). М., 1978, и др.

Глава I

Ленинские принципы организации и деятельности партии большевиков: правда истории и домыслы «советологов»

Борьба рабочего класса России в трех революциях, увенчавшаяся победой Великого Октября, наглядно демонстрирует руководящую роль партии нового типа в пролетарской революции. Сила и непобедимость такой партии в том, что она направляет все свои действия к победе социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата, выступает как авангард рабочего класса, воплощая в себе единство с этим классом, с трудящимися массами, как единая, сплоченная, дисциплинированная партия, партия интернационалистов-ленинцев, партия революционного марксизма.

Роль партии нового типа в революции не может не быть объектом яростных нападок буржуазии. Наиболее характерной чертой буржуазной историографии является ее сугубо прикладная, политическая направленность — показатель глубокого кризиса буржуазного исторического знания. На это указывают обстоятельства появления современных буржуазных историографических концепций принципов организации и деятельности партии большевиков. Длительное время буржуазные историки отвергали мысль о какой-либо обусловленности социалистической революции в России, игнорировали и субъективный, решающий в эпоху империализма фактор социалистической революции. Лишь в начале 50-х годов, исходя из запоздалого признания, что «было бы вершиной поверхностности рассматривать триумф большевизма как простую случайность», видный «советолог» М. Фэнсод (США) небольшой раздел своей книги посвятил организационным основам, тактике большевистской партии[1]. Организованность, дисциплина, умелое политиче-

[1] *M. Fainsod.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1953, p. 31.

ское руководство — вот что выделял американский исследователь.

Но истоки основных аспектов современных буржуазных концепций этих проблем лежат в гораздо более раннем периоде. Черты, характерные для современной литературы о роли большевистской партии в русских революциях, проявились уже в 20—40-х годах. Это прежде всего крайний субъективизм. Так, внимание уделялось агитации большевиков; организация масс, как и построение партии, буржуазными авторами не принималась в расчет. П. Милюков, например, среди черт большевистской партии, способствовавших ее победе, главное внимание уделял агитации[1]. Характерно, что он вообще не считал большевиков самостоятельной партией. «Большевизм в этот первый период революции, — писал П. Милюков о первых месяцах после Февральской революции, — еще не отделился от более умеренных социалистических течений»[2]. Не считал важными для победы большевистской партии ее организацию и деятельность английский профессор, специалист по истории России Б. Пэрс. Большевики, по его словам, захватили власть так, как «входят в пустое помещение»[3]. Б. Пэрс, однако, тоже уделяет внимание агитационно-массовой работе большевиков, изображая ее, как и П. Милюков, в искаженном виде. Многие авторы (Н. Бердяев, Ф. Степун, Д. Вернадский и др.) концентрируют внимание на «духе народа», выводя из него причины победы большевиков[4]. Эти «евразийцы»[5] неизменно сравнивают большевистскую партию с религиозными монашескими орденами. Сторонники версии об Октябрьской революции как заговоре, например А. Керенский, пытались вообще игнорировать большевистскую партию как фактор победы Октябрьской революции[6]. Отрицают необходимость изу-

[1] См. *П. Милюков.* Россия на переломе, т. 1. Париж, 1927, с. 121.

[2] *P. Miliukov.* Bolshevism: an international danger. London, 1920, p. 71.

[3] *B. Pares.* Russia. Harmondsworth, 1941, p. 105.

[4] *N. Berdyaev.* The origin of Russian communism. London, 1937, p. 144; *F. Stepun.* Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern—Leipzig, 1934, S. 23, 72.

[5] См. *Б. Н. Марушкин.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 108—119; *С. А. Федюкин.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу, с. 99—134, 262—309, и др.

[6] *L. Lawton.* The Russian revolution 1917—1926. London, 1927; *A. F. Kerensky.* The catastrophe. Kerensky's own story of the Russian

чения большевистской партии и сторонники «теории ошибок»[1], согласно которой решающую роль в победе большевиков сыграли «ошибки» Временного правительства, буржуазных и соглашательских партий.

В эти годы стало модным приравнивать большевиков к народникам, в том числе и в формах организации и деятельности партии. Подобная фальсификация отличает книгу американского «советолога» У. Чемберлина[2].

В буржуазной историографии истории большевистской партии используются антипартийные, антиленинские тезисы, разоблачавшиеся партией, советской исторической наукой в процессе острой борьбы с троцкистами, зиновьевцами и прочими фальсификаторами ленинского учения о пролетарской партии. Так, М. Флоринский, развивая мысль о «непричастности» большевиков к революционному движению в России в марте—октябре 1917 г., ссылается на утверждения Троцкого. По Троцкому изображает состояние большевистских организаций и В. Чернов, отрицающий роль большевистской партии в победе Великой Октябрьской социалистической революции[3].

Фактически уже в 20—40-х годах в буржуазной литературе присутствуют два подхода к оценке основ организации и деятельности большевистской партии: отрицание объективной исторической обусловленности возникновения и деятельности большевистской партии в демократических и социалистической революциях, распространение домыслов и клеветы, с одной стороны, с другой — поиск буржуазными идеологами источников силы большевистской партии как организации. Рисуя большевиков в извращенном виде — как секту заговорщиков, средневековый орден, военизированную организацию, идеологи буржуазии по-своему отдавали тем самым дань ее дисциплинированности, спаянности, признавали влияние большевиков на массы и т. д.

«Советологи» послевоенных лет изменили подход

---

revolution. New York — London, 1927; *J. Mavor.* The Russian revolution. London, 1928.

[1] *I. don Levine.* Stalin. New York, 1931, p. 123.

[2] *W. H. Chamberlin.* The Russian revolution 1917—1921, vol. 1. New York, 1935, p. 119, 185—186.

[3] *M. T. Florinsky.* The end of the Russian empire. New Haven — London, 1931, p. 262; *V. Chernov.* The great Russian revolution. New Haven, 1936, p. 411.

к фальсификации учения о пролетарской партии нового типа, но сохранили главное в этой фальсификации: субъективизм, ненаучность приемов, антикоммунизм. Усилилось внимание к «оружию организации». Так была даже названа книга о мировом коммунистическом движении, широко известная в 50-х годах[1]. Двадцать с лишним лет спустя профессор Торонтского университета (Канада) Д. Кип выделяет как одну из причин победы большевиков «оружие организации, которое они часто использовали со смертельной эффективностью»[2]. Эти черты присущи, например, концепции «инструмента», изложенной Э. Карром, известным английским специалистом по истории СССР, в первом томе «Большевистской революции»[3]. В этом труде большевистская партия представлена слепым орудием В. И. Ленина, отрицается объективная обусловленность формирования первой марксистской партии нового типа. Продолжая линию всей буржуазной историографии, Э. Карр изображает большевиков «элитой», противостоящей массам. Правда, он избегает лобовых негативных характеристик большевистской партии. В обстановке маккартизма это было немаловажно. Однако объективно концепции Э. Карра искажают основы организации и деятельности большевистской партии. Позднее подход к большевистской партии как к инструменту волевого вмешательства в ход истории получил широкое хождение у осваивавших гибкие приемы «советологов». Он лег в основу развития буржуазными историками антинаучных концепций роли партии большевиков в борьбе за демократические и социалистическую революции.

В 50-х годах широкое хождение получает «теория элиты», воплотившая антикоммунистическую клеветническую сущность «советологии». С ее помощью буржуазные исследователи навязывают читателям представление о большевистской партии как организации, оторванной от рабочего класса, от народных масс, противостоящей и чуждой им силе. «Теория элиты» является непременным атрибутом современной буржуазной историографии.

---

[1] *P. Selznick.* The organizational weapon. A study of bolshevik strategy and tactics. New York, 1952.

[2] *J. Keep.* The Russian revolution. A study in mass mobilization. London, 1976, p. XII.

[3] *E. Carr.* The bolshevik revolution 1917—1923, vol. I. London, 1950.

Буржуазная историография до 60-х годов борьбе большевиков против оппортунизма справа и «слева» отводила в целом периферийное место. Доминировал стереотип партии как организованной на военный лад машины, исполняющей приказы центра. Современная буржуазная историография в освещении роли большевистской партии в трех революциях делает заметный поворот от положений о партии как о милитаризованной заговорщической организации к концепциям «рыхлой», неединой партии и т. п. Замена одной версии другой соответствовала политике стимулирования оппортунизма и «плюрализма»[1], т. е. оппортунизма и ревизионизма в рядах мирового коммунистического движения, политике его раскола.

Диапазон представлений об организационных основах большевистской партии, свойственных современной буржуазной историографии, был продемонстрирован на конференции «советологов» в Гарвардском университете (США) в 1967 г. Здесь сторонники и противники концепции большевистской партии как заговорщической, строго дисциплинированной организации не уступали своих позиций. Так, американский антикоммунист Б. Вольф заявил: «... как и другие политические группы в России, большевики имели у себя колеблющихся, умеющих только дебатировать и отягощенных прошлым людей. Однако Ленин к ним не относился». Профессор Гарвардского университета Р. Пайпс, напротив, подверг критике своего коллегу А. Улама, приравнявшего в организационной рыхлости большевистскую партию к буржуазным и мелкобуржуазным. Л. Шапиро (Лондон) хотя и отметил некоторые элементы «неорганизованности», но подчеркнул, что у большевиков «в общем хаосе всегда существовало твердое ядро решительных людей». М. Фэнсод также делал акцент на том, что большевики «представляли собой относительно дисциплинированную силу». В то же время Д. Кип упрекнул западных историков в том, что они будто бы под влиянием советской литературы «имеют склонность считать, что большевистский партийный аппарат функционировал гораздо более

[1] См. *Е. Д. Модржинская.* Современный антикоммунизм. Критические очерки. М., 1972, гл. IV; *М. Х. Фарукшин.* Критика антикоммунистической концепции «политического плюрализма». — «Научный коммунизм», 1974, № 2; *В. Д. Гранов.* Плюрализм: видимость и сущность. — «Философия и современность». М., 1976, и др.

эффективно, чем это было возможно в условиях революции»[1].

Не вдаваясь в подробности этой полемики, отметим, что обе стороны показали искаженное понимание и отражение реальной истории строительства большевистской партии. И до сих пор ряд авторов делают акцент на жесткой дисциплине большевиков[2]. Однако Л. Шапиро, например, придерживается сейчас иного мнения: «...большинство солидных исследований 1917 г. согласны, что она (большевистская партия. — *Н. Р.*) не была ни единой, ни дисциплинированной»[3].

Таков в общих чертах генезис системы взглядов современной буржуазной историографии на основы организации и деятельности большевистской партии в период трех российских революций. Последнее слово «советологии» — «рыхлая» партия — четко обнаруживает суть связи буржуазной историографии большевизма с изменениями стратегии империализма в борьбе против коммунистического движения. Кроме того, возникновение наряду с одной концепцией совершенно противоположной показывает антинаучный характер упражнений буржуазных авторов в этой области. В целом же в их историографических позициях выступает главная, классово обусловленная и научно несостоятельная посылка: отрыв Коммунистической партии от исторических судеб нашей страны и современного мира.

Применяя к партии термины типа «инструмент», идеологи буржуазии вкладывают в него смысл, предполагающий противоестественное, нередко волюнтаристское вмешательство в ход истории, причем под естественным ходом истории, конечно, подразумевается устраивающий буржуазию порядок.

В буржуазной историографии нередки высказывания, будто революционное движение масс России — это прежде всего следствие деятельности большевиков[4]. По-

---

[1] «Revolutionary Russia». Cambridge (Mass.), 1968, p. 141, 142, 219, 223.

[2] «A history of civilisation», vol. 2, p. 398; «Columbia history of the world». New York, 1972, p. 998; *T. Hammond.* Preface to «The anatomy of communist takeovers». New Haven — London, 1975, p. 3.

[3] «The New York review of books», 31.III.1977, p. 3.

[4] *R. C. Elwood.* The Russian social democracy in the underground. A study of the RSDRP in the Ukraine, 1907—1914. Assen, 1974, p. 111, 56; «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, Bd. 24, N 4, S. 583; «Osteuropa», 1977, N 11, S. 1016.

добный подход обнаруживает отрицание закономерности классовой борьбы в капиталистическом обществе. Он родствен тем крайне реакционным взглядам на историю, когда в борьбе масс усматривают следствие «заговоров». Такая трактовка коммунистического движения не нова, как и весь антикоммунизм. К. Маркс, отвергая обвинения против I Интернационала, писал, что эта пролетарская организация — «не искусственное порождение какой-нибудь секты или теории», а результат «роста пролетарского движения...» [1]. В. И. Ленин в свою очередь указывал в этой связи на «тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей социал-демократическая партия» [2]. Возникновение коммунистических партий — закономерное следствие противоречий капиталистического общества, борьбы пролетариата, развития теории научного социализма. Переход человечества к новому общественному строю — социализму, как доказали К. Маркс и Ф. Энгельс, совершается путем революционного свержения эксплуататоров. Объективное положение рабочего класса таково, что лишь он способен осуществить революционную замену капитализма социализмом. Всемирно-историческая миссия пролетариата может быть выполнена только под руководством коммунистической партии. «Для того, чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, — подчеркивал Ф. Энгельс, — необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия» [3]. Теоретически и практически К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что партия пролетариата выступает как носитель передовой, революционной теории, олицетворяет соединение научного социализма с рабочим движением, является авангардом пролетариата. Они разработали и проводили в жизнь основы учения о революционной пролетарской партии.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, с. 336.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 217.
[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, с. 275.

В. И. Ленин и большевики в строительстве партии нового типа прочно опирались на учение К. Маркса и Ф. Энгельса. В новую историческую эпоху В. И. Лениным было всесторонне и полно разработано учение о партии, обосновано ее значение для победы пролетариата. В. И. Ленин писал: «Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности»[1].

В новых исторических условиях решающее значение для революционного свержения капитализма приобрел субъективный фактор — сознательность и организованность рабочего класса, наличие у него авангарда — партии, способной возглавить борьбу пролетариата за социалистическую революцию, за социализм и коммунизм. Социально-экономическое развитие России и всего капиталистического мира в эпоху империализма сделало страну узловым пунктом противоречий мирового капитализма, создало предпосылки для превращения России в центр революционного движения[2]. С начала XX в. российский рабочий класс выступил как передовой революционный отряд мирового пролетариата. Слова В. И. Ленина: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»[3] — отражали насущную потребность рабочего движения страны. Рычаг, тот самый «инструмент», о котором так настойчиво толкуют идеологи империализма, был порожден классовой борьбой российского и мирового пролетариата. В нем В. И. Ленин видел ключ к воплощению на практике учения о социализме. Так возникла партия нового типа.

Ленинское учение о пролетарской партии нового типа, борьба В. И. Ленина за создание такой партии — зако-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 373.

[2] См. *А. Л. Сидоров.* К вопросу о перемещении центра международного революционного движения в Россию. — «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 1. М., 1955; *И. И. Минц.* Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию. — «Из истории социально-политических идей». М., 1955; *К. И. Суворов.* Перемещение центра мирового революционного движения в Россию. М., 1978.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 127.

номерный этап революционного движения. Это подтвердил весь ход революционных преобразований мира. Ленинское учение о партии материализовалось в победе Великой Октябрьской социалистической революции, в мощном революционном подъеме во всем мире, в создании III Коммунистического Интернационала и формировании коммунистических партий, в образовании мировой системы социализма, в превращении международного коммунистического движения в самую мощную общественную силу современности. Настойчивые попытки антикоммунистов и ревизионистов внести раскол в мировое коммунистическое движение, утверждения о «противоестественности» коммунизма исторически бесперспективны. Прогресс человечества неразрывно связан с борьбой коммунистов, с организующей и направляющей деятельностью коммунистических и рабочих партий.

Еще одной основополагающей посылкой в концепциях «советологов» выступает искаженное представление о взаимоотношениях коммунистов и народных масс. Так, наклеивая на большевиков ярлык «элиты», буржуазные «эксперты» пытаются убедить аудиторию, будто большевистская партия по своему составу и построению была обособлена от народных масс, была чуждым им образованием. Словечко «элита» — крайне поверхностный, пустой термин. В буржуазной социологии сконструировано столько различных типов «элит» — психологических, биологических, технологических, организаторских и т. п., что попытки выделения рационального смысла этого понятия обречены на неудачу. «Термин «элита», — пишет Г. К. Ашин, — употребляемый вместо понятия «правящий класс», нельзя считать научным. Дихотомическое деление элита — массы настолько неглубоко, поверхностно отражает сложные социальные закономерности современного общества, что в этом вынуждены откровенно признаться сами сторонники этих теорий»[1]. Этот термин в применении к коммунистам имеет чисто клеветническое назначение. В идеологическом отношении он призван скрывать деление общества на классы, классовую борьбу.

Буржуазные критики марксистско-ленинского учения о партии нового типа стараются избегать конкретных

---

[1] *Г. К. Ашин.* Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966, с. 55—56.

фактов, подменяя их голословными, псевдонаучными доводами. В освещении ими существа работы партии среди рабочих, в массах с трудом находишь подобие аргументов. «Ленин с начала своей революционной деятельности, — пишет профессор Мичиганского университета А. Мейер, — проявил недоверие к рабочему классу и нежелание полагаться на стихийные силы истории»[1]. «Ленин был заклятым врагом стихии»[2], — утверждает Б. Вольф. «Обосновывают» «элитизм» большевиков идеологи буржуазии обычно ссылками на высказывания В. И. Ленина, которые отражают положение пролетариев в капиталистическом обществе. Так, он писал: «...исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское...»[3]

Исторический путь Коммунистической партии Советского Союза, ленинские принципы организации и деятельности партии не оставляют места для домыслов о мнимой обособленности от масс, о недоверии к ним, об «элитизме». Народные массы не могут вести борьбу за свое освобождение без руководства партии. Попытки оторвать ее от рабочего класса, народа — выполнение социального заказа империалистической буржуазии.

Суждения «советологов» отражают метафизическое, антидиалектическое понимание взаимоотношений коммунистической партии и трудящихся масс. Объективное положение эксплуатируемого класса в капиталистическом обществе, целенаправленные усилия господствующего класса и государства не дают ему в своей массе подняться до уровня социалистической сознательности, как неоднократно указывал В. И. Ленин[4]. Такова одна сторона оценки В. И. Лениным связи партии и масс, воплощения этой связи в пролетарской партии. Другая ее сторона заключается в том, что партия служит коренным интересам рабочего класса, и прежде всего завоеванию им политической власти. Партия действует в гуще масс пролетариата, знает их запросы, умеет подойти к массам, с тем чтобы, воздействуя организационно и идейно, поднимать эти массы до уровня класса-гегемона,

---

[1] *A. G. Meyer.* Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 138.
[2] «Revolutionary Russia», p. 133.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 245; т. 41, с. 236.

борца за социалистическую революцию, за коммунизм. Поднимать, а не фиксировать некий средний уровень их развития, к чему фактически клонят идеологи буржуазии, реформисты.

Буржуазные идеологи выдают себя за истинных выразителей настроений масс. На деле же, противопоставляя «стихию» «элите», они пытаются увековечить наемное рабство трудящихся.

Продемонстрированная всей историей КПСС ее неразрывная связь с классом — основа основ организации партии нового типа. С самого начала перед партией стояла задача «внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии*»[1]. Этим принципом руководствовались большевики. «Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы...»[2] — указывал В. И. Ленин. «Чтобы быть социал-демократической *партией*, надо добиться *поддержки* именно *класса*»[3], — писал он. В. И. Ленин поставил четкую задачу: «Каждый завод должен быть нашей крепостью»[4]. Особенно наглядно единство партии большевиков и народа проявилось в периоды революционных подъемов, революций. «Только тот победит и удержит власть, — говорил В. И. Ленин в ноябре 1917 г., — кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества»[5].

Буржуазные авторы весьма охотно оперируют словами «большинство» и «меньшинство». Однако они неизменно оказываются в затруднительном положении, когда речь заходит о том, почему в период революции 1905—1907 гг., в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции большинство

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 189.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 95.
[3] Там же, с. 248.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 15.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 61.

рабочих поддерживало большевиков, происходил громадный рост рядов партии. Это наглядное доказательство стремления и умения большевистской партии быть с массами, с рабочим классом. Перед лицом фактов обнаруживается тенденциозность тезисов об «элитизме», о «недоверии» большевиков к массам. Оказавшись в таком положении, буржуазные исследователи идут на всевозможные уловки, чтобы «объяснить» этот факт. Но непредвзятый читатель поймет, что в основе выступлений «экспертов» по большевизму скрыта определенная позиция: отрицание руководства массами со стороны большевистской партии.

«Советологи» не только постулируют мысль об отражении в организационных основах большевизма мнимой противоположности интересов партии и масс; они фальсифицируют методы руководства массами со стороны партии большевиков. Домыслы идеологов буржуазии и ревизионистов, сводящиеся к тому, будто большевики командовали или манипулировали[1] массами, фальшивы, рассчитаны на запугивание обывателей. В действительности теория и практика решения большевиками вопросов о «методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»[2] не имеют ничего общего с утверждениями «советологов». Даже в годы реакции, первой мировой войны, войны гражданской, требовавших максимального сплочения и работы по-военному, большевистская партия продолжала руководствоваться в своей работе и своем строительстве, насколько позволяла обстановка, принципом демократического централизма.

«Развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы»[3], — подчеркивал В. И. Ленин. Большевики стремились в практической работе в массах действовать методами убеждения, разъяснения. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость сочетания политической работы в массах с элементами педагогики, как важнейшим средством убеждения масс в правильности политической линии партии. «В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики... — указывал он. — Социал-демократ,

---

[1] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 470.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 206.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 376.

который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом»[1]. Метод убеждения был и остается основным методом руководства массами, подчеркивает партия, и на современном этапе.

Антикоммунистический характер носят также попытки «разгородить» партию, классы и широкие массы[2]. Отрицается та взаимосвязь в классовой борьбе трудящихся, которую В. И. Ленин характеризовал как «вожди — партия — класс — массы». Он показал, что классовая борьба трудящихся не может иметь успеха без руководства передовым классом со стороны его партии, имеющей ядро «наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»[3]. Отрицание этой закономерности равнозначно попытке разоружения революционных сил. Несостоятельно и противопоставление партии массам, руководителей — рядовым членам партии на основе критерия политической сознательности. В период подготовки Великого Октября, например, большевистская партия имела четкую марксистско-ленинскую программу, которая выражалась в сжатых лозунгах, формулировалась в резолюциях VI съезда партии, VII (Апрельской) Всероссийской конференции, в решениях ЦК партии, большевистских органов, в печати, в резолюциях митингов и собраний и т. д. Суть этой программы была одна и та же как для рядовых членов партии, так и для руководителей масс.

Таким образом, фундаментом концепций организации и деятельности партии большевиков в трех русских революциях служат ложные посылки идеологов империализма. Эти посылки приняли форму фальсификации классового характера большевистской партии, домыслов о заговорщической, милитаризованной организации, концепции «рыхлой» партии, попыток смазать грань между большевиками и меньшевиками, а также фальсификации методов идейно-массовой работы партии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 357.
[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. VIII.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 24.

Против искажения антикоммунистами пролетарского характера большевистской партии

Одной из характерных черт буржуазной историографии является фальсификация социального, классового состава большевистской партии и в конечном счете отрицание или замалчивание ее пролетарского характера. Между тем пролетарским характером партии объясняется непосредственная связь между сознательной деятельностью членов партии — авангарда класса и движением человечества к высшим формам организации общества. Авангард класса, познавая и используя закономерности общественного развития, организует и направляет историческое творчество масс и тем самым решающим образом ускоряет прогресс человечества. Ярким примером этого является победа Великой Октябрьской социалистической революции.

Распространенным в прошлом (в меньшей мере в настоящем, если не считать прямого замалчивания) методом «доказательства», будто большевики — это партия революционеров, далеких от народа, является объяснение победы Октября «экстремизмом» «русской интеллигенции», изображение большевиков «интеллигентской» партией.

Такие измышления не новинка. На V съезде РСДРП меньшевики Мартов и Аксельрод утверждали, будто бы РСДРП — партия не рабочего класса, а мелкобуржуазной интеллигенции[1]. Заодно с ними эту идейку распространял и Троцкий. Отвечая на подобные выпады, В. И. Ленин писал: «Это — давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к *отрицанию* партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали *массовое* рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией»[2].

Еще в годы гражданской войны Э. Антонелли (Франция) утверждал, что «среди самих большевиков все партийные работники — выходцы из интеллигентского класса, студенты, литераторы и т. д. Ни один из них не

---

[1] См. «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП». Протоколы. М., 1963, с. 505, 530.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 201.

вышел из народа»[1]. «Все они, конечно, — писал Б. Пэрс, — были интеллигентами, в большинстве публицистами или журналистами»[2]. И современные «советологи» нередко пишут о преобладании интеллигенции в большевистской партии, приписывают ей «интеллигентский» характер и, фальсифицируя принципы ее строительства, противопоставляют партию народу[3].

Вопрос о характере партии сводится ими к личному составу ее руководства, якобы сплошь состоявшего из интеллигентов. Это крайне искаженный, однобокий подход. Партия нового типа — это партия рабочего класса. Уделяя внимание тому, чтобы всегда, на всех уровнях в партии было больше рабочих, большевики не сводили вопрос к проценту рабочих в своих организациях. Решающее значение для пролетарского характера партии имеет ее деятельность, направленная на осуществление рабочим классом своей исторической миссии — превращение в господствующий класс, установление диктатуры пролетариата, построение социализма и коммунизма. «Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения»[4], — отмечал В. И. Ленин в 1902 г. И после победы Великой Октябрьской социалистической революции им подчеркивался тот же принцип: «...является ли партия действительно политической рабочей партией или нет, это зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики. Только это последнее и определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата»[5]. Так учил В. И. Ленин подходить к вопросу о классовом характере партии. Своей историей, всей политической работой КПСС подтверждает непоколебимую верность завету В. И. Ленина, делу рабочего класса.

---

[1] *E. Antonelli.* Bolshevik Russia. New York, 1920, p. 17.

[2] *B. Pares.* My Russian memoirs. London, 1931, p. 448.

[3] *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution. New York, 1964, p. 217; *A. Meyer.* The soviet political system. An interpretation. New York, 1965, p. 155; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union. London, 1970, p. 172—173; *R. Pipes.* Russia under the old regime. London, 1974, p. 273; *J. Keep.* The Russian revolution, p. IX.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 99.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 261.

Вопрос о роли профессиональных революционеров и связанный с ним вопрос об интеллигенции в рядах партии составляют часть этой проблемы. Предпринимаемые буржуазной историографией попытки противопоставления профессиональных революционеров — выходцев из интеллигенции рабочим носят надуманный характер. В. И. Ленин говорил: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров»[1]. Такая мысль является глубоко чуждой ленинскому подходу к построению партии. Ядро профессиональных революционеров необходимо партии для того, чтобы она могла выполнить свою роль вождя рабочего класса. При этом В. И. Ленин выступал против искусственного противопоставления рабочих в партии интеллигентам. Историю трех революций делали большевики, вышедшие из различных слоев общества. В то же время он настойчиво добивался формирования ядра профессиональных революционеров, народных трибунов из среды рабочих, воспитания «рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности,* как и интеллигенты-революционеры...»[2]. Непременным требованием к членам партии В. И. Ленин считал завоевание доверия самых широких рабочих масс[3]. Эти положения формулировались как принципы строительства большевистской партии и последовательно проводились в жизнь. Благодаря преданности делу рабочего класса, строго классовой политике партия большевиков завоевала безграничное доверие рабочих, всех трудящихся. Огромную роль в этом сыграли пролетарские профессиональные революционеры-ленинцы, большевистская партийная гвардия, выходцы из рабочего класса, передовой интеллигенции, из народа[4].

Тезис идеологов буржуазии о партии интеллигентов — профессиональных революционеров опровергают факты о социальном составе большевистской партии. Пролетарским по составу был ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Из привлеченных по делу этой организации к суду 251 человека 170 были

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 287.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 131.

[3] См. там же, с. 133.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 186; т. 45, с. 20.

рабочими (70%)[1]. В докладе большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г. говорилось о тысячах промышленных рабочих, состоявших в рядах РСДРП, и идейном влиянии ее на сотни тысяч рабочих[2]. История ленинской «Искры» — это история героизма, преданности передовых рабочих делу партии. В. И. Ленин писал о И. В. Бабушкине: «Без неустанной, геройски-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев»[3]. Рабочий Денисов в последнем слове перед саратовской судебной палатой говорил: «Считая, что социал-демократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариев вообще, и русских рабочих в частности, я считаю долгом следовать ее принципам, выступать согласно ее программе»[4]. С полным основанием В. И. Ленин сделал вывод о том, что «весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры»»[5]. Он отмечал, что в период «Искры» интеллигенция составляла меньшинство в партии[6]. По статистическим данным на начало 1905 г., рабочие в большевистских организациях составляли 61%[7]. Этот уровень рабочих в партии с незначительными колебаниями сохранялся на всем протяжении дооктябрьского периода. Петербургский комитет партии стал «рабочим» в годы первой русской революции[8]. Значение пролетарского ядра партии демонстрируют съезды РСДРП. Так, если на II съезде партии около 6% делегатов составляли рабочие, на IV — 25 и на V — 34,5%, то на VI съезде РСДРП(б) 40,9% делегатов были рабочими[9].

---

[1] См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. Л., 1962, с. 73.

[2] См. «Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г.». М., 1963, с. 62.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 81.

[4] «Искра», № 43, 1 мая 1903 г.; см. также речь на суде П. Заломова. — «Искра», № 29, 1 декабря 1902 г.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 344.

[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 22; т. 25, с. 201.

[7] См. «Всероссийская перепись членов РКП 1922 года», вып. 4. М., 1923, с. 37.

[8] См. *Т. П. Бондаревская.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 207—208.

[9] См. *А. С. Бубнов.* ВКП(б). М. — Л., 1931, с. 621.

Надежный пролетарский костяк большевистской партии сохранялся в годы реакции, нового революционного подъема и первой мировой войны. V конференция РСДРП в декабре 1908 г. указала, что в условиях реакции основой строительства партии должны являться производственные ячейки. Повсеместно рабочие стали брать на себя ведение всех дел партии[1]. «...И пусть, товарищи, — писал Московский комитет РСДРП в августе 1908 г., — вас не смущает повальное бегство интеллигентов из партии — этих гастролеров революции — бегство всех тех, кому не по душе невидная, кропотливая работа в партии»[2]. В Петербурге в 1908—1910 гг. в составах городского комитета партии из 64 членов 28 были рабочими[3]. В период реакции на конференции РСДРП Центральнопромышленного района из 16 делегатов с решающим голосом 13 являлись рабочими[4]. Таких примеров было немало[5]. В 1910 г., когда реакция, казалось, достигла апогея, В. И. Ленин писал: «Растет новый тип с.-д. рабочего партийца, самостоятельно ведущего *все* дела партии и способного сплотить, объединить, организовать вдесятеро и во сто раз большие, по сравнению с прежним, пролетарские массы»[6].

Активно участвовали рабочие в деятельности партийных организаций в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. «Характерной чертой партийного строительства в годы нового революционного подъема явилось восстановление и рост партийных организаций снизу. Если до первой русской революции аресты местных руководителей означали прекращение партийной работы на более или менее длительный период времени, то теперь рабочие ячейки, оставшись без руководства, сами энергично налаживали между собой связи и

---

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1. М., 1970, с. 256—257.

[2] «Ленинское учение о партии». М., 1969, с. 142.

[3] См. *А. Я. Великанова, Б. П. Кондратьев, Г. А. Почебут.* На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февр. 1917 г.). Л., 1974, с. 30.

[4] См. *И. Е. Горелов.* Большевики в период реакции (1907—1910 гг.). М., 1975, с. 73.

[5] См. «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965». М., 1966, с. 124—127; «Очерки истории Калининской организации КПСС». М., 1971, с. 95, 116, и др.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 411; см. там же, с. 372.

восстанавливали районные, городские, областные центры. Основной фигурой партийного активиста стал передовой рабочий»[1]. Подобным же образом развивались партийные ячейки в ходе первой мировой войны: «Построение партии на основе фабрично-заводских ячеек делало партийные организации большевиков особенно прочными и устойчивыми, так как они глубоко врастали в рабочую толщу. Поэтому даже при самых тяжелых испытаниях они выживали»[2]. С полным основанием В. И. Ленин, подытоживая работу партии в период мировой империалистической войны, писал, что она «оказалась с массами, с революционным пролетариатом...»[3]

К периоду борьбы партии за социалистическую революцию буржуазные историки проявляют особенно пристальное внимание. Для разоблачения их прямолинейных доводов об интеллигентском составе большевистской партии напомним лишь постоянную и повсеместную нехватку у большевиков интеллигентских сил. Так, в анкетах делегатов VI съезда партии на вопрос: «Ведется ли работа, главным образом, силами, выдвигаемыми местной рабочей средой, или приезжими партийными работниками, рабочими или интеллигентами?..» — представители 54 организаций (всего заполнено 69 анкет) ответили, что в их организациях работа ведется местными силами, рабочими и солдатами при незначительном участии интеллигентов[4]. Из партии бежали интеллигентствующие попутчики типа Войтинского, Гольденберга, Яхонтова и др., что придало ей еще более сплоченный, рабочий характер.

Миф об «интеллигентской» партии частично дискредитировал себя: отдельные буржуазные авторы критически отзываются о нем, не рискуя пропагандировать неправдоподобные тезисы. В целях фальсификации классового характера большевистской партии ими используются иные концепции. Довольно широко распространен

---

[1] *О. Г. Обичкин.* Ленинские организационные принципы в уставах местных комитетов РСДРП. — «В. И. Ленин и местные партийные организации России». Пермь, 1970, с. 87.

[2] *В. А. Лаврин.* Большевистская партия в начале первой мировой войны (1914—1915 гг.). М., 1972, с. 310; см. также с. 226—227, 287.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 26.

[4] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)», Протоколы. М., 1958, с. 319—390 (подсчет автора).

тезис о мнимом изменении социальной базы партии большевиков в марте—октябре 1917 г. Этот тезис имеет свои истоки. Бундовец Р. Абрамович посвятил целый раздел книги «Советская революция» попыткам «социологически» обосновать «рождение нового класса» в 1914—1917 гг. Его рассуждения направлены к одной цели: изобразить наименее организованные элементы городского населения и армии решающей силой Октябрьского «переворота», основной питательной средой большевиков[1]. Бывший лидер эсеров В. Чернов также заявляет, что «классовая база большевизма сместилась с пролетариата к люмпен-пролетариату»[2]. Та же версия присутствует у А. Керенского, которому вторят сейчас английские «советологи» Л. Шапиро и Р. Петибридж[3].

Но в наши дни документально установлено преобладание рабочих в большевистской партии в 1917 г., голосование рабочих за большевиков на выборах в Советы, думы, полная поддержка пролетариатом большевиков на выборах в Учредительное собрание, безраздельное влияние большевиков в фабзавкомах, активное выступление рабочих в период политических кризисов 1917 г. на стороне большевистской партии и т. д. Эти факты нельзя извращать без риска потерять своего читателя. Поэтому версия об утрате партией большевиков пролетарского характера стала меняться. За основу взяты вымыслы Троцкого — неизменного поставщика идеек для современных буржуазных фальсификаторов истории: пополнение партии в 1917 г. якобы придало ей «небольшевистский» характер. Так, апологет троцкизма И. Дойчер уверяет, будто «легионы меньшевистских рабочих были обращены в большевизм»[4]. Однако история свидетельствует, что эти «легионы» меньшевистских рабочих — плод воображения буржуазных историков. Объективные данные о влиянии партий в рабочем классе России показывают, что к началу первой мировой войны за меньшевиками шла незначительная часть организованных рабо-

---

[1] *R. Abramovitch.* The soviet revolution 1917—1939. New York, 1962, p. 19—21.

[2] *V. Chernov.* The great Russian revolution, p. 417.

[3] *A. F. Kerensky.* The crucifixion of liberty. New York, 1934, p. 310; «The New York review of books», 31.III.1977; *R. Pethybridge.* Political repercussions of supply problem in Russia 1917. — «Russian review», 1970, vol. 29, N 3, p. 401.

[4] *I. Deutscher.* Stalin. A political biography. London, 1949, p. 145.

чих. После Февральской революции меньшевики, правда, несколько расширили свое влияние на мелкобуржуазное пополнение пролетариата. Но это не обеспечило им устойчивых позиций в рабочем классе, в пролетарских организациях. Базой влияния меньшевиков во многих Советах были непролетарские, мелкобуржуазные слои[1]. Большевики после Февраля превосходили меньшевиков во влиянии среди рабочих, в численности своих рядов. Даже то обстоятельство, что в марте—апреле 1917 г. часть рабочих голосовала за меньшевиков, но к октябрю перешла на большевистские позиции, не отменяло того факта, что подлинно пролетарское ядро рабочего класса было опорой и социальной базой большевистской партии, что большевики были самой влиятельной силой среди рабочих основных пролетарских центров уже в марте 1917 г.

За подобными утверждениями буржуазных историков[2] виден троцкистский тезис, будто «старые большевики были поглощены новым пополнением» и партия изменила свой характер. Это прямое повторение известных заявлений Троцкого, что большевики якобы «разбольшевичились». Стараясь создать видимость обоснованности такого довода, буржуазные исследователи нередко подчеркивают значение приема в партию на ее VI съезде группы «межрайонцев»[3]. Но эти попытки фальсификации явно несостоятельны.

Против них свидетельствует, во-первых, политическое поведение нового пополнения в острых кризисных ситуациях; в основном идейные и организационные принципы большевизма были этим пополнением усвоены. Иначе и быть не могло: ведь рабочий класс России многие годы воспитывался на ленинских идейно-организационных принципах. Большевики всегда были окружены слоем беспартийных и «околопартийных» рабочих-передовиков, откуда партия черпала резервы. Во-вторых,

---

[1] См. *Н. В. Рубан.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Ю. С. Токарев.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976; *А. Я. Грунт.* Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, и др.

[2] *A. Kimball.* I.I. Mints and the representation of reality in history. — «Slavic review», 1976, vol. 35, N 4, p. 721; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976, p. XXXI.

[3] *D. Treadgold.* Twentieth century Russia. Chicago, 1959, p. 134; *R. Daniels.* Red October. New York, 1967, p. 35.

против них свидетельствует, например, состав делегатов VI съезда РСДРП(б). Средний стаж пребывания в партии — около 10 лет, из которых 8 лет и 3 месяца пришлись на работу в большевистских организациях[1]. Следовательно, на этом важнейшем форуме были представлены преимущественно старые большевистские кадры, вступившие в партию в годы первой русской революции, в период реакции.

Тезис о «межрайонцах» также спекулятивен. Принятие «межрайонцев» в большевистскую партию не могло изменить ее характера. Эта группа была незначительной. Так, в Петрограде — 2 тыс. «межрайонцев» на 30 тыс. членов большевистской организации. Известно, что многие бывшие «межрайонцы» до конца своей жизни оставались преданными борцами за ленинизм, непримиримыми противниками троцкизма. Особым было положение в партии самого Троцкого. «Присоединение его к большевикам было чисто формальным, вынужденным тактическим маневром, — пишут В. Иванов и А. Шмелев. — В условиях, когда «межрайонка», на которую он возлагал большие надежды, как на зародыш новой, троцкистской политической партии, полностью признала правоту ленинцев и искренне присоединилась к ним, Троцкий, боясь потерять свои связи и влияние, также вынужден был вступить в большевистскую партию, чтобы снова не оказаться в положении одиночки, оторванного от масс политикана»[2]. Таково истинное место тех событий в истории большевистской партии, в ее строительстве, которые столь произвольно интерпретируют в своих неприглядных целях буржуазные фальсификаторы.

В. И. Ленин отмечал, что большевизм «привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он объединил вокруг себя *весь* авангард пролетариата и *гигантское большинство* трудящихся»[3]. Большевистской партии чуждо сектантство. Борьба за сплочение вокруг партии большевиков рабочего класса, всех трудящихся, за интересы народа требовала завоевания на сторону партии, приема в ее ряды революционных элементов рабочего класса, в том числе

---

[1] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 296—297.

[2] *В. М. Иванов, А. Н. Шмелев.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970, с. 227.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 216.

и из других партий, людей, которые под воздействием уроков классовой борьбы убеждались в правоте ленинской партии, практически переходили на позиции революционного марксизма. Эта черта строительства партии прослеживается в период всех трех революций: в ряды большевистской партии вступали те, кто рвал с меньшевизмом, эсеровщиной, анархизмом и т. п. И на этих фактах пытаются спекулировать буржуазные авторы. Как и в случае с «межрайонцами», имеются попытки утверждать, будто значительную прослойку в большевистской партии составляли бывшие эсеры и анархисты[1]. Эти уловки необоснованны. В партию принимали индивидуальным порядком, причем проверялось, расстался ли выходец из другой партии со своим прежним идейным багажом. Процент выходцев из других партий никогда не был в большевистской партии высок. По данным переписи членов РКП 1922 г., в ней состояло лишь 5,8% выходцев из других партий и большинство вступило в партию в 1918—1920 гг.[2] Большевистская партия, как свидетельствуют факты, сохраняла идейно-политическую чистоту своих рядов.

Используя все те же троцкистские домыслы, американский «советолог» профессор Р. Дэниелс пытается изображать большевистскую партию — партию социалистической революции — как партию только демократической программы. Большевизм, пишет этот исследователь, «каким он был в 1917 г., был не просто партией тех, кто придерживался ленинских организационных принципов, а прежде всего партией интернационалистов — противников войны»[3]. Р. Дэниелс не называет источника своей информации. Но один из лидеров «межрайонки», И. Юренев, задолго до него, в июне 1917 г., писал: «Пора отказаться от старых межевых знаков «большевизма и меньшевизма». История войны и рево-

---

[1] *O. Radkey.* The sickle under the hammer. The Russian socialist revolutionaries in the early months of Soviet rule. New York—London, 1963, p. 496; *A. Ulam.* Reflections on the revolution. — «Survey», 1967, July, N 64, p. 8; *A. Meyer.* Leninism, p. 127, 128; *T. Uldricks.* The «crowd» in the Russian revolution. — «Politics and society», 1974, vol. 4, N 3, p. 411.

[2] См. «Всероссийская перепись членов РКП 1922 года», вып. 4, с. 44—45.

[3] *R. Daniels.* The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 29.

люции дала нам новое — интернационализм и социал-патриотизм — и ничего другого»[1].

Однако сколь бы важное место вопрос о войне или другие требования демократического порядка ни занимали в программе и деятельности большевиков, решить их, указывал В. И. Ленин, можно было только путем социалистической революции, только на пути перехода государственной власти в руки рабочих и беднейших крестьян. В этом заключалось существо политики, этому подчинялись лозунги, организационная работа партии.

Критического внимания, наконец, заслуживает трактовка характера большевистской партии в работах активного троцкистского историографа большевизма М. Либмана. Его положения несколько расходятся с тезисами буржуазного антикоммунизма. М. Либман на первый взгляд отдает дань российскому пролетариату, его вкладу в революцию, признает пролетарский характер большевистской партии. Он, например, пишет: «...в ряды большевиков почти исключительно вступали рабочие... это была единственная партия, которая по составу... по массе своих членов была глубоко пролетарской». Однако М. Либман не был бы троцкистом, если бы не добавил: «...но, без сомнения, не по составу руководящих кадров...»[2] Так обнаруживается хорошо известное лицо троцкизма: еще в «Новом курсе» Троцкий противопоставлял верхи партии ее низам и был разоблачен партией в дискуссии 1923—1924 гг.[3] Факты же против троцкистских домыслов. Имена руководителей большевистской партии и масс в дни Октября хорошо известны. Среди них преобладают выходцы из рабочих и крестьян[4]. Ведущая роль рабочего класса находит отражение в составе партии на протяжении всей ее деятельности. Но для троцкистов и антикоммунистов факты не играют роли. В их позиции заложена глубокая враждебность

---

[1] Цит. по: *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 412.

[2] *M. Liebman.* La revolution russe. Les origines, les etapes et signification. Vervier, 1967, p. 207.

[3] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2. М., 1970, с. 509—511; *В. М. Иванов, А. Н. Шмелев.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма, с. 335—366; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма». М., 1975, с. 348—379, и др.

[4] См., например, «Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде», т. 1—2. Л., 1967.

к ленинизму, к реальному социализму. Поэтому схемы идеологов буржуазии расходятся с фактами. Эта предвзятость видна отдельным буржуазным авторам. Например, В. Мосс фактически опровергает некоторые доводы «советологов». В характерной для английской историографии манере он провел сравнение статистических данных о социальном составе руководящих органов большевистской партии и мелкобуржуазных партий России. Вывод его гласит, что руководство большевиков по социальному происхождению было ближе всего к народу, к рабочим и крестьянам[1].

Критика «заговорщических» моделей большевизма

Концепция большевистской партии как заговорщической организации — одна из первых попыток идеологов буржуазии интерпретировать организационные и политические основы большевистской партии. Она обнаруживается в зарубежной литературе уже в начале 20-х годов. В 1922 г. известный идеолог реформизма Т. Масарик сравнивает большевистскую партию со средневековым монашеским орденом, большевизм приравнивает к бакунизму[2]. Подобные взгляды разделяли М. Карпович, Д. Вернадский, Ф. Гренар, Д. Шуб, Б. Пэрс, В. Чернов и др.[3]

В настоящее время профессиональные историки-«советологи» не могут более удовлетворяться фразой-двумя о большевистской партии как заговорщической организации профессиональных революционеров. В какой-то мере выходом стало использование расплывчатой и недобросовестной «теории элиты». Часть авторов этим и ограничивается, рассчитывая воздействовать на читателя не логикой, а негативным привкусом этого термина. По-

---

[1] *W. Mosse.* Makers of the Soviet Union. — «Slavonic and East European review», 1968, vol. 46, N 106, p. 153—154.

[2] *T. G. Masaryk.* The Slavs after the War. — «Slavonic review». London, 1922, vol. 1, N 1, p. 12.

[3] *G. Vernadsky.* Lenin: red dictator. New Haven, 1931, p. 327; *F. Grenard.* La revolution russe. Paris, 1933, p. 245; *D. Shub.* Lenin: a biography. New York, 1948, p. 199; *V. Chernov.* The great Russian revolution, p. 431—432; *J. Maynard.* Russia in flux before October. London, 1939, p. 305; *E. T. Colton.* Four patterns of revolution. New York, 1935, p. 2.

пытки же обоснования данной «теории» на историческом материале кончаются безрезультатно, так как факты не оставляют места для подобных оценок.

Встречаясь с громкими фразами о большевистской «элите», «маленькой группе», «меньшинстве» и т. д., читатель ждет свидетельств того, что большевики были небольшой, невлиятельной конспиративной группой. Именно это и пытались в 40—50-х годах доказывать некоторые буржуазные «эксперты». В ход шли утверждения, будто в Февральской революции, в период двоевластия большевики были незначительной, незаметной группой, не имевшей влияния в массах и т. п., а после июльских дней они вообще исчезли с политической арены и лишь корниловщина дала им шанс на победу.

Нередко Октябрьская социалистическая революция интерпретируется как «заговор профессиональных революционеров». Известный «советолог» Д. Лихтгайм утверждал, что «вопреки всем своим протестам Ленин в 1917 г. фактически организовал захват власти по образцу парижских заговоров Бланки»[1]. Динамика роста партии в марте—октябре 1917 г. показывает несостоятельность их тезисов. Какая же это замкнутая группа, если в рядах партии к VI съезду насчитывалось 240 тыс. членов, а накануне Октябрьского восстания — 350 тыс.? Аргумент убедительный и, казалось бы, доходчивый. Однако логика не действует на профессиональных антисоветчиков. Особенно распространены подобные сравнения в работах, авторы которых «сужденья черпают из забытых газет времен Очакова и покоренья Крыма»[2]. Нет, по-видимому, оснований ожидать исчезновения таких концепций и в будущем.

Другая сторона этой концепции — попытки приписать большевикам приверженность к организационным формам милитаризованного, армейского типа. Развернутую аналогию между армией и большевистскими представлениями о партии проводит А. Мейер. Подобную

---

[1] *G. Lichtheim.* Marxism. An historical and critical study. New York, 1962, p. 337 note.

[2] *V. Alba.* Las ideologias y los movimientos sociales. Barcelona, 1972, p. 162—163; *E. Bäumler.* Verschwörung in Schwabing. Lenins Begegnung mit Deutschland. Düsseldorf u. a., 1972, S. 56; *G. F. Hudson.* Fifty years of communism. Theory and practice 1917—1967. London, 1968, p. 27, 34, 42; *A. Lindemann.* The «red years». European socialism versus bolshevism, 1919—1921. Berkeley, 1974, p. 10 etc.

точку зрения разделяют и другие «советологи»[1]. Она также несостоятельна. Проведение с 1903 по 1917 г. пяти съездов и семи партийных конференций, участие сотен делегатов в выработке принятых ими решений, выборы Центрального Комитета партии, созыв пленумов и совещаний ЦК, демократизм работы партийных органов и т. д. — все эти факты расходятся с тезисом о милитаризации. В то же время умение работать «по-военному», когда этого требуют обстоятельства, — важная часть исторического опыта КПСС.

Партия нового типа — живой и динамичный общественно-политический организм. Она отражает этапы развития общества и условия своей деятельности, в частности, в партийном строительстве, в методах работы. Коммунистическая партия, указывал В. И. Ленин, должна обладать таким качеством, как «*гибкость*, т. е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы...»[2]. История показывает, что применение к большевикам таких мерок, как «политический заговор», «группа профессиональных революционеров», «дисциплинированный орден»[3] и т. п., — спекулятивные конструкции. Даже не желающие знать, что демократический централизм — принцип строительства партии нового типа, не могут не видеть демократизма деятельности партийных организаций. Это, конечно, не освобождает их от пристрастности в анализе фактов и в их интерпретации, но (об этом речь пойдет ниже) толкает таких «советологов» к поиску иных концепций.

Все большее распространение на Западе работ советских историков, зарубежных историков-марксистов, с одной стороны, и новые установки идеологов империализма в борьбе против коммунистического движения — с другой, обусловили относительно малую употребимость в наши дни тезиса о «заговорщической партии».

---

[1] *A. G. Meyer.* Leninism, p. 33; *L. Haimson.* The Russian marxists and the origins of bolshevism and menshevism. Cambridge (Mass.), 1955, p. 168; *N. Riasanovsky.* A history of Russia, p. 518; *T. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? A reapprisal of the Russian revolution 1900—1930. Philadelphia — New York, 1964, p. 108 etc.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 176.

[3] *B. Lewytzkyj.* Die Kommunistische Partei der Sowjetunion. Porträt eines Ordens. Stuttgart, 1967, S. 153; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 62; *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 47 etc.

Частью концепции «заговорщической партии» являются положения, которые утверждают общность большевизма в организационных вопросах с народничеством. Так, профессор Кембриджского университета Д. Данн безапелляционно заявил: «Ленин адаптировал форму заговорщической организации, пионерами которой в определенной мере были русские революционеры-элитисты типа Ткачева»[1]. Это «родство» прослеживается якобы через народнические истоки большевизма и ленинского учения о партии. Данный прием далеко не новый и не оригинальный. Его разоблачал В. И. Ленин в полемике против «экономистов»: «Видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически»[2]. Марксистская историческая наука, анализируя формирование и развитие ленинского учения о пролетарской партии, дала ответ на вопрос о его истоках. Главным и решающим источником было учение основоположников научного коммунизма о революционной пролетарской партии[3]. Основой ленинского учения о партии стали сделанные К. Марксом и Ф. Энгельсом выводы о партии как решающем орудии осуществления рабочим классом своей исторической миссии, о пролетарском характере ее, о партии как соединении марксизма с рабочим движением, как носителе революционной теории, об интернационализме ее построения и политики, об организационных принципах партии, особенно демократическом централизме. Советские исследователи и историки-марксисты зарубежных стран посвятили этой проблеме ряд трудов[4], показали убожество аргументов буржуазных авторов, противопоставляющих ленинское учение о партии положениям

---

[1] *J. Dunn.* Modern revolutions. An introduction to the analysis of a political phenomenon. Cambridge, 1972, p. 37.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

[3] См. «К. Маркс и Ф. Энгельс об основных принципах партийного строительства». М., 1972; «Истоки ленинского учения о партии — основные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о пролетарской партии». — «Ленинское учение о партии», с. 45—71.

[4] См. *К. Л. Селезнев.* К. Маркс и Ф. Энгельс о революционной партии пролетариата. М., 1965; *В. В. Платковский.* Карл Маркс о революционной партии пролетариата. М., 1968; *Г. О. Мучаидзе.* Формирование учения марксизма о партии. Тбилиси, 1976; *H. Neef.* Der Kampf von Karl Marx und Friedrich Engels um eine revolutionäre Partei der deutschen Arbeiterklasse. Berlin, 1966.

К. Маркса и Ф. Энгельса, практике их деятельности в революционном рабочем движении[1].

Тезис о народнических истоках большевизма метафизичен. И это не случайно. Классовая установка не позволяет антикоммунистам решать этот вопрос объективно. В. И. Ленин подчеркивал, что российские социал-демократы начинали с вывода К. Маркса о необходимости самостоятельной организации партии пролетариата[2]. При этом нельзя было не учитывать условий рабочего движения в этой конкретной стране. «До нас не было ни одной социал-демократической партии, — писали большевики в докладе Международному социалистическому конгрессу в 1904 г., — которые должны были строить свою партийную жизнь при отсутствии каких бы то ни было конституционных гарантий в стране»[3].

Буржуазные фальсификаторы проходят мимо указаний В. И. Ленина на то, что́ именно брали от народничества большевики и что они отбрасывали[4]. И дело не только в методологическом факторе, в метафизичности подхода «советологов» к истокам большевизма, но и в ложных представлениях об историческом месте революционного народничества. Демократизм, бескомпромиссная вражда к крепостничеству, царизму, либерализму, формы работы в подполье, нормы поведения революционера-профессионала — вот те черты революционного народничества, которые действительно связывают его с пролетарским этапом революционного движения в России, с большевизмом[5].

Параллели между большевизмом и народничеством встречают возражения со стороны некоторых буржуаз-

---

[1] См., например, *Ф. Х. Гумеров.* Вымыслы и действительность (Против буржуазной фальсификации организационных принципов КПСС). М., 1967, с. 42—47; *Е. П. Кандель.* Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и ревизионистская историография. — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3; *И. П. Верховцев, Ю. К. Малов.* Организационные основы КПСС и их «критики». М., 1974, с. 17—30; «Das Elend der «Marxologie». Eine Auseinandersetzung mit Marx—Engels—Verfälschungen». Berlin, 1975, S. 137—188.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 129.

[3] «Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г.», с. 63.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 189—190; т. 2, с. 459; т. 19, с. 172; т. 24, с. 59.

[5] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, с. 90.

ных авторов. Одни отвергают подобные построения в обтекаемых формулировках. Так, Д. Кип пишет, что «точки различия между Лениным и народничеством более важны, чем параллели». Ему вторит и профессор Д. Гейер (ФРГ)[1]. Более резок американский историк А. Уайлдмен. «Ленин был безжалостным противником всяких народнических доктрин, и гораздо умнее считать его гибким марксистом, нежели скрытым народником»[2], — пишет он. Несмотря на критику этих положений, в целом концепция по-прежнему часто присутствует в работах буржуазных авторов. Традиции буржуазной историографии, метафизика и идеализм, негативное отношение к советской научной литературе и, главное, к большевизму — достаточно крупные преграды на пути к сколько-нибудь иному, беспристрастному, объективистскому освещению этого вопроса.

Завершая характеристику заговорщически-народнических версий о большевизме, отметим, что главным источником ослабления их популярности, причиной критики их посылок некоторыми «советологами» стало не столько игнорирование фактов истории их сторонниками, сколько неспособность вобрать в себя новые установки идеологии и политики империализма. Миф о «заговорщичестве» большевиков в Октябрьской революции, в революциях 1905—1907 гг., Февральской не дает широкого поля деятельности сторонникам доктрин «полицентризма», «плюрализма», ревизионистам и т. д. Поэтому, хватаясь за отдельные выступления оппортунистов против ленинских основ строительства партии, «советологи» стали разрабатывать и распространять на разные периоды истории партии концепцию «рыхлой», «расколотой» партии, лишенной якобы единства и т. д. С начала 70-х годов эта концепция заняла видное место в западной историографии борьбы большевистской партии за победу демократической и социалистической революций.

---

[1] *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 300; *D. Geyer.* Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Die Arbeiterbewegung im Zarenreich als Organisationsproblem der revolutionären Intelligenz 1890—1903. Köln, 1962, S. 422.

[2] «Marxism, communism and Western society», vol. 6, p. 179.

«Рыхлая» партия: реальность истории против «советологов»

Буржуазные авторы еще в 30-х годах использовали утверждения Троцкого о фракциях, группировках в большевистской партии. Но в 50—60-х годах они, как, например, Р. Дэниелс, стали все шире применять тезис, будто большевики «отложили в сторону свою обычную одержимость вопросами организационной строгости и заговорщической дисциплины»[1]. М. Фэнсод в целом еще склонялся к характеристике большевистской партии как замкнутого ордена профессиональных революционеров. Лишь временно, в 1917 г., по его словам, большевистская партия «была далека от той монолитной организации, о какой Ленин мечтал в 1903 г. и какой она стала позднее». Он констатирует «наплыв новых членов в партию» в 1917 г., что якобы придало ей «рыхлый» характер, утверждает, будто в период подготовки Октябрьской революции большевики «забыли о своем недоверии к стихийности масс»[2] и т. д. С некоторой девальвацией доктрины «тоталитаризма» «плюралистические» модели большевистской партии приобретают большее хождение. Здесь сказалась ставка империалистических политиков и идеологов на использование ревизионистов и националистов в целях разложения мирового коммунистического движения, подрыва единства социалистического лагеря. Мостиком же к такому переходу служила концепция Октябрьской революции как «волны анархии». Если для М. Фэнсода только 1917 год — период «рыхлой» партии, то профессор Принстонского университета (США) С. Коэн этот период продлевает на много лет.[3] Такая перестройка антикоммунистических диверсий была своевременно разоблачена КПСС и братскими партиями. Л. И. Брежнев в выступлении на XIX Московской городской партийной конференции в марте 1968 г. указал, что империализм делает ставку в борьбе против социалистических стран «главным образом на националистические и ревизионистские элементы»[4].

---

[1] *R. Daniels.* The conscience of revolution, p. 51.
[2] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 68.
[3] «Slavic review», 1976, vol. 35, N 1, p. 135.
[4] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, с. 214.

Выдвинутое М. Фэнсодом положение о временном отходе от «партии-монолита» находит все больше сторонников. В 1967 г. Р. Дэниелса уже не устраивало, что «диссидентство» в рядах большевиков не оказалось в центре внимания буржуазных историков. «В действительности, — пишет он, — большевистская партия, по-видимому, наиболее переоцененный фактор во всей истории революции». Она, утверждает Р. Дэниелс, не была единой, сплоченной организацией, а «в лучшем случае была тупым и плохо сколоченным инструментом...»[1]. Профессор университета штата Индиана А. Рабинович делает мысль о «рыхлой» партии стержнем своих книг[2]. В работах некогда рьяных сторонников «заговорщических» и т. п. концепций, как, например, А. Мейера, Л. Шапиро и др., появляются подобные же положения[3]. На конференции «советологов» в Гарвардском университете традиционная точка зрения и новый подход сталкиваются, происходит довольно резкий обмен мнениями. В дальнейшем эта последняя тенденция освещения большевистской партии, особенно в применении к Октябрьской революции, получает развитие.

Но попытки обоснования концепции «рыхлой» партии в буржуазных исследованиях несостоятельны. Возьмем тезис, будто «лишь временно», в обстановке марта—октября 1917 г., большевики «отложили в сторону» свои организационные принципы. Эта уловка демонстрирует стремление свести концы с концами, прибегая к фальшивым аргументам. Приписываемые большевикам заговорщические качества, которые они якобы «отложили в сторону», не были характерными для основ построения партии. Так, в 1905—1907 гг. большевистская партия, став партией миллионных масс, строилась на принципах демократического централизма, выборности сверху донизу, регулярной отчетности и т. д. В период реакции, несмотря на жестокие полицейские репрессии, партийные организации довольно длительное время (вплоть до ре-

---

[1] *R. Daniels.* The bolshevik gamble. — «Russian review», 1967, vol. 26, N 4, p. 337.

[2] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising. Bloomington—London, 1968; *idem.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.

[3] *A. G. Meyer.* Communism. New York, 1964, p. 64; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 178.

шения партийной конференции в январе 1908 г.) стремились выбирать партийные органы, не применяли кооптацию. Новый революционный подъем, как известно, сопровождался развертыванием внутрипартийной демократии, что нашло выражение, например, в подготовке съезда партии. В марте 1917 г. большевистские организации перестроили свою работу на основе демократического централизма, внутрипартийной демократии. Многие созданные после Февральской революции партийные комитеты рассматривались как временные до избрания постоянных партийными собраниями или конференциями. Началась подготовка к созыву партийной конференции или съезда, регулярно стали проводиться заседания районных и городских комитетов, широко практиковались открытые партийные собрания, отчеты перед трудящимися и т. д. Это говорит о том, что выборность, отчетность, гласность, отбор при вступлении в партию — нормы строительства ленинской партии, ее повседневной деятельности, а не отклонения от модели «заговорщической» партии. Нелепо звучит тезис и о том, что большевики якобы «отбросили» в 1917 г. партийную дисциплину. Как и внутрипартийная демократия, дисциплина со времени зарождения большевизма стала его важной, органической чертой. Без такой дисциплины, отмечал В. И. Ленин, ни взять власть, ни удержать ее большевики не смогли бы[1]. Следуя указаниям В. И. Ленина, большевистские организации неуклонно стремились повышать свою сплоченность, организованность, боеспособность[2].

Важным компонентом построений, связанных с концепцией «рыхлой» партии, является фальсификация политического облика пополнения, пришедшего в ряды большевистской партии после Февральской революции, в марте—октябре 1917 г. «Со времени Февраля требования к вступающим в партию были фактически сняты»; «В этот период быстрого роста требования к вступающим в партию были фактически ликвидированы», — пи-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

[2] См., например, *Г. П. Аннин.* Организационное укрепление РСДРП(б) — авангарда рабочего класса в Великой Октябрьской социалистической революции. Владимир, 1975; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.). Саратов, 1969, и др.

шут западные историки[1]. Здесь идет речь не только о социальном составе большевистской партии — пролетарский состав пополнения решаются отрицать не все, — но и о мнимом забвении большевистских принципов отбора новых членов партии. Новое пополнение идеологи буржуазии изображают некоей «анархиствующей стихией»: и марксизма новые члены партии якобы не знали, и дисциплину не соблюдали, и т. д. Это явно недобросовестный прием. Подчеркнем, что в марте—апреле, а потом в июле—августе 1917 г. большевистская партия работала в такой атмосфере яростных нападок, клеветы буржуазии и соглашателей, что уже одно это служило фильтром против проникновения небольшевистских элементов.

Неверно и то, что большевики не предъявляли никаких требований к вступающим в партию. История свидетельствует, что в период марта—октября 1917 г. партийные организации страны придерживались ленинских норм членства в партии, стремились поднимать выше звание большевика, ограждать партию от случайных элементов. В последние годы советскими исследователями развернута работа, хотя пока на материале отдельных организаций, которая показывает практику отбора в партию в 1917 г. Так, 18 марта 1917 г. Бюро ЦК подчеркнуло необходимость двух рекомендаций при приеме в партию[2]. Петроградская конференция большевиков в апреле 1917 г. отвергла отдельные предложения шире открыть двери для вступающих в партию и подтвердила необходимость представления двух рекомендаций[3]. Аналогичной была практика приема в партию в других большевистских организациях[4]. Важным этапом в этой ра-

---

[1] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 231; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 487.

[2] См. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, с. 152.

[3] См. «Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 г.». Протоколы. М., 1958, с. 29—30.

[4] См. *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 110—111, 114; «Очерки истории партийной организации Кузбасса», ч. 1. Кемерово, 1973, с. 61; «Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917—1967», с. 59; *О. Г. Обичкин.* Устав большевистской партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — «Вестник Московского университета» (История), 1967, № 6, с. 10, и др.

боте стал VI съезд РСДРП(б). Обобщив практику строительства партии на местах, он, в частности, постановил принимать новых членов в партию только на основе двух рекомендаций, последующего утверждения на общем собрании, потребовал от вступающих подчинения всем постановлениям партии (в дополнение к требованиям признания Программы, вхождения в организацию и уплаты членских взносов), впервые ввел в Устав пункт об исключении из партии[1]. Все это подчеркивает повышение требовательности к членам партии. В дальнейшем в 1917 г. стали появляться новые моменты, направленные к той же цели: перерегистрация членов партии, создание групп сочувствующих и др.[2]

Не везде и не сразу высокие требования стали реальностью. Ряд исследователей отмечает, например, практику записи в партию[3]. Но она не была широко распространена. Запись в партию имела место, как правило, в рабочих коллективах, что само по себе было определенным фильтром для вступающих. Применялась она недолго, главным образом в первые 2—3 месяца после Февральской революции, когда в партию шли проверенные в годы царизма, близкие к большевикам беспартийные рабочие и крестьяне. Отбор существовал и при записи: списки записавшихся обсуждались и утверждались[4].

---

[1] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 265.

[2] См. *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 205—209; *В. Беляков, Н. Золотарев.* Партия укрепляет свои ряды. М., 1970, с. 43, и др.

[3] См. *О. Г. Обичкин.* Устав большевистской партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — «Вестник Московского университета» (История), 1967, № 6, с. 10; *Х. М. Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973, с. 132; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 47.

[4] См. *О. Г. Обичкин.* Устав большевистской партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — «Вестник Московского университета» (История), 1967, № 6, с. 11; «Петроградские большевики в Октябрьской революции». Л., 1957, с. 44; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1, с. 457; *Л. В. Голованова.* Строительство Петроградской партийной организации (март—октябрь 1917 г.). — «Ленинградская лесотехническая академия. Труды кафедр общественных наук», ч. II. Л., 1969, с. 73, и др.

Далее, буржуазные авторы пытаются фальсифицировать уровень идейно-политической подготовки пополнения партии. Тот же А. Рабинович утверждает, будто новые члены партии «на заводах и в гарнизоне знали мало, если вообще что-нибудь знали, о марксизме...»[1]. Это насквозь схоластическое, ложное, оппортунистическое представление и о марксизме, и о партийности. Критерии партийности следует искать не в воображаемых качествах членов партии, а в ее Уставе. Одним из условий членства в РСДРП(б), условием первостепенной важности является признание (в формулировке Петроградской конференции РСДРП(б) — принятие[2]) Программы партии, научного, марксистского документа, определяющего цели и задачи партии революционного пролетариата. Признанием Программы, однако, Устав большевистской партии не ограничивался. Он требовал активной работы членов партии в одной из ее организаций. С ознакомления с этим важнейшим документом, ставившим особенно важную для условий 1917 г. задачу борьбы за социалистическую революцию, начиналось идейно-политическое воспитание большевиков. На страницах своих газет большевики публиковали Программу партии полностью или в изложении. В марте 1917 г. она была напечатана ЦК РСДРП отдельным оттиском тиражом 200 тыс. экземпляров[3]. Петербургский комитет партии большевиков одним из первых своих решений постановил издать Программу партии 100-тысячным тиражом, а также плакаты с важнейшими пунктами Программы[4]. Практика партийных организаций (беседы по Программе со вступающими и т. д.), приведенные в материалах VI съезда партии данные о тиражах изданий Программы[5] свидетельствуют о постоянном внимании большевиков к изучению этого важнейшего теоретического документа. Члены большевистской партии созна-

---

[1] *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd, p. 312.

[2] Сравни: «Устав партии, принятый VI съездом». — «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 265; «Устав Петербургской организации РСДРП». — «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)», с. 289.

[3] См. «Правда», 16 марта 1917 г.

[4] См. «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». М.—Л., 1927, с. 7—8.

[5] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 39.

тельно, не жалея сил боролись за осуществление основной программной цели партии — установление диктатуры пролетариата — и одержали историческую победу.

Против тезиса идеологов империализма об отсутствии у новых членов партии марксистской подготовки говорит также содержание большевистской прессы — важнейшего средства формирования политической убежденности членов партии, их революционного мировоззрения. Содержание большевистской периодики определялось работами В. И. Ленина и других руководящих деятелей партии. В это время были изданы гениальный труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», программная работа «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и др. В большевистской печати, как хорошо известно, члены партии обсуждали новую партийную Программу и т. д.

Против данного тезиса буржуазной историографии говорят такие формы повышения идейно-теоретического уровня членов партии, как партийные школы. В Петрограде городской комитет РСДРП(б), Военная организация, райкомы создавали школы, курсы, устраивали лекции, способствовавшие политическому образованию членов партии, усвоению ими принципов марксизма-ленинизма, стратегии и тактики партии[1]. Конечно, не всех удавалось охватить этими формами образования. «Основная масса членов партии получала в то время политическую подготовку, слушая большевистских ораторов, читая партийную прессу. Огромную роль в формировании коммунистической идеологии у членов партии играли работы и выступления В. И. Ленина»[2]. Ярким образцом такого воспитания членов партии была широ-

[1] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 268; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 225—251; «Рабочий путь», 11 октября 1917 г.; *П. Ф. Метельков.* Железнодорожники в революции. Февраль 1917—июнь 1918. Л., 1970, с. 207—208; *Х. М. Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 г., с. 114—145; *А. Совокин.* Большевистская пропаганда и агитация в 1917 г. — «Политическое самообразование», 1968, № 6, с. 130, 132; *З. М. Ветрова.* К вопросу о подготовке агитационно-пропагандистских кадров в Петрограде (март—октябрь 1917 г.). — «Вестник Ленинградского университета», 1966, № 14, вып. 3, с. 30—36; *С. К. Шулепов.* В. И. Ленин и подготовка партийных кадров накануне Великого Октября. — «Вопросы истории КПСС», 1978, № 4, и др.

[2] *Х. М. Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 г., с. 145.

кая аудитория, собиравшаяся на площади у особняка Кшесинской в Петрограде и ставшая «своеобразным массовым большевистским университетом, в котором формировалось политическое сознание многих тысяч рабочих и солдат»[1]. Подобных форм воспитания нельзя недооценивать. «Конечно, — пишет Г. Л. Соболев, — и в большевистские организации иногда приходили рабочие с невысоким уровнем сознательности, не всегда разбиравшиеся до конца в сложной политической обстановке, но здесь их было значительно меньше, чем в соглашательских партиях. К тому же в рядах большевистской партии они под влиянием своих товарищей становились убежденными партийцами»[2]. Сплав идейной убежденности, верности делу революции и большевистской партийной дисциплины придавал партии монолитный характер. Примечательно, что идейное и организационное преимущество большевиков по существу признает Р. Петибридж. «Большевистские рабочие, — пишет он, — были, как правило, тесно сплочены и достаточно хорошо информированы»[3].

Попытки буржуазных историков доказать, что большевики были «далеко не такой дисциплинированной, монолитной и авторитарной партией»[4], несостоятельны. Безграничный авторитет опытных партийных работников, преобладание пролетариев в составе партии, испытанные принципы формирования ее рядов, дополненные ясностью тактической линии, величием социалистического идеала, товарищеской спайкой и дисциплиной, делали большевистскую партию сплоченной.

Завершая критический анализ характеристик нового пополнения большевистской партии в 1917 г., данных буржуазными авторами, приведем оценку, вошедшую в советскую литературу по истории большевистской партии (вопреки домыслам троцкистов и других антипартийных элементов) еще в 20-х годах: «...те десятки тысяч

---

[1] «Петроградские большевики в Октябрьской революции», с. 89.

[2] *Г. Л. Соболев.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973, с. 121—122; см. также: *И. А. Бакланов.* Рабочие Петрограда в период мирного развития революции (март—июнь 1917 г.). Л., 1978, и др.

[3] *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution. Essays on 1917. London—Basingstoke, 1972, p. 67.

[4] *A. Ulam.* Expansion and coexistence. Soviet foreign policy 1917—1973. New York, 1974, p. 42.

новых членов партии, которые вошли в нее после Февраля, настолько быстро переварились в партии, что ей было обеспечено полное единодушие в ее труднейших тактических маневрах»[1].

Западные историки иногда создают впечатление если не решающей, то особой роли солдат в Петроградской партийной организации[2]. Данный прием используется для придания видимости правдоподобия как тезису о «непролетарском» характере партии, так и тезису о влиянии в ней «анархистских» элементов. Конечно, армейские товарищи были важным отрядом петроградских большевиков. Партия немало внимания уделяла приему военнослужащих в свои ряды, работе с ними. Однако процент членов Военной организации в столице не был велик. Ко времени VI съезда она насчитывала 2 тыс. человек из общего числа большевиков столицы 30 тыс., а к Октябрю из 50 тыс. петроградских большевиков в Военной организации состояли 5800[3]. В районных организациях Петрограда процент рабочих доходил до 80; даже в Кронштадте в марте—апреле 1917 г. рабочие составляли половину большевистской партийной организации[4]. В свете этих фактов говорить об определяющей роли большевиков-солдат в столичной партийной организации, тем более строить на такой основе сомнительные доводы — значит обнаруживать научную несостоятельность и заведомую предвзятость.

В русле этих утверждений буржуазная литература подчас ведет речь о якобы «независимом», «автономном» положении Военной организации при ЦК РСДРП(б). Р. Дэниелс характеризует ее как «независимую и нетерпеливую», А. Рабинович — как «особую» организацию с «собственным кругом ответственности и интересов»[5].

---

[1] «История ВКП(б)», т. 4. М.—Л., 1929, с. 164.

[2] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 48—50.

[3] См. «Вторая и Третья Петроградские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г.». Протоколы и материалы. М.—Л., 1927, с. 15; «Петроградские большевики в Октябрьской революции», с. 322.

[4] См. *Х. М. Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 г., с. 140; *П. З. Сивков.* Кронштадт. Страница революционной истории. Л., 1972, с. 143.

[5] *R. Daniels.* Red October, p. 38; *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 5.

Произвольно толкуя реальные проблемы, буржуазные исследователи пытаются подтвердить свою ложную концепцию истории партии.

Документы партии, работы советских историков отмечают «элементы сепаратизма»[1] в некоторых действиях Военной организации при ЦК РСДРП(б). Но подход Р. Дэниелса и А. Рабиновича к этим явлениям тенденциозен, а их интерпретация фактов истории произвольна. Непримиримое отношение большевиков к «автономии», «независимости» каких бы то ни было частей партии хорошо известно. Не были здесь исключением военные организации. Вопрос о положении их в партии не был новым для большевиков во время подготовки и проведения Октябрьской революции. Еще в годы первой русской революции в партийных документах подчеркивалась необходимость «самой тесной связи и взаимодействия общепролетарских, военных и боевых организаций». От военных организаций требовались «полное согласование своей деятельности с деятельностью общепролетарских и боевых организаций, взаимная их поддержка и подчинение всей работы в целом общеполитическим задачам переживаемого нами момента и политическому руководству общепролетарских организаций...»[2].

После Февраля военные организации большевиков ставили перед собой задачи организации солдатских масс, обеспечения согласованности выступлений всех сил революции. Организационно они подчинялись общепартийным центрам, будучи автономны только в вопросах специфически военной работы[3]. Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) в июне 1917 г. закрепила принцип положения военных организаций как «одной из частей общепролетарской организации», призвала решительно бо-

---

[1] См. «Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.». Стенографический отчет. М., 1962, с. 5; «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918». М., 1958, с. 22—23; *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февр. 1918. М., 1967, с. 142; *его же.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, и др.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1. М., 1970, с. 195.

[3] См. «Солдатская правда», 4 июня 1917 г.; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 39—41.

роться против анархических настроений и попыток частичных дезорганизующих выступлений[1]. Эта линия настойчиво проводилась в жизнь. Поэтому утверждения буржуазных историков не могут не выглядеть сомнительными даже в глазах далекого от марксизма читателя. К тому же они основаны на обобщении позиции отдельных работников большевистской «военки».

Недовольство солдатских масс антинародной политикой Временного правительства было чрезвычайно сильным и неоднократно вырывалось наружу, например, в дни трех политических кризисов. Тем не менее при этом обнаруживался мелкобуржуазный радикализм, не умеющий действовать на основе точного учета соотношения классовых сил[2]. Так было в конце июня 1917 г., после начала наступления на фронте. Некоторые работники Военной организации поддались давлению солдатской массы, поэтому хотя и не выступали против решений партии о воздержании от выступлений — это нужно подчеркнуть, ибо и здесь искажается правда истории,— но в ряде случаев содействовали своими призывами формированию такого настроения, которое вызвало стихийное выступление солдат 3 июля. Однако эти ошибочные действия — не повод приписывать Военной организации большевиков автономизм, фракционность и т. д. Гибкая тактика партии, тесный контакт с массами, безграничное доверие рабочих и передовых солдат к большевикам нейтрализовали проявления несдержанности и недисциплинированности. А на отдельных фактах, на тенденциозной интерпретации их можно построить лишь антиисторические версии.

Рецензируя одну из книг А. Рабиновича, австралийский «советолог» И. Гетцлер отмечает: «...д-р Рабинович, кажется, нашел ключ к пониманию роли большевиков в июльском восстании (так «советологи» нередко называют события 3—4 июля 1917 г. — *Н. Р.*) в своей концепции «неединой» партии»[3]. Однако эта «ключевая» концепция слишком слабо обоснована. Она, как и концепция «заговорщической партии», строится на столь же тенденциозном толковании отдельных фактов. Глав-

---

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1, с. 477, 467.

[2] См. *П. А. Голуб.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917—февр. 1918, с. 142.

[3] «Soviet studies», 1969, vol. 21, N 2, p. 255.

ной причиной появления обеих концепций выступает момент политический, идеологический — та или иная стратегия империализма в борьбе против коммунистического движения. В наше время историческую реальность с ее диалектическими противоречиями, трудностями начинают подгонять под фальсификаторскую схему «неединой», «расколотой партии».

Концепция «неединой», «расколотой партии» в буржуазной литературе нередко сопровождается заявлениями, будто советская историческая наука не рассматривает вопросов внутрипартийной борьбы. Так, английский историк Д. Лонгли утверждает, что «ни один советский историк не пытался разрешить вопрос о фракциях внутри партии». Эту же мысль проводит А. Рабинович[1].

Советская историография борьбы большевистской партии за победу демократической и социалистической революций опровергает заявления идеологов буржуазии о «нежелании» советских историков рассматривать эти вопросы. Советские исследователи не могли пройти мимо фактов антипартийных выступлений, потому что они имели место. Но подход их к этим явлениям не такой, как хотелось бы буржуазным историкам. Признавая реальность антипартийных течений (иначе не могло быть в капиталистическом обществе, указывал В. И. Ленин[2]), советские историки исходят из таких краеугольных положений учения о партии нового типа, как непримиримая борьба против них. Все это отразилось в историко-партийной литературе: в учебниках и пособиях по истории КПСС, в монографиях, в том числе посвященных и специально вопросам борьбы против антипартийных течений[3]. Советская литература вскры-

---

[1] *D. Longley.* Some historiographical problems of bolshevik party history (The Kronstadt bolsheviks in March 1917). — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1975, Bd. 22, N 4, S. 497; *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 5.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 112—113.

[3] См., например, *В. Хохлов.* Тактические разногласия среди большевиков в 1917 г. М., 1931; *В. В. Заплаткин.* Борьба В. И. Ленина против «империалистического экономизма». М., 1967; *И. В. Ильина.* Борьба партии большевиков против проявлений «левизны» в период подготовки Октябрьской революции. М., 1967; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма»; *С. Л. Дмитренко.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976, и др.

вает объективные и субъективные причины тех или иных колебаний, их губительность для борьбы за победу демократической и социалистической революций, обобщает опыт борьбы партийных организаций, В. И. Ленина против оппортунистов, за преодоление ошибок, за сплочение партии и рабочего класса. «Самое главное и основное условие успеха в момент канунa пролетарской революции, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть... свобода партий революционного пролетариата от оппортунистов и «центровиков», от их влияния, от их предрассудков, слабостей, колебаний»[1]. Это важнейшее положение советские историки используют как основу освещения данной проблемы. В целом советская историческая наука раскрывает процессы истории с позиций интересов революции, интересов партии, ее единства и сплоченности.

Суждения «советологов» несостоятельны методологически. Советских историков приглашают оставить историю партии и заняться исключительно изучением фракционности, подменить историей фракций историю партии. Очевидна неспособность буржуазной исторической мысли усвоить основные предпосылки изучения истории партии как истории соединения научного социализма с рабочим движением. Буржуазные авторы, как известно, изолируют партию от рабочего класса и к этому призывают советских историков.

Показателен генезис вопроса о единстве партии в буржуазной литературе. Известно, что в 20-х годах дискуссия о единстве партии в дни Октября была навязана партии Троцким[2].

Большевики в отношении к единству партии исходили из ленинского определения: «Партия — там, где сплотилось большинство рабочих около партийных решений, дающих цельные, систематические, точные ответы на важнейшие вопросы. Партия — там, где единством этих решений и единой волей проводить их добросовестно в жизнь объединено большинство сознательных рабочих»[3]. Под углом зрения ленинизма разногласия, ко-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 428.

[2] См., например, «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 3. М., 1970, с. 142—150; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма», с. 401—402.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 79—80.

лебания в период Октябрьской революции при всей их антипартийности и ошибочности не определяли позиции партии, ибо партийные массы, все партийные организации, подавляющее большинство участников партийных форумов, большинство Центрального Комитета стояли на ленинских позициях, проводили в жизнь решения партии. Характерны в этом отношении оценки В. И. Лениным выступления Каменева и Зиновьева, рассчитывавших сорвать Октябрьское вооруженное восстание. Решительно и бескомпромиссно обрушившись на штрейкбрехеров, добиваясь их исключения из партии, В. И. Ленин четко видел их полную изоляцию в партии, говорил о них как о парочке товарищей, растерявших свои принципы, как о буре в стакане воды[1]. В. И. Ленин знал, что в ходе политической борьбы в партии может возникнуть большинство и меньшинство. Однако этот факт не исключает единства действий партии на основе решения, принятого большинством. Нарушение этого решения есть нарушение единства партии, начало фракционности и раскола.

Противоположную позицию по отношению к партии занимали Троцкий и его единомышленники. Для Троцкого была характерна проповедь мирного сожительства в одной партии революционеров и оппортунистов, прикрываемая флагом «нефракционности» и примирения враждующих сторон. Как подчеркивал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, «троцкизм был также воплощением отрицания большевистской партийности, сплоченности рядов партии. Фракционность составляла «душу» троцкизма»[2].

Антиленинская сущность троцкизма в вопросе о единстве партии проявилась и в оценке Октябрьской революции. Как отмечалось в постановлении январского (1925 г.) Пленума ЦК и ЦКК, Троцкий, в частности, пустил в ход лживые версии, будто в партии в период Октябрьской революции было «правое крыло», будто ЦК воевал против В. И. Ленина и т. д.[3] А. С. Бубнов писал в связи с этим: «Я утверждаю, что, несмотря на то, что расхождения тогда были, что колебания безус-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 399; т. 35, с. 74.

[2] *М. А. Суслов.* На путях строительства коммунизма. Речи и статьи в 2-х томах, т. I. М., 1977, с. 469.

[3] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 3, с. 145.

ловно были, — они не носили того характера и размаха»[1], которые им пытался придать Троцкий. Оказавшись за границей, Троцкий сделал тезис о мнимой фракционности в большевистской партии стержнем освещения ее истории. Он фактически внедрил этот тезис в буржуазную историографию. Троцкистская фальсификация слилась с концепциями буржуазных авторов, обнаруживая общую враждебность к ленинской партии, к ее единству, партийному подходу к истории КПСС. Троцкиствующие «историки»[2], не жалея сил, твердят о «крыльях» в большевистской партии, нападают на марксистскую историографию истории партии, отстаивающую борьбу за единство и сплоченность рядов партии как основу своих позиций. Глубокая ненависть к принципам строительства партии нового типа сквозит в клевете французского троцкиста П. Бруэ на тех, кто, по его словам, пишет о «глубокой общности интересов между руководством, с одной стороны, и с другой — стальными рядами, железной колонной...»[3]. Антикоммунист А. Улам также нападает на тех, кто считает большевиков «тесно сплоченной, обладающей железной волей»[4] партией.

Работы буржуазных авторов буквально напичканы рассуждениями о «группах», «фракциях», «левых», «правых» в период Октябрьской революции. Эти оценки представляют собой преломленные через призму антикоммунизма некоторые реальные факты, вернее, «фактики». Проявления «левизны» и оппортунизма имели место. Но ни в одной партийной организации эти взгляды не получили распространения, тем более организационного оформления. А так как научное определение

---

[1] *А. С. Бубнов.* Основные вопросы истории ВКП. Сборник статей. М.—Л., 1926, с. 104.

[2] *A. Rosenberg.* Geschichte des Bolschewismus. Von Marx bis zur Gegenwart. Berlin, 1932; *B. Souvarine.* Stalin. A critical survey of bolshevism. New York, 1939, p. 174; *I. Deutscher.* Stalin. A political biography, p. 140; *idem.* The prophet armed. Trotsky, 1879—1921. Oxford, 1954; *M. Liebman.* La revolution russe, p. 286; *R. Daniels.* Red October, p. 56; *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland. Wiesbaden, 1955, S. 67: «Revolution d'Octobre et le mouvement ouvrier europeen». Paris, 1967, p. 35; *K.-H. Ruffmann.* Sowjetrussland. Struktur und Entfaltung einer Weltmacht. München, 1977, S. 42.

[3] *P. Broue.* Le parti bolchevique. Histoire du parti communiste de l'URSS. Paris, 1963, p. 12.

[4] «Revolutionary Russia», p. 139.

этих терминов предполагает организационные шаги, наличие лидеров, сторонников и т. п., то отпадает всякое основание для утверждений о «фракциях», «группировках». Большевистские организации, отмечая иногда элементы расхождения мнений, подчеркивали, как, например, на VI съезде РСДРП(б), свое полное единодушие[1]. Оно проявлялось наиболее рельефно на партийных форумах: не более 7% голосовало против резолюций, представленных на Апрельской конференции (за исключением резолюции по национальному вопросу), не более 1% — на VI съезде партии[2].

Партия решительно выступала против оппортунизма. Остро критиковались в Бюро ЦК, в ПК и на Апрельской конференции выступления Каменева и его немногочисленных сторонников. Были осуждены левацкие нарушения указаний ЦК в дни апрельского кризиса, отход Каменева от линии партии в связи со Стокгольмским проектом соглашательских партий и т. д. Эти факты нашли свое отражение в советской историко-партийной литературе. При этом уже в 20-х годах были отброшены троцкистские версии, служащие современному антикоммунизму. Так, Ем. Ярославский по поводу одного из тезисов Троцкого писал: «...правого крыла в нашей партии не было. Что были отдельные товарищи, как в Петрограде и в Москве, так и в провинции, колебавшиеся вправо... это верно, но партия в целом не шла за этими товарищами. Нельзя назвать ни одной организации, ни одного города, где бы в решительный момент партийные организации высказались против восстания, признали бы линию ЦК неправильной... У нас не было фракций в этот момент... Зиновьеву и Каменеву в то время не удалось создать никакой фракции...»[3] С таких же позиций дает оценку оппортунистам, пытавшимся сорвать Октябрьское вооруженное восстание, А. С. Бубнов: «...эти колебания не затронули сколько-нибудь значительных кругов партии, все они были колебаниями «верхушечного» порядка. В этом обнаружилась революционная пролетарская выдержка компар-

---

[1] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 58.

[2] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 366, 695.

[3] *Ем. Ярославский.* Большевики в Октябре. — «Пролетарская революция», 1927, № 10 (69), с. 73.

тии, которая сумела не только быстро ликвидировать эти колебания, но и в борьбе с ними добиваться еще большей сплоченности партийных рядов, еще большей твердости генеральной партийной линии»[1]. Партийность против антипартийности — таков смысл полемики с троцкистами в 20-х годах, таков смысл полемики с буржуазными авторами сейчас.

Для концепции «неединой партии» характерна одна деталь. Попытавшись применить троцкистские штампы к некоторым конкретным вопросам истории, отдельные буржуазные исследователи обнаружили несоответствие этих надуманных положений и действительности. «...Категории «левые» и «правые» мешали, а не помогали нашему пониманию развития событий»[2], — отозвался об этих штампах английский историк Д. Лонгли. Однако сам он, отказавшись от одного набора историографических мифов, но находясь на буржуазных методологических и идеологических позициях, пустился в конструирование иных обоснований концепции «неединой партии». Д. Лонгли стал привешивать ярлык «фракций» на отдельные организации, на органы партии и т. п. Рассматривая события марта 1917 г., он обнаружил расхождения в ряде вопросов между В. И. Лениным, Петербургским комитетом большевиков, Выборгским райкомом, редакцией «Правды» и т. д. и, не задумываясь, усмотрел в этом «фракционность»[3].

Столь же тенденциозный подход обнаруживается особенно явно в работах биографического содержания. Здесь буржуазные авторы чуть ли не каждому большевистскому руководителю приписывают особые взгляды, особую позицию — и все это «теоретически» объясняется «неединой партией». Один из таких «биографов» дошел до объявления большевистской партии «договорной федерацией групп, группировок и «тенденций»»[4]. Подобное изображение большевистской партии — результат сугубо предвзятой классовой позиции. Ленинское учение о партии нового типа, о ее единстве с мас-

---

[1] *А. С. Бубнов.* ВКП(б), с. 120.

[2] *D. Longley.* The divisions in the bolshevik party in March 1917. — «Soviet studies», 1972, vol. 24, N 1, p. 61—62.

[3] *D. Longley.* The divisions in the bolshevik party in March 1917. — «Soviet studies», 1972, vol. 24, N 1, p. 61.

[4] *S. Cohen.* Bukharin and the bolshevik revolution. A political biography. New York, 1973, p. 5.

сами, с рабочим классом здесь сознательно извращено. Ставя личности, их позиции в центр своих концепций, буржуазные исследователи демонстрируют идеалистический подход к проблеме вождей и масс, тенденциозно отделяют руководителей от партии, от класса, отводят им самодовлеющую роль. В реальной политической борьбе за победу социалистической революции только тот лидер мог претендовать на авторитет, на поддержку партийных организаций, кто вносил вклад в проведение курса партии, в борьбу за осуществление коренных интересов народных масс. Таким образом обнаруживается антиисторизм попыток буржуазных историков выдавать позиции отдельных партийных работников, особенно их ошибки, за существо политики партии.

Итак, создав в свое время ложную концепцию большевистской партии как военизированной организации заговорщиков, буржуазная историография бросается в последние годы в иную крайность. Идет розыск всяческих разногласий, трудностей строительства и развития партии. Буржуазные авторы сейчас нередко изображают большевистскую партию фактически малоуправляемой организацией[1].

Вследствие тенденциозности своего отношения к роли пролетарской партии нового типа в революции, в развертывании исторического процесса они не могут понять, на чем держались спайка, единство действий большевистских партийных организаций, как могли партийные центры с небольшим аппаратом, ограниченными возможностями связи эффективно руководить массовой партией. Для этого надо признать идейное и организационное единство большевистской партии, поддержку ею ленинского курса на социалистическую революцию, безраздельное доверие партии к своим испытанным ленинским кадрам профессиональных революционеров, правдивость и силу партийного слова, партийной печати как организатора партии и масс. Но признать роль этих факторов в революции означало бы отказаться от враждебности к коммунистам, от концепций отрыва их от народа, признать правильность политической линии партии. На это, естественно, способен лишь историк, стоящий на позиции коммунистической партийности и

[1] *R. A. Wade.* 1917: three studies. — «Canadian Slavonic studies», 1968, vol. 2, N 4, p. 560; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd.

научности. Идеологи империализма не могут не прибегать к насилию над истиной.

Из конфликтной ситуации — двух внешне противоположных подходов к проблеме сплоченности большевистской партии — буржуазные авторы подчас находят выход посредством тезиса о том, что большевистская партия лишь выглядела более действенной и эффективной организацией на фоне других политических партий[1]. Этот тезис также обнаруживает свою недобросовестность. В реальной политической ситуации в России буржуазия к 1917 г. не могла создать политическую партию, способную соперничать с партией пролетариата. Классовые интересы и цели российской буржуазии обрекали ее партии на внутреннюю слабость и неспособность к действию, к завоеванию поддержки сколько-нибудь широких слоев населения. То же самое касается и мелкобуржуазных партий, которые, как научно доказал В. И. Ленин, не могли не оказаться в плену у буржуазии, не стать на позиции оппортунизма и шовинизма[2]. Историческая реальность свидетельствует против надуманных схем и произвольного комбинирования возможного и невозможного.

Большевистская партия в битвах трех революций в России крепла и набирала опыт. Подходить к ее истории с предвзятыми концепциями, как это делают буржуазные историки, — значит становиться на путь антиисторизма. Буржуазной историографии органически свойственны фальшь, тенденциозность, определяющим моментом появления которых выступают не недостатки инструментария буржуазного исследователя, а политические мотивы, особенно когда речь идет о единстве, сплоченности, монолитности рядов партии.

Как бы ни злобствовали буржуазные историки и ревизионисты, от фактов не уйти: большевистская партия продемонстрировала превосходство над всеми соперничавшими на политической арене России политическими партиями в сплоченности и единстве, в умении сблизиться с массой, вести ее за собой. Только такая партия могла совершать сложные тактические маневры, выдержать удары контрреволюции, победить. Не случайно концепция «расколотой партии» доводит своих

---

[1] «Revolutionary Russia», p. 139, 141.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 38—40.

менее осмотрительных сторонников, например Р. Дэниелса, до таких вершин субъективизма в оценке причин победы Великого Октября, что даже коллеги-«советологи» не могут не критиковать их работ[1]. Не случайно вновь возникающие концепции соседствуют с концепциями, сработанными в далеком прошлом. Не случайно конфликтуют между собой их сторонники. Критику вызвала и позиция А. Рабиновича, некоторые положения его книги «Большевики приходят к власти»[2]. Все это в конечном счете следствие расхождения с правдой истории, что присуще всей буржуазной исторической науке.

«Решающим условием силы партии Ленин и большевики считали монолитную сплоченность ее рядов, недопустимость действий, направленных на подрыв ее единства, ослабление железной дисциплины»[3], — подчеркнуто в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эти качества партии нового типа — проверенное оружие борьбы за революционное преобразование мира. Единству, сплоченности, железной дисциплине способствует непримиримая борьба против всякого рода оппортунистов. «Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды»[4]. Какие бы домыслы ни распространяли буржуазные авторы вокруг единства большевистской партии, им не исказить подлинную историю борьбы в российском рабочем движении, борьбы за партию, за единство всех революционных сил.

Ликвидаторы в прошлом и «ликвидаторы» в настоящем

Среди историографических мифов, затрагивающих коренные проблемы истории большевистских организаций, заметное место заняло отрицание существования

[1] *P. Avrich.* New books on 1917. — «Russian review», 1968, vol. 27, N 2, p. 225; «Soviet studies», 1969, vol. 19, N 2, p. 257; *R. A. Wade.* 1917: three studies.

[2] «Slavic review», 1975, vol. 34, N 4, p. 879—880 (S. Pushkarev); «Russian review», 1977, vol. 36, N 3, p. 362 (P. Avrich); «Problems of communism», 1977, vol. 26, N 5, p. 103.

[3] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 10. М., 1972, с. 148.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 103.

большевистской партии в дооктябрьский период ее истории как отдельной от меньшевиков, самостоятельной партии. Еще в первые послеоктябрьские годы ряд буржуазных авторов, главным образом из кадетско-октябристских кругов (А. Тыркова-Уильямс, Г. Уильямс и др.), явно демонстрировали свое понимание, вернее, непонимание положения среди российских партий левого крыла: «В начале революции большевики не считались особой партией»[1]. Эти идеологи изображали все «социалистическое крыло» единым. С таких же фактически позиций выступали идеологи соглашательства. «Большевизм,— писал В. Чернов,— мог быть только радикально окрашенным придатком к социал-демократическому фронту в целом, и до приезда Ленина он и был таким»[2]. В подтверждение В. Чернов ссылается на троцкистские домыслы об Октябрьской революции, в частности на преувеличение Троцким размеров объединительных тенденций в некоторых социал-демократических организациях после Февральской революции, рассчитанное на то, чтобы сделать более убедительными свои заявления о мнимом «перевооружении» большевистской партии. Таковы некоторые истоки утверждений «советологов» о том, что большевики были не самостоятельной партией, а лишь фракцией социал-демократической партии. Заметим, что этот прием позволял преуменьшать размеры большевистской партии, изображать ее группой заговорщиков.

В современной буржуазной историографии меньшевистско-троцкистские тезисы получили широкое распространение. Раскол социал-демократии на II съезде партии на большевиков и меньшевиков объявляется случайностью, лишенной принципиальных причин (Л. Шапиро и А. Улам, например, изображают его как некую «семейную ссору», недоразумение[3]), и возникновение большевизма как партии отрицается; предпринимаются попытки отрицания самостоятельности большевистской партии в период первой русской революции. Здесь главным «аргументом» выступает сам факт проведения IV (Объединительного) съезда РСДРП. В 1912—

[1] *A. Tyrkova-Williams.* From liberty to Brest-Litovsk. The first year of the Russian revolution. London, 1919, p. 45.

[2] *V. Chernov.* The great Russian revolution, p. 410, 412.

[3] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 54; *A. Ulam.* Stalin. The man and his era. New York, 1973, p. 54.

1914 гг., утверждают буржуазные авторы (в период 1907—1912 гг., как считают многие из них, социал-демократическое движение практически отсутствовало), большевики и меньшевики весьма сблизились. После Февральской революции (в годы мировой войны партии якобы тоже не существовало) объединительные тенденции, как заявляют некоторые «советологи», подтверждают наличие одной партии российских социал-демократов. Наконец, используется и заимствованное Б. Мейснером у Зиновьева положение, будто большевистская партия вообще существует с 1925 г.[1]

Эта схема антиисторична. В связи с огромными задачами, которые предстояло решить пролетариату России, встал злободневный для всего рабочего движения эпохи империализма вопрос о создании подлинно революционной пролетарской партии. Формирование такой партии, марксистской партии нового типа, настоятельно требовало размежевания с оппортунистами.

Борьба против оппортунизма была требованием времени. Для победы пролетарской революции необходимо было сплотить вокруг партии нового типа рабочий класс, вытеснить меньшевиков из пролетарских организаций, нейтрализовать их пагубное влияние. Эта борьба осложнялась рядом обстоятельств, включая и то, что меньшевиков поддерживали оппортунистические лидеры партий II Интернационала. Интересы борьбы за победу демократической и социалистической революций, необходимость учета уровня сознательности отдельных отрядов рабочего класса, укрепления союза с непролетарскими слоями трудящихся и др. требовали от большевиков в вопросах строительства партии проведения политики гибкой, свободной от сектантства, в том числе в определенных условиях и по отношению к меньшевикам. В итоге исторический путь большевистской партии привел ее к завоеванию единства рабочего класса, а меньшевиков — к изоляции и политической смерти.

После II съезда РСДРП четко прослеживаются две противоположные линии: линия большевиков на единство рабочего класса для свержения самодержавия и капитализма и линия меньшевиков на превращение пар-

---

[1] См. *В. И. Салов.* Современная западногерманская историография. М., 1969, с. 168; *И. Е. Горелов.* Большевики в период реакции (1907—1910 гг.). М., 1975, с. 11.

тии в придаток политической системы буржуазного общества. Уже накануне первой русской революции противоположность этих двух линий очевидна. «...Меньшинство *рвало партию*», меньшевики «*дезорганизовывали* партию и *мешали всякой работе*»[1],— оценивал В. И. Ленин фракционные шаги меньшевиков после II съезда РСДРП. В. И. Невский свидетельствует: «...тотчас же после съезда фракция меньшевиков конституировалась и тотчас же приступила к своей разрушительной работе... с самого начала они шли на раскол и не останавливались перед взрывом центральных учреждений партии»[2]. Разногласия затронули коренные вопросы рабочего движения России. Оппортунизм в организационных вопросах закономерно сочетался у меньшевиков с оппортунизмом в вопросах тактики: «земский план» «Искры», ставшей рупором меньшевизма, грозил превратить рабочий класс в придаток буржуазии. Среди антипартийных акций меньшевиков в конце 1904 г.— сожжение листовок петербургских социал-демократов, раскол организаций в Петербурге, Москве и других городах. Глубокий кризис партии накануне революции 1905—1907 гг.— дело рук меньшевиков[3]. С полным основанием В. И. Ленин писал, что «фактически... оказалось две Российские социал-демократические рабочие партии»[4]. «Два съезда... (две партии)...»[5] — так характеризовал он III съезд партии и конференцию меньшевиков. В. И. Ленин подчеркивал: «Либералы и филистеры всех партий, всех возрастов и всех видов любят оплакивать «расколы» социал-демократии. Эти добряки понятия не имеют о том, что без борьбы нельзя провести волю большинства, а без проведения воли большинства не может быть и речи ни о партийности, ни даже об организованном политическом действии вообще»[6].

Борьба против меньшевиков принимала различные формы в зависимости от потребностей пролетарского

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 344.

[2] *В. И. Невский.* История РКП(б). Краткий очерк. Л., 1926, с. 229.

[3] См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1, с. 117—118; *В. И. Невский.* История РКП(б). Краткий очерк, с. 250; «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 59; «Ленинское учение о партии», с. 99, и др.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 236.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 265.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 409.

дела. При этом передовая часть российского рабочего класса доказала свою поддержку большевистской линии в революции. Преобладание большевиков на II съезде — отнюдь не случайность, как подчас пишут «советологи». Большинство социал-демократических комитетов послали своих делегатов на III съезд РСДРП, единодушно принявший ленинские резолюции по коренным вопросам стратегии и тактики. Полной противоположностью — организационно и теоретически — выглядела меньшевистская конференция. «Они не могли даже созвать своей собственной конференции: их конференцию созвали мы, Бюро Комитетов Большинства и ЦК, объявившие созыв III съезда»[1], — писал В. И. Ленин в статье «Третий шаг назад».

Революция 1905—1907 гг. требовала объединения сил пролетариата, и большевики активно добивались единства рабочей партии. Не В. И. Ленину, как пишут фальсификаторы[2], а меньшевикам было «навязано» объединение, происшедшее на IV съезде. Большевики еще на III съезде предприняли ряд шагов к тому, чтобы сплотить движение на подлинно партийных основах, покончить с расколом в социал-демократии, обеспечить единство рабочего класса.

Вопрос объединения становился в повестку дня благодаря подъему рабочего движения, втягиванию в борьбу новых масс рабочих, которым на своем опыте предстояло оценить правильность большевистской политики и отвергнуть меньшевизм. Большевики твердо знали, что на их стороне правда, и без колебаний шли на объединение. В. И. Ленин в августе 1905 г. одобрил создание контактных органов большевиков и меньшевиков[3]. Меньшевики же длительное время противились объединению, и лишь давление массового рабочего мнения вынудило их на этот шаг. Описывая эту борьбу, А. С. Бубнов заключает: «Меньшевики таким образом явно старались затормозить объединение, сохраняя фракционную нетерпимость и обособленность... Меньшевистская конференция, состоявшаяся в начале декабря нового стиля, под влиянием периферийных работ-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 318.

[2] *V. Fay.* Le leninisme sous Lenine. — «Homme et la société». Paris, 1974, N 31—32, p. 212.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 159—165.

ников отказалась от своей непримиримой позиции и всяких ультиматумов»[1].

Большевики решительно выступали против беспринципного «спутывания» революционной и оппортунистической частей партии. В. И. Ленин писал: «Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда»[2]. Они боролись за оттеснение меньшевиков от руководства рабочим движением. В силу ряда причин большевики на IV (Объединительном) съезде партии имели меньше делегатов, чем меньшевики. Это несколько задержало разоблачение меньшевизма в глазах пролетариев. Однако съезд показал, что большевики являются представителями передовой части пролетариата России, что их влияние растет. Меньшевики же отражали главным образом интересы мелкобуржуазных прослоек трудящихся[3].

Четкое размежевание на Объединительном съезде помогло большевикам добиться успехов в сплочении пролетариев России. «Идейное размежевание, — отмечает Н. Н. Яковлев, — несомненно, оказало влияние на революционные элементы среди меньшевиков, особенно на рабочих, которые потянулись к большевикам как к настоящим пролетарским революционерам. В этом огромное значение Объединительного съезда и тактики большевиков, направленной на объединение всех революционных сил»[4]. Все чаще слова и дела меньшевиков ставили их вне революционного рабочего движения, вне социал-демократии. Это по-своему признавали и меньшевики. Один из меньшевистских делегатов IV съезда, В. Ломтатидзе (Воробьев), открыто выступил против объединения партии, против большевиков. Он говорил: «...или мы должны быть изгнаны из партии, или они. Объединительный съезд показывает, что мы не можем работать в одной партии»[5].

Истинное положение дел в РСДРП в этот период не ускользнуло и от внимания некоторых буржуазных ав-

---

[1] *А. С. Бубнов.* ВКП(б), с. 363, 366.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 80.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, с. 176.

[4] *Н. Н. Яковлев.* Народ и партия в первой русской революции. М., 1965, с. 330—331.

[5] «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, с. 380.

торов. Так, профессор Д. Тредголд (США) пишет: «...обе фракции фактически оказались дальше друг от друга, чем они были зимой... Единство было провозглашено, но не достигнуто»[1]. Итогом внутрипартийной борьбы в РСДРП в период первой русской революции стал V съезд партии, четко продемонстрировавший размежевание революционной социал-демократии и оппортунистов, завоевание большевиками на свою сторону революционных масс рабочего класса.

В период реакции, в годы нового революционного подъема борьба большевиков за партию, за сплочение рабочего класса продолжалась. Огромный ущерб делу партии и рабочего класса наносило ликвидаторство. Меньшевики систематически поддерживали кадетов[2], срывали работу партийных органов. «...Меньшевики-цекисты, — писал В. И. Ленин, — пытались прямо *сорвать ЦК партии*, прекратить функционирование этого учреждения»[3]. Они призывали к отказу от подпольной работы. Так, еще в ноябре 1905 г. меньшевики призывали ликвидировать всякую конспирацию, т. е. фактически разоружиться[4]. Ликвидаторский «Голос социал-демократа» писал: «У конспиративной партии теперь нет политических задач. Ей нелегально-конспиративной нечего делать»[5]. Это открывало глаза рабочим на подлинное лицо меньшевизма. Все революционные элементы рабочего класса сплачивались вокруг большевиков. Создавалось новое единство рабочих, единство вокруг большевистской партии в условиях оттеснения меньшевиков-ликвидаторов от рабочего движения. В период реакции, подчеркивал В. И. Ленин, речь шла «о *двух* партиях, о *социал-демократической* рабочей партии и о *столыпинской* рабочей партии гг. Потресовых, Смирновых, Ларины, Левицких и К°»[6]. Качественно новым показателем обстановки в российской социал-демократии стало то, что большевистское течение, завоевав большин-

---

[1] *D. Treadgold.* Lenin and his rivals. The struggle for Russia's future, 1898—1906. New York, 1955, p. 230, 234.

[2] См. «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 109.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 46.

[4] См. «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 74; *И. В. Шауров.* Воспоминания участника первой русской революции. М., 1974, с. 250, и др.

[5] Цит. по: «Ленинское учение о партии», с. 147.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 337.

ство сознательных, организованных рабочих, «все больше начинает равняться всей нашей партии»[1]. В партийных организациях подавляющее большинство членов составляли противники ликвидаторства. Итог этой полосе борьбы за партию подвела Пражская конференция РСДРП. «Изгнав из РСДРП меньшевиков-ликвидаторов, она завершила организационное оформление большевиков в политическую партию пролетариата, партию нового типа. Полоса объединений большевиков с меньшевиками в составе одной партии осталась позади»[2] — так характеризует этот этап развития большевистской партии коллективный труд советских историков. Победа большевиков в рабочем движении России была закреплена.

Говоря о периоде 1912—1914 гг., ряд буржуазных авторов протаскивает мысль, будто фактически в рабочем движении не было двух партий, а существовало некое полуобъединение большевиков с меньшевиками и рабочие не отличали меньшевиков от большевиков[3]. Но это не соответствует исторической действительности. Меньшевики-ликвидаторы еще в большей степени разоблачали себя. Выступая против партии, против (как это было в ряде случаев) забастовок, против движения солидарности с бастующими, они теряли поддержку рабочих. На заседании меньшевистской фракции в Думе 31 января 1914 г. А. Чхенкели признал, что за полтора года меньшевистская фракция «утратила все свое влияние, ушла от общей политической жизни страны, порвала все связи с рабочими»[4]. В пролетарских центрах большевики все прочнее укреплялись в рабочем движении, в рабочих организациях. К началу войны все профсоюзы Петербурга шли за большевиками[5]. В ра-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 369; см. также: т. 19, с. 10; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1, с. 311, 308, и др.

[2] «Ленинское учение о партии», с. 159.

[3] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 142; *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution. New York, 1967, p. 136; *P. Broue.* Le parti bolchevique, p. 42; *G. F. Hudson.* Fifty years of communism in Russia, p. 51; *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. IX, 230.

[4] Цит. по: *Э. Э. Крузе.* Петербургские рабочие в 1912—1914 годах. М.—Л., 1961, с. 222.

[5] См. там же, с. 230.

бочих организациях Украины большевики также оттеснили меньшевиков от руководства и т. д.

Вопреки утверждениям буржуазных историков сознательные рабочие ясно показали способность отличать большевиков от меньшевиков. Партийные ячейки в 1912 г. одобрили решения Пражской конференции, изгнание из партии ликвидаторов. Большевистские газеты и большевистскую фракцию в IV Государственной думе поддерживали денежными средствами $^4/_5$ организованных рабочих России, в то время как меньшевистскую фракцию — $^1/_5$[1]. Создание самостоятельной большевистской фракции в Думе одобрили восемь профсоюзов Петербурга, а за меньшевистскую не высказался ни один. К концу 1913 г. на предприятиях Петербурга имелось около 6 тыс. членов большевистских ячеек, почти в 10 раз больше, чем меньшевистских[2]. Эта тенденция прокладывала себе дорогу в других пролетарских центрах.

Некоторые буржуазные историки ссылаются на троцкистский августовский антипартийный блок, на попытки деятелей II Интернационала вынудить большевиков отступить от принципиальных позиций, «объединить» их с ликвидаторами. Однако и усилиям августовского антипартийного блока, и фальшивой заботе лидеров II Интернационала о единстве российской социал-демократии уже противостояло ленинское единство рабочего класса России, достигнутое снизу, самими массами, завоеванное длительной упорной работой большевиков. «Советолог» Р. Эльвуд (Канада) вынужден дать следующую характеристику августовскому блоку: «Это собрание... было неспособно объединить даже антибольшевистские силы, не то что социал-демократическую партию»[3]. Ни Троцкому, ни Э. Вандервельде не удалось повернуть вспять развитие революционной сознательности и организованности рабочих России.

К началу первой мировой войны большевистская партия «разгромила оппортунистов, стала политической силой, за которой стояли сотни тысяч рабочих... Подавляющее большинство сознательных рабочих стало

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 250.

[2] См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1, с. 356—357.

[3] *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. 78.

под знамя партии. Единство революционного пролетарского авангарда было восстановлено»[1].

Мировая империалистическая война затормозила развитие революционного кризиса в России, позволила «социал-патриотам» получить некоторое влияние на слои рабочих, временно оказавшихся под воздействием угара шовинизма, на новых рекрутов рабочего класса, пополнивших его ряды в годы войны. Размежевание же большевиков и меньшевиков сохранилось и углубилось. Обнаруживалась коренная противоположность между ними в подходе к повседневным тактическим и стратегическим задачам рабочего движения. Условия глубокого подполья, в которых действовали ячейки большевиков, ограничивали возможности открытого разоблачения меньшевизма, ознакомления широких масс рабочих с большевистской платформой. Однако борьба против меньшевиков продолжалась.

Подходить к элементам «объединенчества», проявлявшегося после Февральской революции, необходимо прежде всего с учетом условий, которые сложились на местах в тех или иных партийных организациях после свержения самодержавия. Тенденциозность буржуазной и ревизионистской литературы в этом вопросе проявляется в нескольких разновидностях: в прямом отрицании самостоятельности большевиков («В октябре 1917 г. эти оба движения, — пишет Г. Шойер о большевиках и меньшевиках, — казались объединенными и равноправными»[2]), в применении к большевикам термина «фракция», в неверном толковании причин, размеров «объединенчества», в тезисе, будто до приезда В. И. Ленина большевики были готовы объединиться с меньшевиками, в неверном толковании причин стремления большевиков к единству с интернационалистами и т. д.[3] «Можно

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 466—467.

[2] *G. Scheuer.* Von Lenin bis?.. Geschichte einer Konterrevolution. Wien, n. d., S. 100.

[3] *D. Geyer.* Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart, 1968, S. 74; *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union sovietique de Lenine a Staline 1917—1953. Paris, 1972, p. 68; «A history of civilisation», p. 403; «The Russian revolution and the Soviet state 1917—1921». Documents. London—Basingstoke, 1975, p. 21; *A. Ulam.* A history of Soviet Russia. New York, 1976, p. 6; *G. Schulz.* Revolutionen und Friedensschlüsse 1917—1920. München, 1969, S. 84—85.

категорически заявить, что до апреля 1917 г. не было крупных идеологических различий между обеими фракциями, а имевшиеся мелкие были временными и непродолжительными... До этой даты все различия между двумя то враждующими, то сотрудничающими фракциями можно суммировать и выразить в одном слове: Ленин... он держал партию в состоянии раскола»[1], — пишет А. Улам.

Глубокой противоположности большевизма и меньшевизма после свержения самодержавия не прикрыть назойливой возней вокруг «объединенчества». Создание советской исторической наукой крупных обобщающих работ, детальных исследований истории отдельных партийных организаций, монографий, специально рассматривающих эту проблему, позволяет дать предметный отпор фальсификаторам истории.

Масштабы «объединенчества» не были велики. Основные массы членов большевистской партии состояли в самостоятельных организациях. В начале революции, по данным И. И. Минца, объединенные организации составляли немногим более 15% общего числа большевистских организаций[2]. По подсчетам авторов многотомной «Истории КПСС», «к концу апреля в стране имелось свыше 440 самостоятельных большевистских организаций и более 150 объединенных. Следует при этом учитывать, что объединенные организации, как правило, были малочисленны. Если принять во внимание количество большевиков, входивших в эти организации, то их удельный вес в партии был незначительным»[3]. Большевики в объединенных организациях, представленных на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций в мае 1917 г., составляли 12—13% численности чисто большевистских организаций, представленных на VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии большевиков[4]. Л. Шапиро тщетно противопоставляет этим данным соотношение большевистских и объединенных организаций, сложившееся на мартовском совещании партийных работ-

---

[1] *A. Ulam.* Stalin, p. 50.

[2] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 231.

[3] «История Коммунистической партии Советского Союза». т. 3, кн. 1, с. 27.

[4] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 32.

ников[1]. Это ложный прием. Партийные организации на совещании, как известно, по ряду причин были представлены непропорционально. Каждая организация посылала от 1 до 3 человек: «От Московской городской организации, насчитывавшей в то время 6 тыс. членов, было два делегата. Два делегата было и от Томской организации, имевшей только 300 членов, а от Царицынской, численный состав которой был также равен 300 членам, на совещании присутствовало даже 3 делегата. Обе эти организации были объединенными»[2]. Так объясняется высокий процент участников совещания от объединенных организаций, что никак не отражало действительного соотношения этих организаций с чисто большевистскими.

Категорически следует отвергнуть попытки буржуазных «исследователей» изображать дело так, будто до приезда В. И. Ленина в Петроград большевики были готовы к объединению с меньшевиками. Буржуазные авторы путают совершенно разные вещи. Не только большевики до приезда В. И. Ленина, но и Апрельская конференция, и VI съезд РСДРП(б) внимательно рассматривали вопросы объединения с последовательно революционными интернационалистскими группами и приняли соответствующие решения[3]. Но единство, к которому стремились большевики, было единством на классовой, революционной основе. Они решительно выступали против объединения с оппортунистами, соглашателями, изменниками делу революции. Об этом свидетельствует вся история большевизма, его непримиримая борьба против оппортунизма в период подготовки и победы Октября. Однако в марте — начале апреля 1917 г. в партии не был достаточно известен тот факт, что большинство на Циммервальдской и Кинтальской международных социалистических конференциях имели центристы. В частности, поэтому ряд руководителей большевистской партии полагали, что объединение может произойти на платформе Циммервальда и Кинталя[4]. В то же время меньшевики, особенно И. Церетели,

---

[1] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 164.

[2] *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года). М., 1975, с. 240.

[3] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1. М., 1970, с. 449—450, 501.

[4] См., например, «Первый легальный ПК большевиков», с. 66.

именуя себя «циммервальдцами», назойливо подчеркивали стремление объединиться с большевиками, чтобы на деле поглотить их в объединенных организациях и укрепить свое пошатнувшееся влияние. Вот свидетельство на этот счет кадетской деятельницы А. Тырковой-Уильямс: «По возвращении из сибирской ссылки Церетели поспешил заявить в одной из самых первых речей: «Фракции больше не существуют. Большевики и меньшевики объединились. Все встали в ряды единой революционной демократии»»[1]. По настоянию меньшевиков мартовское совещание партийных работников рассмотрело вопрос объединения. Совещание сдержанно подошло к предложению И. Церетели, однако решило идти на совместное с меньшевиками собрание, подчеркнув его информационный характер, что означало некомпетентность решать вопросы объединения[2]. Ясность в то, с кем объединяться, как одну из задач партии на новом этапе революции, внес В. И. Ленин. Его непримиримость к оборонцам была единодушно поддержана партией.

Тенденция изображать положение в марте — апреле так, будто объединение большевиков и меньшевиков было вопросом времени, а его решению помешала позиция вождя большевиков, глубоко антиисторична. Напротив, вопросом времени был конец самого «объединенчества». Неумолимая логика классовой борьбы, развитие революции, уяснение позиций политических партий миллионными массами трудящихся отделяли подлинных революционеров-интернационалистов от оппортунистов, революционеров на словах. В марте 1917 г. предательская позиция меньшевиков еще не стала ясна массам. Свои соглашательские действия меньшевикам пока удавалось камуфлировать революционной фразой. «Медовый месяц» революции был временем конституционных иллюзий, максимальных «успехов» соглашателей в одурманивании масс. Это затрудняло уяснение классовой сущности меньшевистских предложений об объединении и некоторым работникам партии. Но поведение меньшевиков в вопросе о «займе свободы», в апрельском кри-

---

[1] *A. Tyrkova-Williams.* From liberty to Brest-Litovsk, p. 46.

[2] Подробнее см.: *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года), с. 233—234.

зисе, а позднее участие в правительстве Г. Львова, в подготовке наступления на фронте, в затягивании решения вопроса о земле и т. д. наглядно показало предательство этой партией интересов рабочего класса и всех трудящихся. Так, в Московской организации, где сторонники «объединенчества» были довольно активны, обсуждение в Совете вопроса о «займе свободы» показало невозможность сближения с меньшевиками[1]. Полное размежевание большевиков и меньшевиков в объединенных организациях в 1917 г. было неизбежным итогом классовой борьбы. В ходе революции число объединенных организаций на местах постепенно уменьшалось. Уже в мае — июне большевики вышли из более чем 30 объединенных организаций. Создавались организации чисто большевистские[2].

Тенденциозные оценки «объединенчества» буржуазной историографией, восходящие к меньшевистско-троцкистским фальсификациям, не могли не вызвать сомнения у некоторых буржуазных авторов. Увидел несостоятельность такого подхода и Д. Лонгли, не считающий, что объединение большевиков с меньшевиками было реальной перспективой. Однако он на место одной ложной версии выдвинул другую, столь же ложную. Д. Лонгли считает, что вероятным исходом борьбы по вопросам «объединенчества» могло быть выделение из большевистской партии радикального левого крыла. «Приезд Ленина, — пишет он, — возможно, предотвратил раскол» и выделение в особую партию «радикальных элементов»[3]. Ее ядром автор считает большевиков Выборгской стороны и Кронштадта. Этот тезис неверен методологически, поскольку английский историк рассматривает партию как сумму течений и группировок, тяготеющую к дроблению. Между тем историческое развитие партии, рабочего класса России шло по пути борьбы за единство, сплочение все более широких слоев пролетариата и всех трудящихся, против фракционности и групповщины. Историографически версия Д. Лонгли—

---

[1] См. «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 186, 222, 240 и др.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 89.

[3] *D. Longley.* Some historiographical problems of bolshevik party history (The Kronstadt bolsheviks in March 1917). — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1975, Bd. 22, N 4, S. 513—514.

вывернутый наизнанку тезис об «объединенчестве». Если там речь шла о «перспективе» превращения партии в оппортунистическую группу, то здесь — в группу левацкого толка. Подобные утверждения ошибочны и в фактическом плане. За признаки выделения «радикальной» фракции он выдает поддержку ленинских революционных позиций подавляющим большинством партийных организаций России, изгнание из партии оппортунистов типа Войтинского, Гольденберга, Яхонтова и других, изоляцию сторонников Каменева. Можно сказать, что «раскол», «перспективу» которого видит Д. Лонгли, произошел в действительности: из партии была изгнана кучка оппортунистов, а партия сплотилась вокруг «радикальной» ленинской программы социалистической революции. Во всех условиях основой организации большевистской партии остается выражение и отстаивание подлинных жизненных интересов рабочего класса, революционных масс. В неспособности усвоить это — корень ошибочности тезиса о возможном превращении большевистской партии в группу «радикалов».

Против фальсификации методов идеологической работы большевиков[1]

Фальсификация методов работы партии в массах занимает большое место в концепциях буржуазных и ревизионистских историков и имеет определенную традицию. В литературе разных лет можно найти признания высокой действенности большевистской агитации[2]. «Блестящая», «неодолимая», «мощная», «привлекательная» — так определяют ее некоторые буржуазные историки[3], признавая ту важную роль, которую сыграла

---

[1] Отдельные аспекты буржуазных фальсификаций идейно-массовой работы большевиков рассмотрены в работе В. Я. Доброхотова «Слово ленинской правды. Партийная пропаганда: наука и искусство». Горький, 1972, с. 84—88.

[2] Буржуазная историография, как правило, не делает различия между пропагандой и агитацией. Употребляя термин «propaganda», она фактически ведет речь об агитационно-массовой работе.

[3] *G. Vernadsky.* A history of Russia. New Haven, 1954, p. 292; *J. Jacoby.* Lenine. Paris, 1933, p. 92; *R. Charques.* A short history of Russia. London, 1956, p. 243; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 114; *U. Germanis.* Oberst Vacetis und die lettischen Schützen im Weltkrieg

массовая разъяснительная работа большевиков в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«...В период соглашательства Черновых и Церетели с Керенскими и Кишкиными», писал В. И. Ленин, главной задачей большевистской партии была задача агитаторская: «убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики»[1]. Это ленинское положение отражено в партийных документах. «Главной задачей пролетарской партии до завоевания власти являлась агитация и пропаганда. С известным правом можно сказать, — отмечалось в резолюции XI съезда партии, — что до Октябрьской революции вся наша партия была тем, чем ныне должен являться агитотдел партии»[2]. Агитационная работа партии отражена и в работах советских историков. Так, А. С. Бубнов писал: «После Февральской революции 1917 года партия большевиков развернула небывалую по напряженности и размаху агитационную работу. У всех еще в памяти этот всесокрушающий агитационный натиск, соединенный с терпеливой работой по прояснению классового сознания рабочих масс, по отколу революционных пролетариев от мелкобуржуазного блока меньшевиков и эсеров»[3]. Советские историки немало сделали для раскрытия и обобщения опыта работы большевиков по политическому просвещению и организации масс в марте — октябре 1917 г.

Буржуазная историография стоит в освещении идеологической работы партии на антисоветских позициях. Мощный, неудержимый натиск большевистского слова правды, которому буржуазия и соглашатели России 1917 г. не могли противопоставить ничего, идеологи империализма в бессильной злобе не перестают характеризовать как обман масс, демагогию[4] и т. п.

Тезисы о «демагогическом» и «немарксистском» характере большевистской агитации призваны «подкреплять» тенденцию буржуазной историографии отрывать

---

und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974, S. 188; *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution, p. 74.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 172.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2. М., 1970, с. 337.

[3] *А. С. Бубнов.* Основные вопросы истории ВКП, с. 60.

[4] *T. Hammond.* Preface to: «The anatomy of communist takeovers», p. 3; *J. Keep.* — Ibidem, p. 58; *A. Ulam.* A history of Soviet Russia, p. 8.

большевиков от масс, а их стратегию и тактику — от марксизма. Конечно, подход буржуазных авторов к освещению данной проблемы не оставался неизменным. Некоторые обветшалые доводы, как, например, утверждение, будто российскую армию разложила только агитация большевиков, отброшены. А. Уайлдмен, говоря о повороте в настроении солдат, вызванном известной нотой Милюкова, констатирует: «Этот процесс был мало связан с агитацией большевиков»[1]. Р. Петибридж сравнивает масштабы работы большевиков в армии с «маленькой каплей в океане пропаганды, распространявшейся среди миллионов солдат небольшевистскими источниками»[2]. М. Либман вспомнил забытое на Западе сравнение, сделанное в свое время американским полковником Робинсом, характеризовавшим большевиков как людей, дующих в ту же сторону, куда несется ураган[3]. Эти высказывания отражают поиск новых, более устойчивых «аргументов». Суть же оценок большевистской агитации буржуазными историками — отрыв партии от масс и марксизма — сохраняется. «Аргументация», выдвигаемая буржуазными историками в подкрепление своих тезисов, наглядно раскрывает антинаучность и тенденциозность.

Идеологи буржуазии пытаются клеветнически приписывать агитации большевиков бесчестный характер. Подобные наветы («обман», «демагогия», «неправда», «фантастические обещания»[4] и т. п.) нередки в их работах. Но лозунги выхода из кровавой империалистической войны, из кабалы помещиков и капиталистов, перехода к обществу, свободному от войн и от эксплуатации, глубоко человечны. Они отвечали жизненным интересам трудящихся. Антинаучен и бесчестен сам по себе данный прием буржуазных историков. Приводятся только голословные утверждения, с тем чтобы создать

---

[1] *A. Wildman.* The February revolution in the Russian army. — «Soviet studies», 1970, vol. 22, N 1, p. 23.

[2] *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution, p. 122.

[3] *M. Liebman.* La revolution russe, p. 183.

[4] *H. Seton-Watson.* From Lenin to Khrushchev. The pattern of the communist revolution. A historical analysis. London, 1960, p. 30; *L. Haimson. — In:* «The transformation of Russian society». Cambridge (Mass.), 1960, p. 143; *S. Pushkarev.* The emergence of modern Russia. 1801—1917. New York, 1963, p. 418; *J. Walkin.* The rise of democracy in pre-revolutionary Russia. London, 1963, p. 24.

у читателя отрицательное отношение к деятельности большевиков в массах.

В работах, претендующих на академизм, особенно в последние годы, «аргументы» такого рода встречаются реже. «Советологи» новейшей формации стремятся отрицать научность большевистской агитации и пропаганды, характеризуют работу большевиков в массах как «воздействие на умы нерациональными коммуникативными импульсами», «манипуляцию»[1]. Но практика массовой работы большевиков в 1917 г. носила совершенно иной характер. Они шли в народ с лозунгами, обоснованными марксистско-ленинской теорией и поставленными в повестку дня классовой борьбой, с научной программой революции и строительства нового общества. Едва ли можно ожидать, что это признают идеологи буржуазии, ибо это означало бы признание ими марксистско-ленинского мировоззрения.

Ленинским принципом партийной агитации и пропаганды является правдивость. В ответ на домыслы (родственные современным) белогвардейцев относительно размаха и организации большевистской агитации В. И. Ленин отмечал, что смешно думать, будто народ пошел за большевиками из-за искусной агитации. «Нет, — подчеркивал он, — дело в том, что агитация их была правдива»[2]. Трудящиеся массы пошли за большевистскими лозунгами, за большевистской правдой, ибо это была их правда, это было выражение их собственных мыслей и стремлений. Буржуазные авторы лишь демонстрируют классовость правды. То, что является правдой трудящихся, рабочего класса, коммунистов, правдой их лозунгов, отвергали буржуазия и соглашатели, представлявшие интересы эксплуататоров.

Буржуазные авторы пытаются изображать лозунги большевиков заведомо невыполнимыми. Так, американский «советолог» Д. Уолкин считает лозунги, выразившие требования рабочих, «невозможными», «фантастическими»; ту же мерку прикладывает профессор

---

[1] *A. Meyer.* Leninism, p. 49; *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution, p. 161; *C. Black.* — In: «The Transformation of the Russian society», p. 678; *T. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? A reapprisal of the Russian revolution. 1900—1930, p. 127; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 470.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 69.

О. Рэдки (США) к большевистской аграрной программе и т. д.[1] Аналогичные утверждения меньшевиков, эсеров и прочих были в свое время разоблачены В. И. Лениным[2]. Это обстоятельство еще раз показывает «родство душ» контрреволюционеров и соглашателей с современными идеологами буржуазии. «Советологи» считают невыполнимым, например, лозунг рабочего контроля. Но лозунг большевиков лишь отразил практические действия рабочего класса России, начавшиеся раньше, чем его выдвинули какие-либо партии[3]. Пролетариат России доказал возможность осуществления контроля за производством и распределением продуктов. Этот лозунг был полностью осуществлен. «Фантастическим» он кажется деятелям, подобным Д. Уолкину, которые считают рабочий класс неспособным подняться до положения хозяина страны.

Не давали никаких невыполнимых обещаний большевики и крестьянам. Передача земли тем, кто ее обрабатывает, была осуществлена после Октябрьской революции. Более 150 млн. га пахотной земли, помещичий инвентарь перешли в руки крестьян. Тезис буржуазной историографии, будто крестьянство ничего не получило от Советской власти, несостоятелен[4]. Столь же осуществимыми были и другие лозунги большевиков: власть была передана Советам, был положен конец войне.

У буржуазных авторов неизменно соседствуют обвинения большевиков в демагогическом характере их агитации с отрицанием марксистской, научной основы идейно-массовой работы партии. Истоки этого подхода в измышлениях оппортунистов. Например, американский историк Р. Макнил берет в свидетели Н. Суханова для «подтверждения» того, будто в Апрельских тезисах В. И. Ленина отсутствовала «связь с марксистской фи-

---

[1] *J. Walkin.* The rise of democracy in pre-revolutionary Russia, p. 241; *O. H. Radkey.* The election to the Russian Constituent Assembly. Cambridge (Mass.), 1950, p. 72.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 334.

[3] Подробнее см.: *В. И. Селицкий.* Массы в борьбе за рабочий контроль, с. 56—57; *И. В. Михайлов.* Англо-американская буржуазная историография о рабочем контроле в период Великого Октября. — «История СССР», 1976, № 5; *Г. А. Ясковец.* Правда и ложь о рабочем классе. М., 1977, и др.

[4] См. *В. А. Порицкий.* Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики. М., 1975.

лософией истории»[1]. Конечно, не удивительно, что такие «марксисты», как Н. Суханов, выступают в роли первоисточника. Всегда большевиков от марксизма «отлучают» именно те, кто рядится в марксистские одежды для борьбы против пролетарской революции. Всегда ревизионисты выступают в роли поставщиков идей для буржуазии, демонстрируют внутреннее родство оппортунизма и буржуазной идеологии.

Буржуазные идеологи твердят, будто агитация большевиков в 1917 г. не была марксистской. Американский биограф Г. В. Плеханова С. Бэрон пишет, что «большевистские лозунги «Мир, земля, хлеб», нашедшие широкие симпатии, явно не связаны с социализмом»[2]. Но это формальный, софистический довод. Лозунги эти, если их брать вне связи с периодом марта — октября 1917 г., действительно не связаны с социализмом. Но дело в том, что с социалистической революцией их связала история. Ни одна партия не намеревалась выполнять требования масс столь решительно, незамедлительно и последовательно, как это сделала партия большевиков — партия социалистической революции. Конечно, для идеологов буржуазии важно не «отстаивание» марксизма, а очернение существа работы большевиков в массах, научных, марксистско-ленинских основ их агитации и пропаганды. Видный «советолог» белоэмигрант М. Карпович (США) утверждает, что «во всей большевистской пропаганде от февраля до октября 1917 года марксизм, социализм, коммунизм, в сущности, отсутствовали...»[3]. Р. Петибридж более осторожен, он ведет речь не об отсутствии марксизма вообще в агитации большевиков, а о марксизме, «разбавленном водой»[4]. А. Улам считает лозунги большевиков «демократически-анархистскими»[5]. Это, конечно, домыслы. Однако обращает на себя внимание стремление буржуазии исказить такой принцип большевистской пропаганды и агитации, как доходчивость, популярность, простота.

---

[1] *R. McNeal.* The bolshevik tradition. Lenin. Stalin. Khrushchev. Englewood Cliffs. New York, 1963, p. 33.

[2] *S. Baron.* Plekhanov. The father of Russian marxism. Stanford, 1963, p. 339.

[3] *М. Карпович.* Спор о народничестве и марксизме. — «Новый журнал», 1951, т. 27, с. 311.

[4] *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution, p. 143.

[5] «Soviet Studies», 1978, vol. 30, N 1, p. 118.

Агитационная, идейно-воспитательная работа большевиков в массах всегда строилась на основе тесной связи с жизнью, с практикой революционных преобразований. Этот принцип работы в массах, сохраняющий значимость до настоящего времени, сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они указывали, что для изменения общественного сознания «необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*...»[1]. Такой же подход к идейно-массовой работе отстаивал В. И. Ленин. «...Классовая борьба, — писал он, — должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы, и политические задачи, и приемы пропаганды, агитации и организации»[2]. На II съезде РСДРП, отвечая Егорову (Е. Левину), который по-оппортунистически противопоставил научность Программы партии ее агитационно-лозунговому звучанию, В. И. Ленин говорил: «Противоречие между двумя дилеммами тов. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации»[3].

Сочетание научности и агитационной доходчивости, о которой говорил В. И. Ленин в период создания партии, стало правилом для большевиков уже в годы первой русской революции. В. И. Ленин учил тогда большевиков подчинять пропаганду революционной теории задачам классовой борьбы, революции, в первую очередь задаче вооруженного восстания. Партия успешно осваивала навыки работы в широких массах трудящихся. «...Теперь... мы будем иметь дело с типичными представителями массы, — отмечал В. И. Ленин, — эта перемена требует перемены приемов не только пропаганды и агитации (необходимость большей популярности, уменье подойти к вопросу, уменье разъяснить самым простым, наглядным и действительно убедительным образом основные истины социализма), но и организа-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, с. 70.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, с. 321; см. также: *В. Я. Доброхотов*. Слово ленинской правды. Партийная пропаганда: наука и искусство. Горький, 1972; *Ф. Г. Кротов*. Ленинская теория пропаганды и современность. М., 1972, и др.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 7, с. 281.

ции»[1]. Принципы пропаганды и агитации большевики продолжали развивать в годы реакции[2] и нового революционного подъема.

Марксистско-ленинские принципы идейно-массовой работы большевистской партии со всей очевидностью блестяще оправдали себя после Февральской революции. В условиях России 1917 г. подмена агитации за конкретные шаги к социализму книжной теорией социализма, к тому же по-оппортунистически понимаемого, была бы вредна для дела революции. Еще в преддверии Февральской революции В. И. Ленин указывал: «Вся агитация за социализм должна быть из абстрактной и общей переделана в конкретную и непосредственно практичную...»[3] Эта же мысль выражена в речи В. И. Ленина на VII (Апрельской) партийной конференции: «Главный недостаток и главная ошибка всех рассуждений социалистов в том, что вопрос ставится слишком обще — переход к социализму. Между тем надо говорить о конкретных шагах и мерах»[4]. Таким образом, В. И. Ленин и большевистская партия последовательно-революционно подходили к агитации и пропаганде, к доходчивости партийного слова, обращенного к народным массам. «Последовательны» и идеологи буржуазии, цепляющиеся за оппортунистическое опошление революционного марксизма теми, кто много болтал о социализме и испугался практических шагов к нему.

История подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции прочно связала простые и ясные лозунги большевиков «Вся власть Советам!», мира, хлеба, земли, положения ленинских Декрета о мире, Декрета о земле и т. д. с социалистическими преобразованиями, с социализмом. В России только социалистическая революция и диктатура пролетариата могли осуществить требования народа. Лозунги мира, хлеба, земли и т. д. стали лозунгами наиболее понятного массам подхода к последующим задачам социалистического строительства. Политика, отраженная в большевист-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 88.

[2] См., например, *И. А. Пономарева.* Пропаганда и агитация большевиков в годы реакции (1907—1910 гг.). М., 1978.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 279; см. там же, с. 214.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 356; см. также: т. 49, с. 347.

ских лозунгах, оказалась эффективной и действенной. Великий Октябрь стал яркой демонстрацией неразрывности борьбы за подлинную демократию с борьбой за социализм, демонстрацией глубоко гуманной сущности социалистического общественного строя. Победа революции превращала ранее угнетенные массы в творчески сознательных участников строительства нового общества. В этом факте и заключена причина того, что все идеологи буржуазии после 1917 г. пытаются выдать белое за черное — революционную инициативу масс, возглавленных коммунистами, за «анархию», большевистские лозунги за отказ от марксизма, за «демагогию» и т. п.

Вместе с тем, говоря о «немарксистской» агитации большевиков, буржуазные авторы не ограничиваются общими соображениями, а открыто или исподволь проводят мысль, будто большевики предáли забвению пропаганду марксизма, не заботились о марксистском теоретическом образовании членов партии и ее сторонников. Так, Д. Кармайкл (Англия) приписывает большевикам убеждение в «ненужности просвещения масс в вопросах общей теории», в бессмысленности пропаганды марксизма в массах[1]. Об этом пишут также американский профессор С. Харкейв и др.[2] В подобных оценках сочетаются предвзятое отношение к большевикам и искажение методов работы партии в народных массах. Глубокое изучение коммунистами теории научного социализма — такой же принцип идеологической работы партии, как и популярность, доступность лозунгов, агитации. В. И. Ленин подчеркивал необходимость поднимать «до уровня сознательной социал-демократичности по возможности весь рабочий класс» и обращал внимание на опасность, что «игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей»[3].

Пропаганда «высшего знания», марксистско-ленин-

---

[1] *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution, p. 91.

[2] *S. Harcave.* Russia. A history. Chicago, 1956, p. 457; *T. Uldricks.* The «crowd» in the Russian revolution. — «Politics and society», 1974, N 3, vol. 4, p. 407; *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland, S. 71.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 356, 358.

ской теории занимала видное место в идеологической работе партии[1]. Но в силу нехватки теоретически подготовленных кадров, ограниченности полиграфических возможностей работа большевиков в массах в 1917 г., как, например, отмечалось на VI съезде партии, не могла получить размаха, соответствовавшего запросам трудящихся[2]. Однако и в тех сложных условиях партия делала максимум возможного для пропаганды идей марксизма-ленинизма. Издавались массовыми тиражами такие важнейшие документы, как «Программа РСДРП», а также «Манифест Коммунистической партии» и другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса, труды В. И. Ленина, материалы VII (Апрельской) конференции, VI съезда РСДРП(б) и т. д. В Петрограде и других городах, где имелись большевистские издательства, были опубликованы Апрельские тезисы В. И. Ленина, написанные им резолюции Апрельской конференции, выступления В. И. Ленина на ней, речь В. И. Ленина на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, «Материалы к пересмотру партийной программы» и многие другие теоретические труды, назвать положения которых «разбавленным водой марксизмом» хватит смелости лишь у самых оголтелых фальсификаторов.

Большевистская партия всегда придавала большое значение теоретической подготовке своих членов. Эта работа велась и в годы первой русской революции, и в периоды реакции и нового революционного подъема. Свержение самодержавия позволило значительно расширить масштабы этой работы, вызвало громадный интерес к изучению марксистско-ленинской теории. Ушли в прошлое «тюремные университеты».

Важной формой обогащения теоретических знаний членов партии стали партийные школы, курсы агитаторов, созданные в 1917 г. в Петрограде, Москве, Кронштадте, Харькове, Баку и других городах. В районных партийных школах Петрограда и Москвы изучались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, основы теории научного социализма. Важной составной

---

[1] См., например, «Марксизм-ленинизм и питерские рабочие. Из опыта идеологической работы марксистов-ленинцев Петербурга — Петрограда в 1883—1917 гг.». Л., 1977.

[2] См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Протоколы, с. 39—40.

частью программ этих школ было теоретическое освещение насущных вопросов текущего момента[1].

Против тезиса о «немарксизме» большевистской пропаганды и агитации свидетельствует содержание партийной периодической печати[2]. То, что печать большевиков несла в массы идеи научного социализма, можно показать на примерах распространения работ В. И. Ленина. Только в «Правде» (и ЦО, выходившем под другими названиями после июльских событий) было опубликовано около 180 статей, политических фельетонов, заметок и других материалов, написанных В. И. Лениным[3]. Всего в стране в марте — октябре 1917 г. выходило 135 большевистских газет и журналов[4], в которых ленинские работы широко перепечатывались. В газетах и журналах партии печатались и другие видные публицисты-большевики. Помимо печатного слова марксистско-ленинское учение шло в массы и по другим каналам. Университетами марксизма-ленинизма были для членов партии VII (Апрельская) конференция и VI съезд РСДРП(б). Идеи партии доходили до масс через митинги, собрания, лекции и другие формы массовой пропаганды. Все эти формы и методы идеологической работы строились на ленинских основах сочетания марксистского знания с практическими задачами партии в революции.

В западной историографии рассматриваемой проблемы есть отдельные случаи, когда буржуазному автору бывает трудно понять и выразить диалектику формирования политической ориентации масс. Например, английский историк М. Морган, отметив усиление влияния в массах лозунгов большевиков, пишет: «...насколько это было стихийным процессом и насколько результатом влияния настойчивой пропаганды большевиков, остается неясным»[5]. Признает правдивость большевистской агитации Э. Эзергалис: «Может быть, есть много

---

[1] См. *И. С. Сазонов.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков Петрограда в период подготовки Октябрьской революции. — «Великая Октябрьская социалистическая революция — коренной перелом в истории человечества». Л., 1969, с. 37, и др.

[2] См., например, *С. А. Андронов.* Большевистская печать в трех революциях. М., 1978.

[3] См. *В. П. Будников.* Большевистская партийная печать в 1917 г. Харьков, 1959, с. 53.

[4] См. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, с. 127.

[5] *M. C. Morgan.* Lenin. London, 1971, p. 118.

моментов, за которые можно критиковать большевиков, их идеологию и их концепцию свободы, но, наверное, неискренность не была грехом большевиков»[1], — пишет он. Но в целом работы буржуазных историков отличает заведомая неспособность признать тот факт, что большевистская агитация и пропаганда основывались на научном, марксистско-ленинском анализе общественно-политической действительности России, что большевики правильно отражали эту действительность и, следовательно, коренные интересы народа. Трудящиеся массы на собственном опыте убеждались в правильности большевистских лозунгов. Процесс формирования политического сознания масс при всей сложности образующих его факторов был диалектическим соединением собственного опыта масс и идеологической работы большевиков. Ни отрывать одну из сторон этого процесса от другой, ни тем более игнорировать какую-либо из них неправомерно.

Освещение идейно-массовой работы большевистской партии буржуазными авторами даже тогда, когда они вынужденно признают сильные стороны этой работы, представляет собой отражение классовой позиции идеологов, выполняющих социальный заказ буржуазии, что и ведет к фальсификации принципов большевистской агитации и пропаганды, работы в массах.

* * *

Завершая критический анализ буржуазной историографии основ организации и методов работы большевистской партии в трех революциях, подчеркнем взаимосвязь этих аспектов с рассматриваемыми ниже фальсификаторскими трактовками проблем большевистской стратегии и тактики, борьбы партии за трудящиеся массы. Попытка оторвать партию большевиков от революционного движения рабочих и крестьян России, от хода истории страны тесно связана с извращением классового характера большевистской партии, принципов ее построения, ее работы в массах и т. д. Ложные концепции этих проблем призваны сделать более убедительными тезисы о мнимой противоположности большевиков и трудящихся России. «Отказав» политике больше-

[1] *A. Ezergalis.* The 1917 revolution in Latvia. New York, 1974, p. 89.

виков в истинности, научности, буржуазные историки так же подходят и к организационным основам пролетарской партии, к ее политической работе среди трудящихся. Такая взаимосвязь основных направлений фальсификации истории борьбы большевиков за победу демократической и социалистической революций отражает классовость установок буржуазной историографии, ее роли в капиталистическом обществе.

Отличительной чертой освещения буржуазными фальсификаторами вопросов строительства большевистской партии является глубокое родство как выдвигавшихся ими в прошлом, так и выдвигаемых в настоящем положений с отступническими концепциями ревизионистов и ренегатов рабочего движения. Приводимые буржуазной литературой «факты», значительная доля «теоретических» посылок так или иначе связаны с антиленинскими измышлениями врагов большевизма в революционном рабочем движении. Особенно в последние десятилетия «советологические» схемы организации и деятельности большевистской партии во всевозрастающей степени обнаруживают оппортунистические, ревизионистские истоки и основные черты. В частности, троцкизм настолько пронизывает рассмотренные выше положения, что без него вообще невозможно представить нынешнюю буржуазную историографию.

Концепции форм организации большевистской партии, распространяемые буржуазными идеологами, тесно связаны с методами борьбы империализма против реального социализма, против мирового коммунистического движения. Так, попытки фронтального насильственного подавления революционно-освободительного движения сопровождались и сопровождаются изображением большевистской партии в трех революциях как небольшой милитаризованной заговорщической организации.

Стратегия разложения мирового социализма изнутри, стимулирование элементов ревизионизма, национализма и т. п. породила внешне противоположные концепции. Эти измышления повторяют разного рода платформы прошлого, требовавшие свободы фракционности, группировок — всего, что сейчас идеологи буржуазии называют «плюрализмом». Проповедь сожительства в партии марксистов-ленинцев с оппортунистами, свободы фракций и группировок, отрицание партийной дисциплины, демократического централизма — вот главные

пункты буржуазных концепций по рассматриваемым вопросам. Они полностью согласуются с целями, которые преследуют антикоммунизм и современный ревизионизм. В таком подходе буржуазной историографии к исследуемым ею проблемам ярко проявляется служебная, вспомогательная функция этой буржуазной дисциплины. Буржуазная историография, как свидетельствует, в частности, материал данной главы, порвала с главным в исторической науке. Она идет не от исторической реальности, не от фактов истории к обобщающим оценкам, а от предвзятых идеологических установок к соответствующим концепциям и затем к соответствующему подбору разрозненных фактиков, черпаемых в антипартийных ревизионистских источниках. Тем самым обнажаются свойственные буржуазной историографии и всей буржуазной идеологии и пропаганде антинаучные, фальсификаторские черты. «Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход»[1], всем этим не гнушаются идеологи империализма.

Если еще раз обратиться к главному в рассмотренных концепциях, то наглядно убеждаешься в том, что, атакуя строго определенные стороны опыта большевиков, буржуазная историография своеобразно, как это ни парадоксально, подчеркивает их непреходящее значение. Действительно, пролетарский характер партии, ее единство и сплоченность, демократический централизм, борьба против попыток растворить пролетарский авангард в оппортунистической «революционной демократии», большевистское слово правды, обращенное к массам, — это не просто сумма абстрактных теоретических положений. Это сердцевина большевистской партийности. Это решающие факторы обеспечения победы социалистической революции, сохраняющие свое значение и в настоящее время. «Огромный опыт КПСС по претворению в жизнь принципов ленинизма, по руководству революционной борьбой, строительством социализма и коммунизма, большой опыт развития самой партии в соответствии с требованиями каждого нового исторического этапа стал достоянием всего мирового револю-

---

[1] «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979, с. 6.

ционного движения»[1],— подчеркивалось в постановлении ЦК КПСС о 70-летии II съезда РСДРП. Именно поэтому опыт КПСС так яростно фальсифицируют враги коммунизма.

В новых исторических условиях КПСС продолжает дело ленинской гвардии, дело Великого Октября. Как и в годы российских революций, преданность делу рабочего класса, делу народа, идейное и организационное единство, монолитность рядов и безграничный авторитет и влияние в массах являются источником силы ленинской партии.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 11. М., 1978, с. 264—265.

Глава II

Критика фальсификации марксистско-ленинской стратегии и тактики большевистской партии в трех российских революциях

В революции 1905—1907 гг., Февральской и Октябрьской революциях партия большевиков накопила богатейший опыт выработки стратегии и тактики, к которому, несмотря на прошедшие десятилетия, революционные силы современности обращаются как к образцу. Особое значение этому опыту придает то обстоятельство, что в основе коллективных решений большевистской партии по вопросам стратегии и тактики лежала огромная теоретическая работа В. И. Ленина. По-своему реагирует на это буржуазная историография. Ее представители не прекращают попыток опровергнуть общезначимость научной стратегии и тактики большевиков.

Идеологи буржуазии в пору становления «советологии» крайне примитивно оценивали стратегию и тактику ленинской партии, фактически отвергали мысль о необходимости учета этого фактора революций в России. Современные антикоммунисты отрицают научный характер, т. е. объективную истинность и, следовательно, общезначимость, опыта стратегии и тактики большевиков. Такая преемственность отражает классовую позицию: признать истинность марксистско-ленинской стратегии и тактики большевиков для антикоммунистов равнозначно признанию закономерности краха буржуазно-помещичьего строя в России, закономерности социалистической революции в других странах.

Весьма «компетентно» фальсифицируют основы большевистской тактики ренегаты рабочего движения, ревизионисты и реформисты. Они всегда выступали и выступают единым фронтом с идеологами буржуазии, стремясь отлучить большевизм от марксизма. К. Каутский, Э. Бернштейн, Т. Масарик, Э. Вандервельде и

другие социал-реформисты, Ф. Дан, Н. Суханов, П. Аксельрод и им подобные из числа российских соглашателей — достаточно известные образчики подобного рода критиков ленинизма. В. И. Ленин в свое время раскрыл оппортунистическую сущность понимаемого таким образом марксизма. «Бросается особенно в глаза педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала. Уже не говоря о том, что они необыкновенно трусливы, что даже лучшие из них кормят себя оговорочками, когда речь идет о мельчайшем отступлении от немецкого образца, уже не говоря об этом свойстве всех мелкобуржуазных демократов, достаточно проявленном ими во всю революцию, бросается в глаза их рабская подражательность прошлому. Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»[1].

Современные буржуазные критики большевизма недалеко ушли от Каутского, Суханова и им подобных разоблаченных В. И. Лениным псевдомарксистов. Западные социологи и реформисты слово в слово повторяют «аргументы» Каутского о том, что социалистическая революция должна была «случиться» только в высокоразвитой капиталистической стране, ссылаясь на его печально знаменитую брошюру «Диктатура пролетариата», подвергнутую уничтожающей критике В. И. Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»[2].

Не изменился и ревизионизм. Он по-прежнему выступает в роли «поставщика идей» для антикоммунистов. Образчиком подобных выступлений является, например, публикация М. Реймана, пытающегося усовершенствовать приемы буржуазной фальсификации политики большевистской партии в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания[3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 378.

[2] *R. N. Carew Hunt.* The theory and practice of communism. An introduction. New York, 1957, p. 142; *N. Leser.* Die Odyssee des Marxismus auf dem Wege zum Sozialismus. Wien, 1971, S. 76; *R. Kilroy-Silk.* Socialism since Marx. London, 1972, p. 113.

[3] *M. Reiman.* Les bolcheviques et la revolution d'Octobre. Contribution à l'histoire de la politique bolchevique à l'automne 1917.— «Cahiers du monde russe et soviétique», 1977, vol. 18, N 4.

Приемы фальсификации революционного марксизма — основы политики большевистской партии — подвергнуты критике в ряде работ советских историков[1]. В частности, разоблачены противопоставления марксизма ленинизму. Фальшивый тезис «ленинизм против марксизма» извращает и существо революционного марксизма, и существо революционной теории и политики большевистской партии. Отношение большевиков, В. И. Ленина к роли революционной теории выражено в известной формуле: «Без революционной теории не может быть революционного движения». С самого начала своей деятельности революционная партия российского пролетариата не мыслила себя без марксизма, без революционной теории. Опыт международного рабочего движения показал: революционное преобразование мира путем пролетарской революции — главное в марксизме, сердцевина философии, социологии и экономического учения марксизма, принципов стратегии и тактики коммунистической партии.

Российскому пролетариату, его большевистскому авангарду выпала историческая задача практического применения учения К. Маркса и Ф. Энгельса о пролетарской революции. Большевики во главе с В. И. Лениным в трех революциях неизмеримо обогатили теоретические представления революционного пролетариата о формах классовой борьбы, о ее закономерностях, о тактике партии в революции. Борьба российского рабочего класса и его партии продемонстрировала и подтвердила диалектическую связь революционной теории с революционной практикой. Марксизм-ленинизм в процессе взаимодействия с практикой становился руководством к действию на новом, более высоком уровне классовой борьбы. Иным и не мог быть подход российских пролетарских революционеров к теории.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции враги большевизма объявили его разновидностью мелкобуржуазного революционаризма, бланкизма, бакунизма, анархизма и т. п.[2], приписывали большеви-

---

[1] См., например, *Л. В. Ромашов.* Ленинское учение о партии и его фальсификация антикоммунистами и ревизионистами; *С. Л. Титаренко.* Критика буржуазной фальсификации истории возникновения большевизма. М., 1973, и др.

[2] См. *Ю. Карякин, Е. Плимак.* Мистер Кон исследует «русский дух». М., 1961; *С. Л. Титаренко.* Против буржуазной фальсифика-

кам тактику заговора. Начиная с 50-х годов популярность тезисов о «ткачевской», «бакунистской» тактике большевиков идет на убыль. Так, в конце 50-х годов часть «советологов» их отвергла, выдвинув на первый план иные объяснения успеха Октябрьской революции. «Советологи», отрицающие народнические истоки большевизма, указывают, например, на то, что В. И. Ленин был учеником «только Маркса и Энгельса»[1], что он считал себя прежде всего «участником интернационального марксистского движения»[2]. Однако прежние оценки вновь и вновь всплывают на поверхность[3].

Буржуазная историография подчас голословно или путем тезисов о «специфическом», «русском» подходе большевиков к политике пытается подвергать сомнению ее научный характер. Однако только такой негативной критикой большевизма «советология» ограничиться не может.

Опыт большевиков в условиях других стран в основных чертах повторен многими братскими партиями. В буржуазной историографии поэтому наряду с данными концепциями начали получать все большее признание, особенно после второй мировой войны, «прагматическая» эффективность большевистской тактики, ее гибкость, но не более. Так, М. Фэнсод успех большевистской партии относил в значительной мере на счет гибкости тактики, отвергая, естественно, ее научную обоснованность[4]. Но и эти признания сопровождались массой оговорок, уводящих от возможности анализа существенных, общезначимых черт политики большевиков в русских революциях. Обычно доминирующая роль отводилась «ошибкам» противников большевистской пар-

---

ции генезиса большевизма. — «Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России». Пермь, 1973; *Ф. М. Суслова.* Маркс, Энгельс, Ленин о народничестве и интерпретация преемственности ленинизма в буржуазной историографии. — «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974; *А. Ф. Костин.* Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. М., 1973, и др.

[1] *W. H. Chamberlin.* The Russian revolution 1917—1921, vol. I, p. 136.

[2] *A. Meyer.* Leninism, p. 6 note.

[3] *R. Tucker.* The Lenin anthology. New York, 1975, p. XLI—XLII; «Russian review», 1976, vol. 35, N 3, p. 337; *A. Ulam.* Ideologies and illusions. Cambridge (Mass.), 1976, p. 28.

[4] *M. Fainsod.* How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), 1953, p. 31, 48.

тии, «ошибкам», которые — и этот факт увлеченные поиском альтернативы победе большевиков не замечают буржуазные исследователи — были глубоко обусловлены всем ходом классовой борьбы в России. «Его политические противники, — пишет о В. И. Ленине М. Маккола,— делали максимум ошибок, как бы по желанию Ленина. Он сумел использовать их ошибки»[1].

Определяющим фактором буржуазной историографии 40—50-х годов стало преобладание грубо антикоммунистической доктрины «тоталитаризма», давшей толчок формированию новых абсурдных версий о стратегии и тактике большевистской партии в русских революциях. Тоталитарные концепции истории большевизма включали в себя также аналогии между большевистской партией и армией. «Применение военных понятий к революционному движению» — вот что выделяет в тактике большевиков В. Гурьян, создавший в одном из университетов США (Нотр-Дэйм) школу «советологов» и являвшийся одним из глашатаев антикоммунизма и доктрины «тоталитаризма»[2]. Под влиянием американской историографии в западной литературе одновременно распространились разного рода психоаналитические концепции, усматривавшие истоки силы большевиков в «волюнтаризме» вождя большевистской партии В. И. Ленина. Подобные интерпретации в работах американских антикоммунистов С. Пэйджа, С. Поссони и других подвергались критике теми из «советологов», которые выступали против примитивизма распространявшихся построений[3].

Модернизируясь, буржуазная историография марксистско-ленинской стратегии и тактики в революционном движении все чаще применяет в фальсификации роли большевистской партии в русских революциях положения идеологов мелкой буржуазии, особенно троцкизм, а также анархизм и буржуазный национализм. С 50-х годов усилиями небезызвестного троцкиста И. Дойчера, а также других «советологов» начинается

---

[1] «The Russian revolution and the Soviet state, 1917—1921». Documents. London—Basingstoke, 1975, p. 23.

[2] *W. Gurian.* Der Bolschewismus. Eine Einführung in Geschichte und Lehre. Freiburg in Breisgau, 1931, S. 53.

[3] «Slavic review», 1962, vol. 21, N 3, p. 555; «Russian review», 1963, vol. 22, N 2, p. 210—211; «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1966, N 4, S. 609.

внедрение в буржуазную литературу аналогий между ленинизмом и троцкизмом, их идентификация, т. е. то, что КПСС и международное коммунистическое движение заклеймили как попытку «*подменить ленинизм троцкизмом*»[1]. В процессе освоения «советологами» доктрины «индустриального общества» («модернизации») приравнивание большевизма к анархизму, модное в буржуазной литературе 20-х годов, как бы получило вторую жизнь. Особенно усердствовал на этом поприще А. Улам[2]. Этот прием фальсификации стратегии и тактики большевистской партии уводит от анализа теоретических, стратегических, тактических позиций ленинской партии, якобы несущественных для успеха большевиков, довольствуясь ярлыком «анархизм».

Националистические версии, продолжая концепцию якобы специфически русского характера большевизма, фальсифицируют марксистско-ленинскую политику партии, изображают ее как идеологию и политику националистических движений, распространенных в слаборазвитых странах[3]. Таким образом делается попытка зачеркнуть общезначимую сущность курса большевистской партии в трех революциях, борьбы за демократию и социализм.

Теория «индустриального общества» и ее производные цементируют современные взгляды «советологов» на политику, стратегию и тактику большевистской партии, как и всю буржуазную историографию истории СССР и КПСС. Теория «модернизации» фактически вобрала в себя все наиболее эффективные, с точки зрения идеологов империализма, «достижения» буржуазной исторической мысли. Устраняя из истории человечества объективную необходимость социалистической революции, эта «теория» позволяет ее адептам игнорировать в истории России начала XX в. борьбу большевиков за победу демократической и социалистической революций,

---

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 3. М., 1970. с. 143.

[2] *A. Ulam.* The historical role of marxism and the soviet system.— «World politics», 1955, October.

[3] *H. Kohn.* Political ideologies of the twentieth century. New York, 1949, p. 115; *R. Pipes.* Formation of the Soviet Union. Communism and nationalism 1917—1923. Cambridge (Mass.), 1953; *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland. Wiesbaden, 1956, S. 10; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia. Oxford, 1963.

объявлять программные установки партии пролетарских революционеров результатом специфического развития России, ее общественной мысли или следствием «волюнтаризма» большевиков и т. д. Истолковывая марксизм-ленинизм как побочный продукт перехода человечества к «индустриальному обществу», буржуазная историография по-прежнему отрицает его научность, конструирует мнимый разрыв между марксизмом и ленинизмом. Из «плюрализма» идей, якобы присущего «индустриальному обществу», «советологами» выводится идея «равноценности» ленинизма и разного рода ревизионистских доктрин, идеек.

Широко распространяя версии об «анархистском» характере первой победоносной социалистической революции, идеологи буржуазии пытаются вызвать страх обывателей перед революционной инициативой, самодеятельностью, революционным творчеством трудящихся. При этом Октябрьскую революцию представляют крайне нежелательным вариантом перехода к «индустриальному обществу». Идеологи «индустриализма» дают определения марксизма-ленинизма, вобравшие в себя основные положения прежних антикоммунистических доктрин: «Ленинизм можно описать как марксизм, примененный к политической и экономической ситуации относительно отсталой страны, с акцентом на «волюнтаристском» аспекте доктрины Маркса»[1].

Таким образом, все версии о политике большевиков направлены к одной цели. Теория «большевистского заговора», сводившая стратегию и тактику большевиков к бланкизму или бакунизму, конструкции, выводившие большевизм из особенностей русского национального характера, объяснение побед большевиков «ошибками» их противников — все эти доктрины априорно исключают необходимость сколько-нибудь объективного анализа теоретических и программно-тактических установок большевизма. Доктрины «тоталитаризма», «индустриального общества» («модернизации») также фальсифицируют исторический опыт КПСС по осуществлению на практике принципов марксистско-ленинской теории, стратегии и тактики в борьбе за диктатуру пролетариата.

---

[1] *A. Nove.* An economic history of the USSR. London, 1968, p. 33.

В современных условиях буржуазные авторы, значительно интенсифицировав внимание к стратегии и тактике большевистской партии, к превращению идей большевизма в материальную силу, не меняют исходных принципов. По-прежнему речь идет об отрицании научного характера теоретических основ большевизма, о мнимом отходе большевиков от марксизма. По-прежнему существо оценок политики большевиков — фальсификация. История похоронила немало версий — то же ждет и новейшие разновидности оценок стратегии и тактики большевистской партии. Ибо они противоречат исторической действительности, фактам, которыми оперирует марксистско-ленинская историческая наука и которые игнорируются буржуазными историками. Их опровергает и современность, неизменно подтверждающая всемирно-историческое значение уроков истории большевизма.

Встречаются и оценки политики большевиков, содержащие определенную дозу объективизма. Характер этих оценок, их ограниченность можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Немецкий историк О. Гетч, пытаясь показать источники силы ленинской политики, подчеркивал, что В. И. Ленин, «обладая острейшим диалектическим умом, в теории полностью следовал Марксу. В агитации, практике, тактике он действовал самостоятельно, совершенно оригинально...». По словам О. Гетча, «исторической заслугой Ленина является то, что он как рулевой сумел провести свою страну через эти критические годы с крайне гибкой тактикой благодаря своей ясной воле и железной энергии»[1]. Буржуазный историк под влиянием краха фашизма, при котором он подвергся преследованиям, в конце жизненного пути склонялся к прогрессивным взглядам на новейшую историю. Однако фактически он не раскрывает сущности ленинской стратегии и тактики, выделяя как главное тактическое свойство В. И. Ленина умение «терпеливо выжидать»[2]. Но О. Гетч верно указал на марксистскую, научную, диалектическую основу политики большевиков в рево-

---

[1] *O. Hoetzsch.* Grundzüge der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949, S. 180, 158.
[2] *Ibid.*, S. 178.

люциях, умение применять принципы марксизма на практике.

Ряд объективистских оценок теоретической деятельности В. И. Ленина встречается у английского исследователя Н. Хардинга. Он отвергает традиционный подход к В. И. Ленину как якобы, говоря словами Н. Хардинга, «инстинктивному политику, практику революции, не имеющему себе равных»[1], и пытается показать В. И. Ленина как теоретика революции. Конечно, такое намерение заслуживает внимания, как, например, и его критика буржуазной историографии. Однако с некоторыми позициями этого автора согласиться нельзя. Прежде всего теоретическая работа В. И. Ленина искусственно разделена на два периода, гранью между которыми автор считает начало первой мировой войны[2]. До этого времени В. И. Ленин предстает как теоретик главным образом демократической революции в России, а после — как теоретик международной социалистической революции. В действительности такой четкой грани в теоретическом наследии В. И. Ленина нет. Напротив, даже в первых крупных своих трудах В. И. Ленин выступал как теоретик, во-первых, непрерывной революции, революции демократической, перерастающей в революцию социалистическую; во-вторых, он также с самого начала не отделял российское революционное движение, российскую социал-демократию от международного революционного движения.

В подавляющем большинстве случаев объективизм некоторых буржуазных авторов в частных позитивных оценках большевистской политики, как и объективизм в целом, прикрывает ложные приемы и концепции. Западногерманский «советолог» Д. Гейер не скупится на комплименты политике большевиков, В. И. Ленина, пространно рассуждает о ее сильных сторонах. Однако на поверку нетрудно обнаружить, что, например, «удивительную уверенность» большевиков в правильности своей политической линии он объясняет «психологической структурой» их вождя, а линию партии, оторвав от марксистско-ленинской теории, сводит к ряду тактиче-

---

[1] *N. Harding.* Lenin's political thought, vol. 1. London — Basingstoke, 1977, p. 1.

[2] Ibid., p. 5.

ски умелых приемов и маневров[1]. Подобный «объективизм» следует разоблачать самым решительным образом, тем более что он истоками нередко связан с троцкистскими версиями, отличающимися псевдомарксизмом, псевдореволюционностью и фарисейскими реверансами в адрес большевистской партии, ее стратегии и тактики.

Сказанное позволяет наметить основные элементы структуры освещения буржуазной историографией стратегии и тактики партии большевиков в трех русских революциях и ее критики.

Буржуазная историография не может дать подлинно научного анализа большевистской политики. Для этого у нее нет главного отправного пункта — признания закономерности демократических и социалистической революций, что составляло теоретическую основу стратегии и тактики большевиков. Буржуазная литература подбирает умозрительные утверждения, связанные антинаучной логикой, направленной на опровержение соответствия политики большевиков ходу общественного развития России.

Сущность выработки политики и научности самой политики революционной партии рабочего класса В. И. Ленин сформулировал следующим образом: «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса», «марксист не должен сходить с точной почвы анализа классовых отношений»[2].

Верность революционному марксизму, глубокий классовый анализ действительности, громадная теоретическая работа В. И. Ленина, всей партии дали ей четкую стратегию и тактику в трех революциях. Большевики ясно видели политическое лицо классов и социальных слоев российского общества, основных политических партий. У них была всесторонне разработана стратегия победы демократической революции, ее перераста-

---

[1] *D. Geyer.* Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart, 1968, S. 100, 116.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 77; т. 31, с. 135.

ния в революцию социалистическую, установления диктатуры пролетариата. В. И. Ленин, коллективный ум партии непрерывно по мере накопления опыта классовых боев обогащали марксистско-ленинскую науку о классовой борьбе пролетариата, ее способах, закономерностях. Политическая линия партии, стратегия и тактика разрабатывались коллективно, с участием ее рядовых членов, обсуждались в большевистской печати, доходили до самых широких слоев пролетариата России, овладевали массами. Важнейшее значение в теоретической работе партии имели ее коллективные форумы — съезды, конференции, совещания партийных работников, заседания ЦК. Громадную роль во всей этой работе играли труды В. И. Ленина.

Буржуазная историография стратегии и тактики большевиков в трех русских революциях обнаруживает две тенденции. Одна из них — это акцент на отрицание научности большевистской политики. Эта тенденция дает простор для замалчивания важнейших аспектов политики большевиков, навешивания на нее различных негативных ярлыков. Другая направлена на фальсификацию формирования стратегии и тактики партии, процесса выработки и принятия решений по этим вопросам. В рамках второй тенденции имеют место отдельные признания прагматической — но отнюдь не научной — истинности большевистских решений по политическим вопросам.

Отрицание научного, общезначимого характера большевистской политики неизбежно ведет к искажению исторической действительности в освещении стратегии и тактики большевистской партии. Это предметно демонстрирует критический анализ современной буржуазной историографии стратегии и тактики ленинской партии в трех русских революциях. Оценки буржуазными историками этого круга вопросов анализируются в хронологическом порядке от начала первой русской революции до победы Октябрьского вооруженного восстания. Несостоятельность этих оценок показывается ниже путем раскрытия исторической правды о соответствии политического курса ленинской партии объективному ходу революционного процесса, о принципиальном значении марксизма-ленинизма как основы формирования политического курса партии, о научном подходе большевистской партии к своей стратегии и тактике, о гене-

зисе фальсифицируемых антикоммунистами аспектов стратегии и тактики большевиков, о принятии партией в лице ее руководящих органов решений по кардинальным вопросам стратегии и тактики и т. д.

Так критика фальсификаций истории КПСС дополняет критику советскими учеными-обществоведами буржуазных философов, социологов, «политологов» по более общим вопросам ленинской теории социалистической революции.

Разоблачение домыслов о стратегии и тактике большевистской партии направлено и против фальсификации роли В. И. Ленина в революционном движении российского рабочего класса. Данная глава может послужить в определенной мере решению этой задачи.

В борьбе за победу демократической революции: критика буржуазных фальсификаций политического курса большевиков

Свои рассуждения о политике большевистской партии в первой народной революции эпохи империализма буржуазные исследователи нередко начинают с заявлений, будто большевики не были готовы к этой революции, не ждали ее[1]. Очевидно, что современные антикоммунисты приписывают большевикам реакцию меньшевиков на революцию 1905 г. «Январские дни застигли нас совершенно врасплох»[2], — писал один из видных деятелей меньшевистской группы в Петербурге, С. Сомов. Теоретические выводы, тактика партии были, по утверждениям «советологов», чистой импровизацией. Так подвергаются сомнению правильность определения большевиками основных вопросов надвигавшейся революции, их умение предвидеть развитие событий, наличие у них стратегического плана. В дальнейшем этот прием

---

[1] *B. Wolfe.* Three who made a revolution. New York, 1948, p. 300; *O. Anweiler.* Die russische Revolution von 1905. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, N 2, S. 183; *B. Wielenga.* Lenins Weg zur Revolution. München, 1971, S. 166; *J. N. Westwood.* Endurance and endeavour. Russian history 1812—1971. Oxford, 1973, p. 159; *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground. A study of the RSDRP in the Ukraine 1907—1914. Assen, 1974, p. 17; *H. Pachter.* The fall and rise of Europe. A political, social and cultural history of the twentieth century. New York, 1975.

[2] Цит. по: *Т. П. Бондаревская.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 60.

применяется к ряду других поворотных моментов трех российских революций. Не мудрствуя лукаво, Б. Виленга (ФРГ), например, заявляет, что большевики «не были готовы» к появлению в 1905 г. Советов[1].

Нет никаких оснований говорить о «неожиданности» революции для большевиков, тем более о теоретической «неготовности» к ней. Симптомы приближавшейся революции были налицо. Мировой экономический кризис 1900—1903 гг. особенно тяжело сказывался в России. Летом 1903 г. на Юге прошла всеобщая политическая стачка. С лета 1904 г. поднялась новая волна стачечной борьбы. В декабре 1904 г. развернулась бакинская стачка. В январе 1905 г. началась стачка путиловцев, приведшая к 9 Января. Все более острые формы принимала борьба крестьян за землю: свыше 670 крестьянских выступлений за 1900—1904 гг. — втрое больше, чем в предшествующее десятилетие[2]. Усиливались движение угнетенных национальностей, студенческое движение. Росла оппозиция других слоев общества. Русско-японская война усугубила все противоречия, обострила борьбу против самодержавия. Россия вступила в полосу революционного кризиса. Ясно, что большевистская партия, державшая руку на пульсе революционных процессов российского общества, строила свою политическую линию в уверенности, что революция близка.

В 1903 г. социал-демократы отмечали: «...мы накануне баррикад...»[3] «Позорный конец позорной войны... — писал В. И. Ленин, — неминуемо удесятерит революционное возбуждение, неминуемо столкнет рабочий класс лицом к лицу с его врагами...»[4] Характеризуя канун революции 1905 г., В. И. Ленин отмечал: «Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции»[5]. В свете приведенных данных виден надуманный характер тезиса о неожиданности революции для большевиков. Задачу партии В. И. Ленин видел в том,

---

[1] *B. Wielenga.* Lenins Weg zur Revolution, S. 196.

[2] См. *С. М. Дубровский.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 38.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.

[4] Там же, с. 13.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8—9.

чтобы сделать максимум возможного для приближения революции, чтобы встретить ее во всеоружии.

В области разработки стратегии и тактики большевистская партия в полной мере была готова к революции. Ожесточенная борьба большевиков против программных, тактических взглядов меньшевиков, эсеров, либералов в предреволюционные годы, указывал В. И. Ленин, предвосхищала и подготовляла «грядущую открытую борьбу классов»[1]. Неизбежность буржуазно-демократической революции была за много лет до ее начала теоретически обоснована российскими марксистами, исходившими из анализа социально-экономического строя России. Большевистская партия, и это показывает принятая на II съезде РСДРП Программа, ставила задачи борьбы против самодержавия и капитализма. Была определена расстановка классовых сил: враги, союзники, неустойчивые попутчики. В. И. Ленин вооружил партию ясным сознанием того, что роль передового борца за демократию может выполнить только пролетариат, вооруженный передовой теорией, руководимый партией нового типа. Для революционных социал-демократов России теоретически решенными были вопросы о союзе с крестьянством, интернациональном сплочении трудящихся России, единстве действий с международным пролетариатом. Была теоретически обоснована необходимость вооруженного восстания как средства свержения самодержавия.

Свой тезис о неожиданности для большевиков революции буржуазные авторы подкрепляют ссылками на слабость большевистских организаций в начале 1905 г. в России. Но они неправомерно смешивают два разных вопроса: состояние большевистских организаций в канун 1905 г. и подготовленность большевиков к первой русской революции. Раскольническая, предательская линия меньшевиков привела к серьезному кризису партии, к тому, что она, по словам В. И. Ленина, потеряла добрую половину своего влияния[2]. Однако теоретически, организационно и политически большевистская партия была готова к тому, чтобы возглавить движение пролетарских масс. Революция требовала разработки организационных принципов марксистской партии, ра-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 9.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 146.

зоблачения оппортунизма меньшевиков в организационном вопросе. Эта задача была решена. Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» явилась важным этапом в развитии марксистско-ленинской теории, в частности учения о пролетарской партии, способной «выступить действительной руководительницей революционного рабочего движения...»[1].

Разработка В. И. Лениным принципов партии нового типа оказалась тем более важной, что на их основе большевики развернули борьбу за выход из кризиса. К началу 1905 г. были созданы новые партийные центры: Бюро комитетов большинства, издательство и большевистская газета «Вперед»[2]. Ее первый номер вышел незадолго до событий 9 Января. Преодолевать кризис в партии большевикам пришлось в условиях начавшейся революции.

О том, насколько безосновательны утверждения буржуазных историков о неожиданности для большевиков тех или иных поворотов первой русской революции, говорит следующий факт. С самого начала революции большевики имели четкие ленинские указания о перспективах революционной борьбы пролетариата. Эти указания предвосхищали в основных чертах ход не только революции 1905—1907 гг., но и наступившего затем периода реакции. В. И. Ленин писал: «...если международное положение самодержавия улучшится в случае, напр., удачного сравнительно мира, если предательство буржуазии по отношению к делу свободы реализуется быстро в сделке с власть имущими, если неизбежный революционный взрыв или взрывы окончатся поражением народа, — тогда этот исход наступит (так называемая шиповская конституция. — *Н. Р.*). Нас, социал-демократов, да и весь сознательный пролетариат, ждут тогда долгие серые будни свирепого якобы конституционного господства буржуазии, как класса, всевозможного подавления политической самодеятельности рабочих, медленного экономического прогресса...»[3].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 20.

[2] См. *А. С. Зашкильняк.* Образование Бюро комитетов большинства и его деятельность. Львов, 1958; *А. С. Халипов.* Борьба В. И. Ленина за выход из партийного кризиса после II съезда РСДРП. Минск, 1971; *А. Ф. Костин.* Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». М., 1975, и др.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 217; см. также: т. 11, с. 24—25.

В построениях буржуазных авторов один из главных объектов нападок — ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Не рассматривая разработку В. И. Лениным данной проблемы, они ограничиваются навешиванием на теорию перерастания разного рода ярлыков. Главное, что лежит в основе такого отношения,— это тенденциозное, предвзятое мнение «советологов» о «ненаучности» ленинизма вообще и этой теории в частности. «Советологи» в своих урезанных оценках изображают теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую как некий «поворот» в ленинских представлениях о революционном процессе в России, конструируют расхождения с «ортодоксальным» марксизмом, приписывают В. И. Ленину переход на позиции мелкобуржуазного революционаризма и т. д. Позицию большой группы буржуазных исследователей схематически можно изобразить так: до 1905 г. В. И. Ленин (подобно меньшевикам) якобы вообще не планировал перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но под влиянием событий 1905 г. он на некоторое время поверил в возможность социалистической революции, а затем «забыл» об этом выводе до 1917 г. «К 1905 г. Ленин еще придерживался взгляда, что в России революция может быть только буржуазно-демократической»[1], — утверждает Б. Вольф. Известное положение В. И. Ленина: «Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»[2] — Л. Шапиро объявляет «изолированным, единичным заявлением» и приписывает В. И. Ленину «традиционные марксистские (читай — меньшевистские. — *Н. Р.*) взгляды на революцию»[3]. Х. Ситон-Уотсон, специализирующийся на фальсификации событий 1917 г., уверяет, будто «после 1905 г. Ленин считал, что между буржуазной революцией, которая должна еще была завершиться, и социалистической революцией потребуется длительный интервал. Но в 1917 г. он внезапно при-

---

[1] *B. Wolfe.* Marxism and the Russian revolution. — «Fifty years of communism in Russia». University Park—London, 1968, p. 29.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 222.

[3] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union. London, 1970, p. 78.

шел к выводу, что время для социалистической революции наступило»[1].

Распространение таких представлений о ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую — антинаучный прием. С самого начала разработки проблем революции В. И. Ленин руководствовался положением К. Маркса о непрерывном характере революции[2], преданным забвению лидерами II Интернационала. В. И. Ленин опрокинул оппортунистическую догму о неизбежности длительного господства капитализма после победы буржуазной революции в России. Изображать В. И. Ленина сторонником некой «традиционной марксистской доктрины», как это делает Л. Шапиро, — значит отрицать, что как до революции 1905—1907 гг., так и после нее В. И. Ленин неизменно связывал борьбу против царизма, победу над ним с подготовкой борьбы против капитализма. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» борьба против самодержавия рассматривается как первый этап борьбы за коммунистическую революцию[3]; эта же идея неизменно присутствует при всех дебатах периода «Искры» вокруг Программы партии, вокруг пункта о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин писал: «...рабочие поднимутся еще смелей, еще бо́льшими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать *себе* то, что́, как милостыню, обещают дать гг. либеральным буржуа, — свободу сходок, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную победу социализма»[4]. В 1905 г. и позднее В. И. Ленин неоднократно (далеко не «единичное высказывание») развивал идею непрерывности революции, тесной связи борьбы за демократию с борьбой за социализм[5]. Практика 1905—1907 гг. позволила дальше развить теорию перерастания буржуазно-демократической революции в

---

[1] «The impact of the Russian revolution 1917—1967». New York, 1967, p. 191.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, с. 313; т. 7, с. 251.

[3] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, с. 312.

[4] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, с. 97; см. там же, с. 136.

[5] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 10, с. 231—232; т. 11, с. 44, 74, 90, 222, 283—284; т. 14, с. 52; т. 15, с. 205; т. 27, с. 62, 255 и др.

социалистическую, показать расстановку классовых сил на этапах перерастания, факторы, определяющие темп перехода от одного этапа революции к другому (сознательность и организованность пролетариата), руководящую и направляющую роль партии нового типа, открыть революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства как форму государственной власти, наилучшим образом отвечающую интересам борьбы за демократию для народа, за подготовку социалистической революции. Все это отличает ленинизм от троцкизма и соглашательства. Не надуманный «советологами» «поворот» В. И. Ленина, а настоятельная потребность ставила в повестку дня вопросы перспектив борьбы, цели стратегического курса партии и рабочего класса. Это было обусловлено объективной связью борьбы против самодержавия с борьбой против капитализма.

Как упоминалось выше, выдвигается тезис о мнимом переходе партии на теоретические позиции мелкобуржуазного революционаризма, троцкизма. Без преувеличения можно сказать, что попытки подмены ленинизма троцкизмом в вопросе о перерастании (вымышленный переход В. И. Ленина на позиции троцкистской теории «перманентной революции») — неизменный сюжет в работах буржуазных авторов[1]. Поскольку в советской исторической литературе исчерпывающе раскрыта глубокая несовместимость, принципиальная противоположность ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую и троцкистской псевдо-теории[2], ограничимся приведением основных положений исследований советских уче-

---

[1] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 38; *I. Deutscher.* The prophet armed: Trotsky 1879—1921. Oxford, 1954, p. 292; «A history of civilisation», vol. 2, p. 403; «The Lenin anthology», p. 120; *J. S. Reshetar.* The concise history of the communist party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 57; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 193; *N. Leser.* Die Odyssee des Marxismus, S. 65, 66.

[2] См., например, *С. Л. Титаренко.* Разоблачение Лениным мелкобуржуазной сущности троцкизма в дооктябрьский период. — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 6; *В. М. Иванов, А. Н. Шмелев.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма»; *Н. А. Сламихин.* Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917—1924 гг.). М., 1977, и др.

ных по этому вопросу, а также приведем некоторые саморазоблачительные для буржуазной историографии примеры.

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую противоположна троцкистской теории «перманентной революции» абсолютно во всем. Учение В. И. Ленина целиком и полностью основывается на идее К. Маркса о непрерывности революции. Троцкий же под видом марксизма протаскивал ненаучные, мелкобуржуазные представления о революции. Ленинское учение, связывая перспективу социалистической революции с союзом рабочих и крестьян, целиком отвечало задачам российского пролетариата; игнорирование в троцкистской схеме революционного потенциала самого многочисленного класса России — крестьянства делало ее безжизненной догмой. Ленинское учение мобилизовывало российский рабочий класс, все революционные силы на решительную борьбу за демократию и социализм; троцкистские лозунги, ориентирующиеся на революцию с Запада, парализовывали революционную энергию масс, вели к капитуляции. И. Дойчер утверждает, что В. И. Ленин, подобно Троцкому, ориентировался в 1905 г. на близость европейской революции[1]. Это не так. В. И. Ленин в годы первой русской революции шел к выводу о победе революции в одной стране. «Хотя в работах Ленина в период первой русской революции нередко встречаются положения о возможности одновременной победы социализма в большинстве развитых капиталистических стран, которые потянут за собой более отсталые, в том числе Россию, но по существу он уже не связывает так «жестко», как другие социал-демократы, возможность перехода к социалистической революции в России с победой революции на Западе»[2]. Показательный штрих: бывший меньшевик С. Шварц в книжке о первой русской революции, изданной в США, обронил фразу: «Ленин, как ни странно, не связывал этот переход с социалистической революцией на Западе»[3]. Тем самым подчеркнуто

---

[1] *I. Deutscher.* The prophet armed, p. 292.

[2] *К. И. Зародов.* Три революции в России и наше время. М., 1977, с. 180.

[3] *S. Schwarz.* The Russian revolution of 1905. The workers' movement and the formation of bolshevism and menshevism. Chicago—London, 1967, p. 25.

коренное отличие марксистско-ленинского учения от «перманентной» схемы с ее ставкой на приход социализма из Западной Европы.

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую была всесторонне, научно обоснована, троцкистские положения строились на шатком фундаменте импрессионистских суждений. Ленинское учение вело и привело рабочий класс России, а позднее и ряда других стран к установлению своей диктатуры, троцкистская теория «перманентной революции» полностью обанкротилась. Таким образом, за попытками подсунуть в историю российского революционного движения троцкистскую «теорию» как якобы основу стратегии и тактики большевиков скрыто желание обезоружить рабочий класс теоретически, навязав ему платформу мелкобуржуазного радикализма, прикрытого левой фразой.

Время от времени отдельные буржуазные авторы, к своему удивлению, наталкиваются на свидетельства того, что именно в среде мелкобуржуазных революционеров «теории», сходные с «перманентной революцией», были в ходу задолго до Троцкого. Так, Д. Тредголд привел в своей книге сходные с троцкистскими высказывания деятелей эсеровской партии, относящиеся к 1903 г.[1] Английский историк М. Перри нашла аналогичные высказывания в эсеровской печати за 1905 г.[2] Находка вызвала резкую реакцию в США некоего У. Лимберга из столичного университета имени Дж. Вашингтона. Он не без оснований усмотрел в заметке М. Перри попытку критики избитых штампов буржуазной историографии. Но в полемике У. Лимберг привел фактически саморазоблачительные аргументы. Он признал, что идея непрерывности революции выдвинута К. Марксом, что идеи «перманентной» революции бытовали в среде мелкобуржуазных радикалов на Западе и в России[3]. У. Лимберг, не желая того, содействовал определению грани между марксистскими представлениями и немарксистскими. Советские ученые не раз отмечали, что идея К. Маркса о непрерывной революции—

---

[1] *D. Treadgold.* Lenin and his rivals, p. 74.

[2] *M. Perrie.* The SRs on «permanent revolution». — «Soviet studies», 1973, vol. 24, N 3, p. 411—413.

[3] «Soviet studies», 1973, vol. 24, N 1, p. 153—155.

источник ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, истоки же троцкистской «теории» — в мелкобуржуазных, реакционно-утопических представлениях о революции. И хотя сам У. Лимберг голословно твердил о том, будто большевики взяли свою теорию у Троцкого, факт диаметрально противоположных представлений о динамике революционного процесса в России позволяет непредвзятому читателю увидеть всю несостоятельность утверждений буржуазной историографии о мнимой родственности этих в действительности непримиримых концепций.

Стремясь опровергнуть научный характер стратегии и тактики большевиков в первой русской революции, буржуазные авторы конструируют еще один мнимый «поворот», подразумевая при этом проблему союза рабочего класса с крестьянством. В. И. Ленину приписывается некий «поворот» от «ортодоксального» марксизма с его якобы отрицательным отношением к крестьянству назад к народничеству и соответственно к идее союза с крестьянством[1]. Так, сотрудник Оксфордского университета Д. Хадсон утверждает, будто «стратегия союза рабочих и крестьян, выработанная Лениным, нечто такое, о чем сам Маркс и не думал»[2]. А. Морич (Австрия) считает, что до 1905 г. В. И. Ленин не рассчитывал на революционную силу крестьянства и лишь события 1905—1906 гг. «открыли ему глаза»[3]. Многие буржуазные исследователи утверждают, что до 1905 г. В. И. Ленин негативно оценивал революционные возможности крестьянства.

Нетрудно найти истоки этих утверждений. Так, повторяя меньшевистские нападки на ленинизм, Г. В. Плеханов приписывал В. И. Ленину «поворот» к народничеству, бланкизму[4] на том основании, что он говорил о союзе рабочих и крестьян. В начале 20-х годов также делалась попытка изображать главным в ленинизме

---

[1] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 34; *L. Derfler.* Socialism since Marx. A century of the European Left. London—Basingstoke, 1973, p. 76.

[2] *G. F. Hudson.* Fifty years of communism. Theory and practice. 1917—1967. London, 1968, p. 49.

[3] *A. Moritsch.* Neuere Literatur zur Stolypinschen Agrarreform. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, N 4, S. 231.

[4] См. *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XV. М.—Л., 1926, с. 120.

крестьянский вопрос, противопоставляя таким образом ленинизм марксизму. Эти взгляды разделял, например, Г. Зиновьев[1]. В действительности В. И. Ленин никогда не рассматривал крестьянство как враждебный революции класс — это ему приписывали меньшевики, об этом твердят «советологи». Его учение о союзе рабочего класса с крестьянством имеет прочные корни в наследии К. Маркса и Ф. Энгельса[2]. Положение о союзе рабочего класса с крестьянством В. И. Ленин выдвинул в первых же работах, рассматривая этот союз как решающее средство свержения царизма, помещиков и буржуазии. В фундаментальном труде «Развитие капитализма в России» он глубоко проанализировал российскую действительность и раскрыл роль пролетариата как вождя грядущей революции, указал на место крестьянства как могучего союзника пролетариата. В период «Искры» в работах В. И. Ленина дальнейшее обоснование получила идея прочного союза рабочего класса с крестьянством, а ленинская аграрная программа связывала историческую перспективу борьбы за демократию с борьбой за социализм. На этом фундаменте в годы первой русской революции ленинская аграрная программа, вся теория социалистической революции получили дальнейшее развитие[3].

Откровенной фальсификацией выглядит заявление К.-Х. Руфмана (ФРГ), будто большевистская теория «развития революционного процесса» в годы первой русской революции была ошибочной[4], что и стало причиной неудачи революции. Подлинные причины ее поражения детально проанализированы в советской исторической литературе. Партия сделала все, что было в ее силах, для победы революции. Была продемонстрирована во всей полноте правильность политической линии большевиков в первой русской революции. Революция показала подлинное контрреволюционное лицо либеральной буржуазии, развеяла царистские иллюзии зна-

---

[1] См. *И. В. Сталин.* Собр. соч., т. 8, с. 16.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, с. 85—86; т. 8, с. 211, 607; т. 22, с. 501—525.

[3] См. *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. М., 1974; *А. П. Петров.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977.

[4] *К.-Н. Ruffmann.* Sowjetrussland. Struktur und Entfaltung einer Weltmacht, S. 39.

чительной части крестьянства. Она показала жизненность и силу разработанных ленинской партией методов и форм классовой борьбы. В огне революции родились Советы рабочих депутатов, подтвердив ленинское определение их как органов восстания и зачатков новой власти[1]. С полным правом В. И. Ленин писал: «...революция оправдывала и оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии. И революция оправдала также *нашу*, социал-демократическую работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата»[2].

Фигура умолчания — вот типичная для буржуазных авторов позиция по отношению к реальным историческим фактам, подтверждающим правильность политической линии большевиков в первой русской революции. Это молчание достаточно выразительно и саморазоблачительно. Действенность революционной тактики большевиков в первой русской революции проявилась и в том, что большевики, рабочий класс, защитив от нападок ренегатов и реакционеров в годы реакции опыт первой буржуазно-демократической революции, на этапе нового революционного подъема, в борьбе за свержение самодержавия с успехом использовали этот опыт. Февральская революция, Великая Октябрьская социалистическая революция, демократические и социалистические революции в ряде стран продемонстрировали общезначимость и тем самым истинность ленинского анализа первой русской революции, стратегии и тактики в ней большевистской партии. «Ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, об отношении к другим классам и партиям, о тактике пролетарской партии в периоды подъема и спада революции — все это и сейчас составляет большевистский «образец тактики для всех», кому еще предстоит свергать эксплуататорский строй»[3].

Стремление доказать мнимую непричастность большевистской партии к свержению самодержавия — одно

---

[1] См. подробнее: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, с. 228—235.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 86—87.

[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1973, с. 555.

из важных направлений буржуазной историографии Февральской революции[1]. В этих целях идеологи буржуазии пытаются фальсифицировать и некоторые аспекты большевистских теоретических разработок, тактические и стратегические установки ленинской партии.

Как и в отношении революции 1905—1907 гг., они утверждают, будто первая мировая война, а затем и Февральская революция оказались для большевиков неожиданными. Велик список буржуазных авторов, уверяющих, например, будто В. И. Ленин не считал возможной мировую войну. Эту мысль проводят Б. Локкарт, Г. Шукман, А. Рабинович и многие другие[2]. При этом ссылаются на письмо В. И. Ленина М. Горькому (январь 1913 г.): «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»[3]. Пустил этот тезис в оборот ренегат Б. Вольф, который, приведя аналогичные цитаты, торжествующе заявляет, будто «Ленин как-то не мог поверить» в близость мировой войны[4]. Действительно, в цитированном и в других письмах В. И. Ленина есть фразы о том, что войны не будет[5]. Но какой войны? Трюк Б. Вольфа, как оказывается на поверку, рассчитан на простаков. Он применил типично фальсификаторский и весьма распространенный прием, когда выхватывание из контекста нескольких фраз, лжетолкование их венчаются громким выводом. В действительности, однако, правильность ленинских оценок ситуации несомненна. В. И. Ленин исходил из констатации неоспоримого факта, что ни Антанта, ни центральные державы в конце 1912 — начале 1913 г.

---

[1] См. *Г. Т. Косых.* Февральская революция в освещении английской буржуазной историографии. — «Вестник Ленинградского университета», 1967, № 8, вып. 2; *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.». М., 1971; *Г. А. Ясковец.* Правда и ложь о рабочем классе. М., 1978, и др.

[2] См. *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии, с. 172; *А. Я. Науменко.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС. 1914—1917 гг., с. 10—22.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 155.

[4] *B. Wolfe.* Three who made a revolution, p. 674.

[5] См., например, *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 137; т. 55, с. 330—331.

еще не были готовы к конфронтации. Он говорил о вероятности не мировой войны 1914—1918 гг., а войны между Россией и Австро-Венгрией, обрисовавшейся в связи с балканскими войнами. Эта тема широко обсуждалась на страницах прессы всей Европы и, естественно, не могла не привлечь внимания В. И. Ленина. К январю 1913 г. В. И. Ленину стало ясно, что конфликта не произойдет.

И в более широком смысле постановка вопроса: ждали большевики мировую войну или нет? — носит спекулятивный характер. Угроза империалистической войны росла над Европой и миром в течение многих лет. Рабочее движение, партия большевиков видели эту опасность, что отражено в решениях международных социалистических конгрессов: Штутгартского (1907 г.), Копенгагенского (1910 г.), Базельского (1912 г.). При непосредственном участии В. И. Ленина в резолюцию Штутгартского конгресса было внесено положение о том, что, если война будет развязана, она должна быть использована пролетариатом для ускорения краха капитализма[1]. Эта же идея содержалась в Манифесте Базельского конгресса. В связи с балканскими войнами большевистская партия формулировала антивоенную платформу, лозунги борьбы за мир, против монархии и капитализма[2]. В политическом плане большевистская партия была подготовлена к началу первой мировой войны. Это подтверждено лозунгами и практической деятельностью большевиков в годы войны.

Буржуазные исследователи уделяют большое внимание ленинским трудам кануна Февральской революции. В советской научной литературе немало работ, подвергающих критическому анализу буржуазные и ревизионистские интерпретации ленинской теории социалистической революции, теории империализма и т. д.[3]

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 86—88.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 39.

[3] См. *Ю. А. Красин.* «Социология революции» против революции. М., 1966; *его же.* Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975; *А. Я. Науменко.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС. 1914—1917 гг., с. 22—39, 48—60; *Е. Д. Модржинская.* Критика основных концепций современных буржуазных фальсификаторов. М., 1968; *И. Т. Якушевский.* Ленинизм, революция и «советология». Философский очерк. Л., 1968; «Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами». М., 1972; *Е. Б. Черняк.* Ленинская теория империализ-

Схема подачи буржуазными историками вопросов политики большевистской партии в Февральской революции, а затем и в Великой Октябрьской социалистической революции выглядит следующим образом. Существо ленинских работ излагается весьма сжато. Утверждается, например, будто работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» — фактически пересказ книги английского радикала Д. Гобсона «Империализм» и работ Р. Гильфердинга, что взгляд В. И. Ленина на империализм как на последнюю стадию умирающего капитализма явно ошибочен. Этот труд «отлучают» от марксизма[1]. В современных условиях, однако, идеологам буржуазии трудно ограничиться сугубо негативными оценками. Они вынуждены объяснять успех большевиков в 1917 г., огромную популярность труда В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Поэтому ленинскому учению об империализме приписывается прикладной, прагматический характер, иногда признается пригодность ленинского учения в российской ситуации. Так, французские историки М. Ферро и Р. Жиро постулируют «российскую применимость» этой теории. По их словам, в своем труде «Ленин показал, что революция разразится не в стране, где капитализм и рабочий класс наиболее сильны (Германия), а в той стране, которая наименее способна вынести экономические тяготы современной войны»[2] (интерпретация, как видим, весьма произвольна).

Характеризуя западную историографию ленинских трудов, отметим, что фальсификаторские тенденции ряда авторов подвергаются критике со стороны отдельных буржуазных социологов, экономистов и т. д. Так,

---

ма и новейшая буржуазная историография. — «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М., 1974; «Критика антикоммунистических фальсификаций ленинской теории социалистической революции». М., 1975; *М. М. Розенталь.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976, и др.

[1] *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 404; *R. Kilroy-Silk.* Socialism since Marx. London, 1972, p. 132; *N. Leser.* Die Odyssee des Marxismus, S. 53; *D. Oberndörfer, W. Jäger.* Marx—Lenin—Mao. Revolution und die neue Gesellschaft. Stuttgart, 1974, S. 79; *M. Vatankhah.* Historischer Materialismus und Revolution in nichtindustrialisierten Ländern. Berlin (West-), 1973, S. 86.

[2] *M. Ferro, R. Girault.* De la Russie a l'URSS. L'histoire de la Russie de 1850 a nos jours, p. 107—108.

домыслы А. Улама и ему подобных вынудили Т. Кемпа, преподавателя одного из английских университетов, заявить: «Критическое замечание, будто книга «неоригинальна», далеко от попадания в цель, если оно имеет в виду создать впечатление, что Ленин только собрал вместе замечания, сделанные другими авторами, и не внес никакого своего вклада. На деле подход и замысел Ленина фундаментально отличны от Гобсона и Гильфердинга. Он работал, поставив перед собой иные вопросы, и связал их данные со своей развивающейся теоретической позицией, которая уходит истоками на четверть столетия назад. Ее можно лучше всего определить как развитие и применение Марксова анализа капитализма к современным процессам сначала в России в его полемических работах против народников, затем в «Империализме» во всем мире и особенно в развитых капиталистических странах... Фактически она (эта книга. — *Н. Р.*) не стоит в одиночестве, а составляет часть ленинских работ военного времени, которые подготовили путь для его решающего вмешательства в качестве вождя большевистской партии в русскую революцию 1917 г.»[1].

Действительно, утверждать, будто учение об империализме, теория социалистической революции разработаны с прикладными целями, применительно лишь к российским условиям, могут только те, кто задался целью исказить смысл работ В. И. Ленина. Его произведения «Империализм, как высшая стадия капитализма», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Крах II Интернационала», «Военная программа пролетарской революции», «Итоги дискуссии о праве наций на самоопределение» и другие посвящены ключевым проблемам современной эпохи. Для создания своих трудов В. И. Ленин использовал огромный фактический материал, касающийся всех стран мира, и передовых, и отсталых. Не составляет труда убедиться, что они написаны отнюдь не под «русским» углом зрения. Ленинские «Тетради по империализму» содержат 480 ссылок на иностранные источники и лишь 7 ссылок на источники на русском языке (включая книги О. Бауэра и Р. Гильфердинга)[2]. Основная задача книги «Империализм, как

[1] *Т. Кемп.* Theories of imperialism. London, 1967, p. 64—65.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 769—804 (подсчет автора).

высшая стадия капитализма», как писал В. И. Ленин,— «показать по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале XX века, накануне первой всемирной империалистской войны»[1]. Ни о каком локальном, национальном замысле работ В. И. Ленина об империализме не может быть и речи.

Ленинская теория империализма раскрывает закономерности новой эпохи в истории человечества. Сделанный на основе анализа империализма вклад в теорию социалистической революции имеет мировое значение. В противовес утверждениям буржуазных историков ни в одном из случаев, когда В. И. Ленин писал о возможности победы социалистической революции и социализма в одной, отдельно взятой, стране, речь не шла о конкретной стране. Так, он писал: «...возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», «социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах...»[2] Ленинское учение об империализме, теория социалистической революции имели и имеют основополагающее значение для революционных сил в любой капиталистической стране мира. В то же время это не значит, как иногда пишут на Западе, что В. И. Ленин думал о революции только в западноевропейских странах[3], а не в России. Подобное утверждение столь же далеко от истины. В. И. Ленин предвидел неизбежность социалистической революции, дав определение империализма как кануна социальной революции пролетариата. Он знал, что революция неизбежна и в Европе, и в России. В. И. Ленин мобилизовывал пролетариат, пролетарские партии всех стран на развертывание борьбы за социалистическую революцию.

Идеологи империализма выдвигают также тезис, будто В. И. Ленин и большевики не ждали Февральской революции, а большевистская партия была захвачена

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 303.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354; т. 30, с. 133.

[3] *S. W. Page.* Lenin and the world revolution. New York, 1968, p. 26.

ею врасплох[1]. Этим приемом буржуазные историки пытаются создать, в частности, впечатление, что теоретически большевики не давали верной оценки революционной ситуации, не имели серьезной политической платформы и т. д. Для аргументации этого тезиса в ход идет выхваченная из контекста цитата В. И. Ленина. «Мы, старики, — говорил он в докладе о революции 1905 г. на собрании рабочей молодежи в цюрихском Народном доме 9(22) января 1917 г., — может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[2]. Жонглируя цитатой, идеологи буржуазии в один голос заявляют, что эти слова свидетельствуют о неожиданности революции в России для В. И. Ленина.

Прежде всего слова В. И. Ленина, как не раз уже показывали советские историки, не могут быть связываемы с Февральской революцией. Ответ на вопрос, «ждал» ли он антимонархической революции в России, нужно искать в исторической действительности. А она свидетельствует против буржуазных авторов.

Ленинское учение об империализме научно установило неразрывную связь империализма, империалистических войн с социалистической революцией, с народными, демократическими революциями. Казалось бы, ясно, что такое предвидение не означает возможности определения ее даты. «Таких революций не бывает... чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы»[3], — писал В. И. Ленин. «Как в 1901 году мы не знали, продолжится ли с этого времени «канун» первой русской революции четыре года, — отмечал он, — так мы не знаем этого и теперь. Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками контрреволюционных судорог буржуазного строя. Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, использовать ли революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием *революционных* движений. Да или нет»[4]. «Революцио-

---

[1] См. *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии, с. 190—195.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 328.

[3] Там же, с. 347.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 57.

неры *до* наступления революции предвидят ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее»[1]. Именно так и строили свою работу большевики в России. Они действительно «не ждали» революцию, а работали на нее.

В. И. Ленин в своих работах особо выделял Россию как место будущей революции. При этом он указывал, что буржуазно-демократическая революция в России может стать не только прологом, но и неразрывной составной частью социалистической революции на Западе[2]. Партия твердо держала курс на укрепление связей с пролетариатом, со всеми трудящимися в России для победы буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую. В. И. Ленин решительно критиковал теорию «перманентной революции», проникнутую неверием в силы пролетариата, в революционные возможности крестьянства, делавшую ставку на социалистический переворот в Западной Европе, что фактически вело к отказу от социалистической революции в России, от почина в борьбе за социализм.

Ориентируя большевистскую партию на борьбу за демократическую и социалистическую революции, В. И. Ленин конкретизировал тактические лозунги большевиков применительно к условиям нарастания революционного кризиса в России, дал глубокий анализ грядущей революции в статьях 1915—1916 гг.: «Поражение России и революционный кризис», «Несколько тезисов», «О двух линиях революции», «Есть ли своя линия у ОК и у фракции Чхеидзе?», «О сепаратном мире» и др. Почти все они публиковались в большевистской газете «Социал-демократ» и стали известны большевикам в России. В них содержались, в частности, указания на неминуемость свержения самодержавия, разъяснялись пути и способы революционной борьбы, указывались движущие силы этой революции — пролетариат и крестьянство. В. И. Лениным была показана возможная расстановка классовых сил после свержения царизма, связь демократической и социалистической революций в России с международной революцией пролетариата и т. д. «Жизнь *идет* через поражение России к революции в ней, а через эту революцию,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 46—47.
[2] См. там же, с. 27.

в связи с ней, к гражданской войне в Европе»[1]. В. И. Ленин показал и вероятную расстановку политических сил, более того — политических фигур в надвигавшейся русской революции, заметив в одной из статей, что на смену царскому правительству может прийти правительство «Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»[2].

Конкретно тактические указания В. И. Ленина, осуществлявшиеся партией большевиков, состояли в следующем. «Не учредительное собрание, — писал он, — а низвержение монархии, республика, конфискация помещичьей земли и 8-часовой рабочий день, — таковы будут по-прежнему лозунги социал-демократического пролетариата, лозунги нашей партии»[3]. И продолжал: «...наш безусловный долг разъяснять массам необходимость революции, звать к ней, создавать соответствующие организации, не бояться говорить самым конкретным образом о различных приемах насильственной борьбы и об ее «технике». Этот наш безусловный долг не зависит от того, будет ли революция достаточно сильна и наступит ли она в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной и т. п.»[4].

По указанию В. И. Ленина Русское бюро ЦК в начале 1916 г. разработало план действий на случай начала революции в России[5]. В. И. Ленин следил за событиями в России, руководил работой партии. «Из России вести свидетельствуют о нарастании революционного настроения и движения, хотя это, видимо, еще не начало революции»[6], — писал он в октябре 1915 г. В начале 1917 г. В. И. Ленин четко видел революционную ситуацию в России. 19 февраля 1917 г. он писал И. Арманд: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник»[7]. Ленинские идеи нашли отражение в Манифесте ЦК РСДРП 27 февраля 1917 г. Правильность предфевральской оценки обстановки в

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 30.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 341.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 29.
[4] Там же, с. 44.
[5] См. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 8, с. 99—100.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 160.
[7] Там же, с. 390.

стране была еще раз отмечена им после свержения царизма. «Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно»[1], — подчеркивал В. И. Ленин.

Наконец, против тезиса о неготовности большевиков к Февральской революции свидетельствует политика партии после свержения самодержавия. Февральская революция опрокинула теоретические установки всех партий, кроме партии большевиков. Только ее стратегический план оказался правильным. На этой основе В. И. Ленин выдвинул главную идею Апрельских тезисов — идею перехода от первого этапа — революционно-демократического ко второму этапу — социалистическому, победный курс партии на социалистическую революцию.

Такова правда о том, насколько большевистская партия была теоретически и политически готова к свержению самодержавия. Несостоятельность попыток буржуазных авторов посеять сомнения в научности марксистско-ленинского анализа революционных процессов в России обнаруживается со всей очевидностью.

Несостоятельность оценок «советологами» курса ленинской партии в период двоевластия

В освещении стратегии и тактики большевиков в 1917 г. главная цель усилий буржуазных авторов, по определению советских исследователей, состоит в том, чтобы изобразить Октябрьскую революцию «революцией без теории»[2], революцией, не связанной с марксизмом, и таким образом представить большевистский опыт лишенным всемирно-исторической значимости. Эта фальсификаторская установка основана на отрицании закономерности победы Великой Октябрьской социалистической революции как проявления противоречий эпохи империализма в общественном строе царской России. Отрицая закономерность социалистической революции, идеологи буржуазии неизбежно отвергают научность политики большевиков, построенной на основе анализа противоречий и потребностей общества, исторической необходимости замены капитализма социализмом. Так

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 399.

[2] См. *И. Т. Якушевский.* Ленинизм, революция и «советология». Л., 1968.

классовая позиция буржуазных историков предопределяет ложные интерпретации стратегического курса большевистской партии — ленинской программы перехода к социалистической революции, а также тактики партии в ходе осуществления этого курса.

Как показывают советские исследования по данным проблемам, усилия фальсификаторов истории концентрируются в двух направлениях. Извращается, во-первых, план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, изложенный В. И. Лениным в работе «О задачах пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы), в других его выступлениях и статьях. Этот план изображается как разрыв с марксизмом и предшествующим большевизмом, лжеинтерпретируется то новое, что было дано в ленинской программе перехода к социалистической революции по сравнению с прежними представлениями о буржуазно-демократической и социалистической революциях. Фальсифицируется, во-вторых, отношение большевистских организаций к этому плану, процесс сплочения большевистской партии на платформе Апрельских тезисов, завершившийся VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б).

Сам факт огромных усилий буржуазных историков по «интерпретации» Апрельских тезисов говорит о поворотном значении этого документа для судеб партии и социалистической революции. Таким своеобразным способом подтверждено то, что отмечает марксистско-ленинская историческая наука. «Возвращение на родину Ленина — великого стратега, сочетавшего гениальную силу ума, огромнейший опыт революционной работы и несокрушимую волю с искусством руководства классовой борьбой миллионов трудящихся, — имело громадное значение для судеб большевистской партии и социалистической революции... — подчеркивается в многотомной «Истории КПСС». — В Апрельских тезисах ярко проявилась сила Ленина как гениального теоретика и вождя революции. Этот небольшой по объему документ — произведение всемирно-исторического значения, одно из выдающихся творений марксистской мысли. В нем Ленин наметил стратегический план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, вооружил партию и рабочий класс четкой и ясной программой действий. Это имело опре-

деляющее значение для исторических судеб России. Апрельские тезисы оказали огромное воздействие на умы сотен, тысяч и миллионов людей»[1]. Несомненно, этот документ был поворотом, но далеко не в том смысле, как это изображают буржуазные авторы.

Следует оговориться, что в западной литературе встречаются отдельные непредвзятые высказывания, которые лишь оттеняют сугубо ненаучный характер всей массы оценок «советологами» курса большевистской партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Так, английский историк М. Морган пишет: «Сказанное Лениным по прибытии в Санкт-Петербург было тем же, что он говорил с начала войны»[2]. Соотечественник М. Моргана Д. Лонгли отмечает, что позиция В. И. Ленина «была разработкой его позиции в 1905 г. с одной крупной разницей», которую английский историк видит в том, что В. И. Ленин не упоминает в тезисах об Учредительном собрании[3]. Американский «советолог» Г. Робертс, оценивая позиции своих коллег, обронил справедливые слова: «Ленин никогда не имел намерения допустить, чтобы за свержением «феодального» царизма последовал реальный период буржуазной власти»[4]. Но подобные оценки, отметим еще раз, исключение. Определяют же характер высказываний буржуазных историков концепции, фальсифицирующие историческую реальность.

На все лады буржуазные авторы вкупе с ревизионистами стремятся доказать, будто ленинская программа перехода к социалистической революции означала разрыв с «ортодоксальным» марксизмом, с «двухфазной» революцией, была адекватна «перманентной» революции, означала переход на анархические позиции. Делается акцент на то, будто программа Апрельских тезисов шла против линии большевистской партии и т. д. Генезис подобных утверждений таков. На современников из мелкобуржуазного, соглашательского лагеря

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 47, 54—56.

[2] *M. C. Morgan.* Lenin. London, 1971, p. 109.

[3] *D. Longley.* The divisions in the bolshevik party in March 1917. — «Soviet studies», 1972, vol. 24, N 1, p. 74.

[4] *H. L. Roberts.* Eastern Europe: politics, revolution and diplomacy, p. 248.

Апрельские тезисы В. И. Ленина произвели ошеломляющее впечатление. Н. Суханов, судя по его воспоминаниям, увидел в них анархизм[1]. В. Войтинский «суммировал» выступление В. И. Ленина перед большевиками в бывшем особняке Кшесинской в ночь с 3 на 4 апреля: «В этой речи Ленин перемешал марксистскую терминологию и старые клише со странными новыми лозунгами»[2]. В измененном виде эта оценка перекочевала в работы современных буржуазных историков. Западногерманский «советолог» Р. Лоренц утверждает, будто В. И. Ленин предпринял «решительное изменение в большевизме»[3]. Многие буржуазные историки пытаются привязать Апрельские тезисы к троцкистскому домыслу о «перевооружении»[4]. Хорошо известно, что Троцкий свою фальсификацию ленинизма сопровождал ссылкой на мнимый переход большевиков в 1917 г. на платформу «теории перманентной революции». И сегодня троцкисты, характеризуя ленинскую программу перехода к социалистической революции, пишут о «новом и старом ленинизме», твердят, что «эти Апрельские тезисы означали разрыв в теоретической мысли Ленина. Стало ясно, что он присоединился к Троцкому»[5]. В основе современных буржуазных оценок лежат, таким образом, соглашательские и троцкистские версии этого важного этапа в истории большевистской партии и страны. Однако подобные утверждения не выдерживают сопоставления с правдой о большевистской стратегии и тактике, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о научном, марксистском характере ленинского плана перехода к социалистической революции. В. И. Ленин строго разграничивал

---

[1] См. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 3. Москва — Петроград—Берлин, 1922, с. 35.

[2] *W. S. Woytinsky.* Stormy passage. New York, 1963, p. 265—266.

[3] *R. Lorenz.* Anfänge der bolschewistischen Industriepolitik. Köln, 1965, S. 16.

[4] *V. Fay.* La tragedie de vieux bolcheviques. — «La revolution d'Octobre et le mouvement ouvrier europeen». Paris, 1967, p. 30; *R. G. Suny.* The Baku commune 1917—1918. Class and nationality in the Russian revolution. Princeton, New Jersy, 1972, p. VIII; *R. Pethybridge.* The social prelude to stalinism. London—Basingstoke, 1974, p. 40; *W. M. Hedlin.* Zinoviev's revolutionary tactics in 1917. — «Slavic review», 1975, vol. 34, N 1, p. 35.

[5] *I. Deutscher.* Stalin. A political biography, p. 141; *ibid.* The prophet armed, p. 347.

этапы буржуазно-демократической и социалистической революций и в то же время диалектически объединял борьбу за демократию с борьбой за социализм. В этом глубокая и принципиальная противоположность ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и троцкистско-меньшевистских представлений.

Теоретические положения, которыми В. И. Ленин вооружил партию в марте — апреле 1917 г., продолжали стратегическую и тактическую линию партии, разработанную в 1905—1907 гг. В то же время это была качественно новая политика, связанная с объективно новым положением в России и в мире. По сравнению с годами первой русской революции более четко проявились объективные предпосылки социализма в России (общий кризис капитализма, рост государственно-монополистического капитализма, боеспособность пролетариата и его партии, дальнейшая поляризация деревни, усиление крестьянского и национально-освободительного движений, общее обострение социальных противоречий вследствие войны и т. д.). Февральская революция подняла борьбу рабочего класса, всех трудящихся на новый уровень, поставив их вплотную перед задачей ликвидации буржуазно-помещичьего строя. Получила дальнейшее развитие марксистско-ленинская теория социалистической революции, важнейшие положения которой В. И. Ленин разработал в годы первой мировой войны.

Об отсутствии элементарной добросовестности у буржуазных исследователей говорит такой факт. Задавшись целью показать «доктринальную революцию Ленина» в 1917 г., И. Фрэнкел ни словом не упомянул о решающем значении для определения стратегии и тактики в 1917 г. выводов, сделанных В. И. Лениным в годы войны[1].

Уделяя большое внимание искажению Апрельских тезисов В. И. Ленина, буржуазная историография, как уже отмечалось, признает, таким образом, их историческое значение. При этом скрывается правда об Апрельских тезисах, заключающаяся в том, что эта программа полностью отвечала тенденциям эпохи, полити-

[1] *I. Frankel.* Lenin's doctrinal revolution of 1917. — «Journal of contemporary history», 1969, vol. 4, N 2, p. 117—142.

ческой обстановке в России, ее зрелости для пролетарской революции. Аргументация буржуазными историками своей позиции фальшива. Ленинская программа перехода к социалистической революции, тактика большевиков в России в марте — начале апреля 1917 г. искажаются. Конструируется некое «столкновение» между ленинским курсом на социалистическую революцию и тактикой, проводившейся большевиками до приезда В. И. Ленина в Россию.

Тактика большевистских организаций в марте — начале апреля 1917 г. всесторонне освещена в советской литературе[1]. При этом подвергнуты критике ошибочные утверждения некоторых историков[2]. Критиковались и буржуазные фальсификации этой проблемы[3]. Тем не менее общая направленность буржуазной историографии этого вопроса, некоторые конкретные аспекты, а также тенденции новейшей буржуазной литературы раскрыты не во всем.

Стандартные аргументы буржуазных историков могут быть сведены в большинстве своем к заимствованиям клеветнических домыслов у Троцкого, к их модернизации: тактика большевистских организаций изображается антиленинской, полуменьшевистской[4]. Это явная

---

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968; *В. И. Аникеев.* Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 г. (Хроника событий). М., 1969; *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года). М., 1975, и др.

[2] См. *В. Е. Евграфов.* Некоторые вопросы тактики партии в марте—начале апреля 1917 года. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3; *Е. Бугаев.* Ленинский план перехода к социалистической революции (К 45-летию Апрельских тезисов). — «Коммунист», 1962, № 6; *И. Ф. Петров.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции (март—октябрь 1917). М., 1964; «Партия и Великий Октябрь (Историографический очерк)», и др.

[3] См. *В. И. Салов.* О фальсификации тактики большевиков в марте—апреле 1917 года западногерманской буржуазной историографией. — «Вопросы истории», 1959, № 8; *А. Я. Науменко.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС. 1914—1917 гг. Саратов, 1967; *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март — начало апреля 1917 года). М., 1975, и др.

[4] *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 177; *A. Meyer.* Leninism, p. 170; *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Soviétique de Lenine à Staline, p. 73; «An introduction to Russian history». Cambridge, 1976, p. 274.

фальсификация. Документы большевистских организаций в центре и на местах, их практическая работа свидетельствуют, подчеркнуто в многотомной «Истории КПСС», что «большевики в целом правильно определяли классовое содержание происшедшей революции, давали верную оценку Временного правительства как буржуазного, а продолжавшейся мировой войны как империалистической. Они исходили из ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, из неизбежности социалистической революции в России и в этом направлении вели работу в массах, укрепляли связь с ними»[1].

Благодаря огромной предшествующей работе В. И. Ленина партия большевиков, сформировавшаяся как партия нового типа, была в целом теоретически, тактически и организационно подготовлена к решению задач социалистической революции. До приезда В. И. Ленина были сделаны первые важные шаги в этом направлении. Однако эта работа не всегда связывалась с перспективами, открывшимися перед пролетариатом и его партией в результате свержения царизма и установления двоевластия. «...Многие большевистские деятели, не поняв сущности Советов как органов революционно-демократической диктатуры и видя, что многие задачи буржуазно-демократической революции не решены, считали, что революция (буржуазно-демократическая. — *Н. Р.*) не закончена, что нужно развивать ее дальше»[2]. Большевики были единственной партией в стране, которая держала курс на закрепление успехов революции, на дальнейшее ее развитие. Они отстаивали, в частности, вооружение пролетариата как единственную гарантию дальнейшего развития революции, борьбы против буржуазии. Даже буржуазия и соглашатели, о чем свидетельствует их пресса[3], отнюдь не воспринимали в марте 1917 г. линию большевиков так, как современные фальсификаторы истории. Глубина различий между большевиками и меньшевиками отражена Н. Сухановым. Он констатирует радость меньше-

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 33.

[2] Там же.

[3] См. *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года), с. 205—206.

виков по поводу статей Л. Каменева в «Правде» и признает, что если бы все большевики разделяли взгляды Каменева, то он, Суханов, стал бы большевиком[1]. Этого, как известно, не случилось: большевиков и Суханова разделяло слишком многое.

Это основной, наиболее общий тезис буржуазной историографии данного вопроса. Его «подкрепляют» рядом дополнительных аргументов. Распространяется утверждение, будто партией до возвращения В. И. Ленина из эмиграции руководил Л. Каменев, а его позиция одобрялась большевиками. «Каменев разъяснил мягкую позицию новой редакции «Правды» на заседании Петербургского комитета 18 марта, — пишет А. Рабинович, — где она была встречена с одобрением»[2].

В действительности отношение партийных организаций к Л. Каменеву было отрицательным. 13 марта 1917 г. Бюро ЦК подтвердило свое решение от 12 марта о недоверии Каменеву и в этой связи о его работе в «Правде» без имени в качестве сотрудника[3]. 15 марта Бюро ЦК, обсудив статьи Л. Каменева, отмечало, что «передовица «Правды» в № 9 (новая редакция) признается неудовлетворительной всеми членами Бюро ЦК, и предложено было новым приезжим товарищам до дискуссии держаться резолюций Бюро ЦК и ПК»[4]. Были приняты меры против возможного повторения самовольного печатания статей, не отражающих позиции Бюро ЦК. Петербургский комитет внес в Бюро ЦК специальное заявление против Каменева[5]. А 18 марта ПК дал Каменеву резкий отпор, в частности В. Н. Залежский потребовал предварительной партийной цензуры статей Л. Каменева[6]. Оппортунистические взгляды Каменева подверглись критике на страницах «Правды» 16 и 31 марта 1917 г. «Эта критика, — пишет В. А. Кувшинов, — не осталась незамеченной буржуазной пе-

---

[1] См. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 2. Москва — Петроград—Берлин, 1922, с. 393.

[2] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 36.

[3] См. «Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, с. 146.

[4] «Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, с. 148.

[5] См. там же, с. 150.

[6] См. «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов, с. 52, 57.

чатью. «Речь» с раздражением писала, что «Правда» после короткого просветления теперь отказывается даже от оборончества»[1]. Отрицательное отношение к Каменеву в марте выразил и ряд местных комитетов партии, в том числе Московский[2]. Такова правда о роли Л. Каменева в марте 1917 г.

В то же время часть буржуазных авторов пытается создавать впечатление, будто позицию, аналогичную каменевской, занимали и другие руководители большевиков, в частности И. В. Сталин. Р. Дэниелс, например, утверждает, что «под руководством Иосифа Сталина и Льва Каменева большевики сначала шли вместе с другими партиями»[3]. Советская историография, как и автор данной работы, далека от того, чтобы отрицать ошибки некоторых работников партии в этот период. Но нельзя не согласиться с исследователями, проводящими грань между концепционными ошибками полуменьшевистской линии Л. Каменева и ошибками временного характера, заблуждениями, проявившимися у ряда деятелей партии в ходе выработки общепартийной линии[4]. Такая позиция позволяет дать исторически верную оценку с учетом предшествующего и последующего политического поведения того или иного деятеля, оттеняет разницу в линии Л. Каменева и группы большевистских руководителей, в том числе И. В. Сталина. Примечательно, что когда западногерманский «советолог» О. Анвайлер анализировал конкретный материал об отношении к Советам большевистских руководителей в марте 1917 г., то места для домыслов не осталось. «Таким образом, — писал он, — Сталин еще до первого «Письма из далека» Ленина... совершенно правильно оценил значение Советов. Эти предложения (Анвайлер их цитирует. — *Н. Р.*) образуют мостик к Апрельским тезисам Ленина, к которым Сталин в отличие от Каменева быстро присоединился»[5].

---

[1] *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года), с. 189.

[2] См. «Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, с. 146.

[3] *R. Daniels.* Russia. Englewood Cliffs. New York, 1964, p. 75; *ibid.* Red October. The bolshevik revolution of 1917. New York, 1967, p. 30.

[4] См., например, *В. А. Кувшинов.* Партия большевиков после свержения самодержавия (март—начало апреля 1917 года), с. 206.

[5] *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 185.

Существует мнение, будто к приезду В. И. Ленина в Россию большевистская партия определила свою политическую линию. В подтверждение идеологи буржуазии указывают на Всероссийское совещание партийных работников, состоявшееся 27 марта — 2 апреля 1917 г. в Петрограде. Так, Р. Дэниелс, сконструировав некую «линию Каменева — Сталина», заявляет: «Эта позиция, в сущности не отличающаяся от меньшевистско-эсеровской линии руководства Советов, была одобрена в конце марта на совещании большевиков со всей страны»[1]. Надуманность такого аргумента показывает совершенно противоположная оценка Д. Кармайкла, который считает, что в марте большевикам «еще не удалось выработать какую-нибудь конкретную политическую тактику»[2]. Дело, конечно, не в Д. Кармайкле, позиция которого в целом столь же ошибочна, как и Р. Дэниелса. Дело в полном пренебрежении буржуазных авторов к реальным историческим фактам.

В марте — начале апреля большевистские организации вырабатывали свою политическую линию. Процесс этот не был завершен. Совещание партийных работников было одним из звеньев, далеко не решающим, в этом процессе. Целью данного совещания было согласование позиций большевиков на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов, подготовка общепартийной конференции. Резолюции совещания партийных работников вырабатывались для внесения на совещание Советов. Они не были обязательными для партийных организаций, не утверждались ни центральными органами, ни местными организациями, не вносились позднее на Апрельскую конференцию большевиков, т. е. не могут считаться платформой партии. После мартовского совещания продолжался поиск путей борьбы рабочего класса, развития революции. Решающую роль в определении этих путей сыграл В. И. Ленин.

Большое внимание буржуазные исследователи уделяют ленинским «Письмам из далека» и Апрельским тезисам. «Письма из далека», если авторы утруждают себя их изложением, преподносятся так, чтобы создать

---

[1] *R. Daniels.* Red October, p. 29.

[2] *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution, p. 76.

впечатление, будто ситуация в России после Февральской революции оценивалась в них неверно. Связывая эти домыслы с утверждениями, что В. И. Ленин «не ждал» революцию, Д. Кларксон писал: «...он истолковал их значение таким образом, который показался бессмысленным для его товарищей в Петрограде». Такова же оценка Р. Пэйна, Д. Каткова, Р. Дэниелса и др.[1]

В «Письмах из далека» были разработаны важнейшие положения стратегии и тактики пролетариата. «Главный вывод, к которому пришел Ленин и на основе которого сформулировал задачи пролетариата, — подчеркивается в многотомной «Истории КПСС», — состоял в том, что первый этап революции закончен; своеобразие момента заключалось в переходе от первого этапа революции, столь необычно решившего вопрос о государственной власти, ко второму ее этапу, ко второй революции, которая должна передать власть в руки рабочих и беднейших крестьян»[2]. В. И. Ленин считал, что новую власть, которая возникнет в процессе этой революции, нужно организовать по типу Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подготовку завоевания власти Советами он неизменно связывал с разоблачением Временного правительства, недоверием к нему, с отказом ему в какой-либо поддержке[3]. Ясно, что эта программа, дополненная и развитая, лежит в основе Апрельских тезисов. Более того, «Несколько тезисов», написанные в 1915 г., — зародыш Апрельских тезисов. В. И. Ленин неоднократно указывал на преемственность выводов, сделанных им в марте 1917 г., и идей, высказанных в годы войны[4]. 30 марта 1917 г. он писал Я. С. Ганецкому о «Нескольких тезисах»: «Эти тезисы теперь архиважны.

Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции.

---

[1] *J. Clarkson.* A history of Russia. New York, 1960, p. 460; *R. Payne.* The life and death of Lenin. New York, 1964, p. 262; *R. Daniels.* Red October, p. 30; *G. Katkov.* Russia 1917. The February revolution. New York, 1967, p. 417.

[2] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 31.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 18; т. 49, с. 317, 402 и др.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 27, 52—53, 89 и др.

Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией»[1]. Глубину и правильность ленинского анализа обстановки в свое время признавал У. Чемберлин, писавший, что после Февральской революции в «Письмах из далека» В. И. Ленин продемонстрировал «ясное видение вероятного будущего хода событий в России»[2].

Но справедливые оценки этих работ В. И. Ленина крайне редки. Игнорируя суть ленинской оценки, выхватывая отдельные фразы, противопоставляя тактику партийных организаций в России ленинскому анализу обстановки и его программе перехода к социалистической революции, буржуазные авторы с удесятеренной энергией тщатся извратить разработку партией стратегии и тактики после приезда в Россию В. И. Ленина[3]. Содержание Апрельских тезисов, хотя нередко буржуазные историки их приводят целиком[4], интерпретируется неверно. Для буржуазных авторов неприемлема в принципе идея курса на социалистическую революцию. Это неизбежно приводит к искажению содержания самого курса.

В работах 20—30-х годов, в том числе и тех авторов, которые слышали В. И. Ленина в начале апреля 1917 г., более грубо искажается суть Апрельских тезисов, чем в книгах современных «советологов». В. И. Ленина сразу же стали обвинять в разжигании гражданской войны. Такая реакция буржуазии и соглашателей

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 421.

[2] *W. H. Chamberlin.* The Russian revolution 1917—1921, vol. 1, p. 131.

[3] См. *В. М. Халевин.* Против фальсификации «Апрельских тезисов» В. И. Ленина в западногерманской буржуазной историографии. — «Вестник Ленинградского университета», серия истории языка и литературы, 1964, № 8, вып. 2, с. 29—38; *Н. В. Романовский.* Ленинская программа перехода к социалистической революции (апрель 1917 г.) в кривом зеркале американской буржуазной историографии. — «Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков», 1968, т. 48, с. 135—154; *А. Я. Науменко.* Против буржуазной фальсификации истории КПСС. 1914—1917 гг., с. 112—127, и др.

[4] *W. Mautner.* Der Bolschewismus. Berlin, 1922, S. 109—110; *J. Bunyan, H. H. Fisher.* The bolshevik revolution, 1917—1918. Documents and materials. Stanford, 1934; *J. Curtiss.* The Russian revolution of 1917. Toronto, 1957; *R. Payne.* The life and death of Lenin, p. 313—314; *K. von Vereiter.* Historia de la revolucion rusa. Barcelona, 1974, vol. 1, p. 299—300.

на Апрельские тезисы подтверждается многими свидетельствами очевидцев и современников из буржуазного лагеря, как, например, А. Спиридовича, А. Деникина, А. Тырковой-Уильямс, Ф. Гренара, П. Сорокина и др.[1] В изложении В. Чернова ленинские призывы выглядели так: «Долой Временное правительство! Долой мелкобуржуазные Советы!.. Долой социал-демократическую партию... Да здравствует гражданская война!..»[2]

Некоторые «советологи», однако, не отстают от В. Чернова. ««Долой буржуазное империалистическое Временное правительство! Вся власть Советам! Да здравствует мировая революция!» — это были знаменитые Апрельские тезисы, служившие руководящей директивой для большевистской партии»[3], — пишет, к примеру, Р. Дэниелс. Идеологам буржуазии как в прошлом, так и в настоящем не важно, чем Апрельские тезисы были в действительности. Классовая позиция заслоняет историческую правду. Отсюда и утверждения, искажающие их смысл.

В свете сказанного не удивляет и довольно распространенное в буржуазной историографии отрицание того, что Апрельские тезисы предполагали мирный путь перехода к социалистической революции. Если же возможность такого развития упоминается, то факт принятия большевиками этого курса и проведения его в жизнь отвергается. Нет необходимости доказывать, как и почему ленинский план нацеливал партию на борьбу за социалистическую революцию без кровопролития, гражданской войны, без вооруженного восстания. Пока существовало двоевластие, большевики не призывали свергать Временное правительство, борясь за переход всей власти к Советам.

В вопросе о мирном развитии революции обнаруживается ограниченность объективизма некоторых буржуазных историков. «Ленинский тезис о возможности

---

[1] См. *А. И. Спиридович.* История большевизма в России, с. 314; *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. I, вып. 1. Париж, 1921, с. 116; *A. Tyrkova-Williams.* From liberty to Brest-Litovsk, p. 76; *F. Grenard.* La revolution russe. Paris, 1933, p. 268; *C. Anet.* La revolution russe, vol. 1. Paris, 1919, p. 152; *P. Sorokin.* Leaves from a Russian diary. New York, 1970, p. 44; *W. Woytinsky.* Stormy passage, p. 265.

[2] *V. Chernov.* The great Russian revolution, p. 417.

[3] *R. Daniels.* Red October, p. 16.

мирного пути взятия власти не означал отхода от его принципиальной концепции насильственного характера революции»[1], — пишет О. Анвайлер. В. И. Ленин действительно призывал партию и рабочий класс быть готовыми к любым поворотам в классовой борьбе. Однако совсем не это имеет в виду западногерманский автор. В его изложении Апрельские тезисы и принятые на их основе документы партии не исключали «заговорщической тактики» и «двойной игры» большевиков. О. Анвайлер не признает закономерность революции, стремление большевиков сделать ее максимально безболезненной, не приемлет мысль о гибкости и многообразии тактических средств борьбы за власть, в том числе и о мирном пути. О. Анвайлер понимает, что без насилия нет революции, но дает оценки большевистской тактике с позиций своего класса.

Важным аспектом современной фальсификации Апрельских тезисов является приравнивание их к анархистской платформе[2]. Подобное утверждение несостоятельно уже потому, что у анархистских течений, как указывают на это советские исследователи, никакой «платформы» не было[3]. Этот далеко не новый тезис сейчас приобретает расширенное толкование: ленинской программе перехода к социалистической революции приписывается негативный, разрушительный характер. Именно так «оценил» ленинскую программу британский посол Д. Бьюкенен[4]. Большевиков обвиняют в «анархии», «разрушении», «отсутствии сдержанности» и т. д.[5] Однако ленинская программа, направленная на разрушение буржуазного, эксплуататорского государства, была программой глубоко созидательной. Нужно было создать новое государство, новый экономический строй, новый уклад жизни миллионов и т. д. Но для бур-

---

[1] *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 208.

[2] *L. Haimson.* The parties and the state: the evolution of political attitudes. — «The transformation of Russian society», p. 142; *A. Ulam.* Ideologies and illusions, p. 108.

[3] См. *С. Н. Канев.* Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917—1922). М., 1974, с. 68—85, и др.

[4] *G. Buchanan.* My mission to Russia and other diplomatic memoirs, vol. 2. London, e. a., 1923, p. 116.

[5] *G. Schulz.* Revolutionen und Friedensschlüsse 1917—1920, S. 85; *R. Payne.* The life and death of Lenin, p. 311.

жуазных историков все это неприемлемо, неприемлемы и творческие начала Апрельских тезисов.

Объективистски звучат слова Д. Лонгли. «...Эта программа, — пишет английский историк, — не означала призыва к немедленному свержению Временного правительства, и он (Ленин. — *Н. Р.*) ясно отверг такой путь, покуда правительство пользовалось поддержкой народа. Она не была также призывом к осуществлению советским правительством социализма, а просто звала к проведению демократических реформ, которые было не в состоянии провести Временное правительство из-за своей крайне реакционной природы. Советская республика фактически была чем-то промежуточным между нормальным буржуазным государством и социалистическим»[1]. Это высказывание примечательно. Однако такого рода оценки редки. В подавляющей массе буржуазные авторы не могут обойтись без искажения действительного содержания ленинской стратегии и тактики в апреле 1917 г.

Препарирование сути Апрельских тезисов связано с ложной интерпретацией всей политики большевистской партии в марте — октябре 1917 г. Буржуазные авторы пытаются, в частности, выступления против Апрельских тезисов Л. Каменева и его немногочисленных единомышленников изображать как мнение партии[2]. Однако против такой оценки свидетельствует Н. Суханов. Вспоминая встречу В. И. Ленина с активом большевиков в Петрограде в ночь на 4 апреля, он писал: «После Ленина, кажется, уже никто не выступал. Во всяком случае никто не возражал, не оспаривал, и никаких прений по «докладу» не возникло»[3].

Оппозиция к Апрельским тезисам, по логике фальсификаторов, еще один аргумент, говорящий о «поворотах», «конъюнктурности» политики большевиков, о влиянии в партии оппортунистов. В советской исторической литературе показано, кто действительно был против Апрельских тезисов. Число таких людей было

---

[1] *D. Longley.* The divisions in the bolshevik party in March 1917, p. 76.

[2] *A. Ulam.* A history of Soviet Russia, p. 7; *P. Gay, R. Webb.* Modern Europe. New York, 1973, p. 955; *A. Resis.* Lenin on the freedom of the press. — «Russian review», 1977, vol. 36, N 3, p. 279.

[3] *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 3, с. 37.

крайне незначительно, взгляды Л. Каменева не имели сколько-нибудь заметной поддержки в партии. Причины того, что Апрельские тезисы вызвали известные разногласия, также раскрыты в советской научной литературе[1]. Эти разногласия в основном не касались вопроса о курсе на социалистическую революцию. Партия была подготовлена к принятию такого курса своей историей, опытом марта — начала апреля 1917 г. Тезисы В. И. Ленина выразили в четкой и лаконичной форме мысли и чаяния подавляющего большинства членов большевистской партии, трудящихся России. После непродолжительной дискуссии, способствовавшей полному осознанию членами партии ленинского плана, изоляции отдельных противников курса на социалистическую революцию, Апрельские тезисы были развернуты VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б) в ряд резолюций, составивших конкретную программу борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Основные резолюции конференция приняла подавляющим большинством голосов при крайне незначительном числе воздержавшихся и единицах голосовавших против. Это была полная, безраздельная победа ленинской линии.

Отступление от правды ведет буржуазных историков к дальнейшей фальсификации. Перед ними неизбежно встает вопрос: почему партийные организации страны, Всероссийская партийная конференция практически единодушно и в кратчайшие сроки поддержали В. И. Ленина? Об этой «загадке» Д. Лонгли пишет: «И все же остается один вопрос, на который нет удовлетворительного ответа. Как смог Ленин по возвращении в апреле 1917 г. повернуть партию столь полно и столь быстро?»[2] Усилия идеологов буржуазии дать на него ответ заслуживают внимания.

Было время, когда буржуазные авторы «объясняли» читателям факт быстрой и безоговорочной поддержки партией В. И. Ленина «давлением» на партию, надуман-

---

[1] См., например, *И. Ф. Петров.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции, с. 76—95; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 86—92; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 58—63.

[2] *D. Longley.* The divisions in the bolshevik party in March 1917, p. 61.

ной пропагандистской кампанией. «С балкона дворца Кшесинской он в одиночку повел пропагандистскую кампанию. Неутомимое ораторство Ленина имело немедленный и огромный успех. Всероссийская конференция большевиков в конце апреля отменила недавнее решение Петроградского комитета большевиков и одобрила программу Ленина значительным большинством голосов»[1]. Но эти аргументы, видимо, девальвировались в глазах современных «советологов». Тезисы о «волюнтаризме» и «пропагандистской кампании» довели буржуазных авторов до оценок, близких к вере в чудеса. Р. Дэниелс вместо тезиса о «магнетической и гипнотической» пропаганде[2], который он использует в книге, вышедшей в 1960 г., 7 лет спустя пишет уже о «психологическом давлении»[3].

Чувствуя неубедительность таких доводов, буржуазные историки меняют тактику. В аргументацию вводится новый, столь же сфальсифицированный элемент: искажение глубоких перемен в настроениях трудящихся масс России. Накал классовой борьбы, размежевание политических сил, разоблачение в глазах масс политического лица буржуазных и мелкобуржуазных партий — все эти объективные факторы привели к рассеиванию иллюзий, к концу «медового месяца» революции. Этот факт в искаженном виде отразился в аргументации буржуазных историков, поспешивших объяснить начало сдвига в настроениях масс не углублением революции, а «анархией»[4], успех же программы В. И. Ленина стали объяснять ее мнимым анархизмом. Но эта предвзятая схема не укладывается в реальность истории. Благодаря постоянной борьбе большевиков против анархизма это мелкобуржуазное течение, по словам В. И. Ленина, пользовалось «в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием...»[5]. Показательно, что

---

[1] *M. Florinsky.* Russia: a short history. New York—London, 1964, p. 419—420.

[2] *R. Daniels.* The conscience of revolution, p. 44.

[3] *Idem.* Red October, p. 216.

[4] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 41; *E. Thaden.* Russia since 1801. The making of a new nation. New York, 1971, p. 438; *T. Uldricks.* The «crowd» in the Russian revolution, p. 400.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.

американский исследователь российского анархизма П. Аврич не смог не признать, что анархисты не играли сколько-нибудь заметной роли в Октябрьской революции [1]. Известно также, что большевистская партия в 1917 г. последовательно боролась против анархизма и близких к нему течений. «Опасность анархии всегда возможна в революции»[2], — предупреждал В. И. Ленин участников Апрельской конференции. В процессе подготовки Октябрьской революции большевикам, как это было, например, во время июльских событий, удавалось пресекать авантюристические призывы анархистов. Взгляды анархистов на государство были разоблачены В. И. Лениным в труде «Государство и революция». Тем не менее буржуазные историки приписывают большевикам «анархизм», очевидно, чтобы испугать обывателя революцией.

Некоторый интерес представляет освещение отношения партийных организаций к ленинским Апрельским тезисам авторами, стремящимися быть непредвзятыми. Э. Карр в определенной мере отмежевался от тенденциозных обвинений в адрес вождя большевиков. Он, например, отмечает, что сплочение петроградских большевиков вокруг ленинской программы следует объяснять «ясной и четкой аргументацией» В. И. Лениным своего плана. Но Э. Карр, как буржуазный историк, не считая марксизм-ленинизм наукой, прямо заявляет, что ленинская аргументация якобы лишь «создавала видимость», «впечатление», что он владеет ключом к анализу ситуации[3]. Такие взгляды — основа более утонченных нападок на ленинизм.

Важнейшее место в 1917 г. в выработке стратегии и тактики партии заняла VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Для буржуазной историографии этот партийный форум «не интересен», поскольку он целиком поддержал ленинскую линию. Если для фальсификации Апрельских тезисов буржуазные историки не жалеют стараний, то VII (Апрельская) Всероссийская конференция большевистской партии их мало интересует. Д. Кармайкл, например, уделяет мно-

---

[1] *P. Avrich.* The Russian anarchists. Princeton, 1967, p. 123—158.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 378.

[3] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution, vol. 1, p. 93.

го внимания возвращению В. И. Ленина в Петроград (обильно цитируя Н. Суханова), а Апрельскую конференцию «освещает» в трех словах — «большая партийная конференция»[1]. То же соотношение внимания и у Р. Дэниелса. Исключение — труд Э. Карра. Он приписывает работе и решениям конференции некоторые черты, не соответствующие действительности. В частности, Э. Карр указывает на некую «неуверенность», «отсутствие определенности», «текучесть» линии партии[2]. Он аргументирует свой довод тем, что в резолюции конференции «Об отношении к Временному правительству» наряду с лозунгом перехода всей власти к Советам, создания республики Советов как типа государства допускалась возможность власти «других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.)»[3]. Прочтение резолюции внимательное, но не свободное от предвзятости. В действительности здесь нет непоследовательности. Резолюция конференции, написанная В. И. Лениным, исходила из создания государства типа Коммуны. В. И. Ленин был уверен в том, что наилучшим образом этот тип государства воплотился бы в республике Советов. Но не исключалась возможность, что государство этого типа будет создано «через посредство Учредительного собрания или помимо него»[4]. Аргументы Э. Карра напоминают то, в чем винил большевиков К. Каутский, приводя домыслы о тактике партии по отношению к Учредительному собранию[5].

Оценки Апрельской конференции Э. Карром заслуживают внимания еще по одной причине. Г. фон Раух, А. Рабинович и другие «советологи» вслед за ним приходят к утверждению о непоследовательности, двусмыс-

---

[1] *J. Carmichael.* A short story of Russian revolution, p. 90.

[2] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution, vol. 1, p. 97—98.

[3] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков)». Протоколы, с. 244—245.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 164.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 274—282; *Н. Рубинштейн.* Большевики и Учредительное собрание. М., 1938; *И. Б. Берхин.* Некоторые вопросы истории Учредительного собрания в трудах В. И. Ленина. — «Исторические записки». М., 1972; *О. Н. Знаменский.* Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976, и др.

ленности линии большевистской партии, что якобы и открывало путь для заговоров и попыток захвата власти. В сущности они развили идеи Э. Карра.

Тактика большевистской партии с апреля по июль 1917 г. всесторонне, подробно освещена советскими историками[2]. Она была рассчитана на мирное завоевание власти Советами. Идеологи буржуазии, клевеща на большевиков, еще в 1917 г. утверждали, что Апрельскими тезисами «водружено знамя гражданской войны»[3]. Спустя 50 лет западногерманский историк Д. Гейер заявляет: «Плеханов не был неправ, когда говорил, что Ленин своими тезисами водрузил знамя гражданской войны в среде революционной демократии»[4]. В. И. Ленин протестовал против подобной клеветы. Он писал, что о гражданской войне «нет ни слова в тезисах...»[5]. «Только в России возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания...»[6] Лозунг мирного развития революции, подчеркивал В. И. Ленин после июльских событий, был возможен «в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры»[7]. Мирное развитие в конкретной обстановке до 5 июля означало, что эксплуататорские классы объективно не в состоянии были навязать пролетариату и его союзникам такой формы классовой борьбы, как кровопролитная гражданская война. Но и мирное развитие — форма острой классовой борьбы. Поэтому большевики, сосредоточив усилия на разъяснении политики партии, на разоблачении контрреволюционной буржуазии и соглашательства эсеров и меньшевиков, продолжали работу по организации масс, по созданию политической

---

[1] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 230; *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland, S. 70—71.

[2] См. *И. Ф. Петров.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2. М., 1968; *К. И. Зародов.* Три революции в России и современность. М., 1977; *А. М. Совокин.* На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977, и др.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 116.

[4] *D. Geyer.* Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven, S. 80.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 117.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 304.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 2.

армии социалистической революции, по вооружению рабочих, упрочению своих позиций в армии и т. д.

Линии на мирный переход власти к Советам большевистская партия оставалась верна в сложных условиях трех политических кризисов. Когда после июльских событий на большевиков обрушились потоки клеветнических обвинений в заговоре, в попытке захвата власти путем восстания, В. И. Ленин подчеркивал: «...ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3—4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение»[1]. Такова в сжатой форме тактика большевиков в марте — июле 1917 г. — объект нападок со стороны буржуазной и ревизионистской историографии.

В современной буржуазной исторической литературе есть ряд схем освещения тактики большевиков в апреле — июле 1917 г. Еще А. Деникин, П. Милюков, А. Керенский и другие изображали действия большевиков как цепь попыток заговора, увенчавшихся успехом в октябре. Три политических кризиса — апрель, июнь, июль — неизменно подавались как три заговора. Эта версия сохранила хождение до 40-х и даже до 60-х годов, когда, например, американский публицист Р. Пэйн в оценках тактики большевиков в период трех кризисов опирался на свои беседы с А. Керенским. Другие авторы просто воспроизводят меньшевистско-кадетские версии[2]. Характерна в качестве «доказательства» нередкая ссылка на то, будто В. И. Ленин на I Всероссийском съезде Советов, заявив о готовности взять власть, «подтвердил» намерение большевиков свергнуть правительство, схватить и даже «повесить» сотню капиталистов[3]. Казалось бы, что проще: посмотреть застенографированную речь В. И. Ленина на I съезде Советов и убедиться в том, что В. И. Ленин говорил о готовности

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 145.

[2] *J. J. Marie.* Staline. Paris, 1967, p. 61; *R. Payne.* The fortress. New York, 1967, p. 411; *R. Payne.* The life and death of Lenin, p. 318—322; «Revolutionary Russia». Cambridge (Mass.), 1968, p. 97, 129; *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power. Bolshevism and the destiny of Russia. New York, 1971, p. 71.

[3] *D. Brown.* Doomsday 1917, p. 109; *J. Charnock.* Red revolutionary. A life of Lenin. New York, 1970, p. 77; *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power, p. 75.

большевиков взять власть через Советы, а не через заговор или восстание; о 50 или 100 капиталистах он упоминал лишь в связи с тем, что целесообразно было бы продержать их под арестом с целью выяснения путей получения ими незаконных прибылей и т. д.[1] Но до подлинного смысла слов В. И. Ленина этим «исследователям» нет дела. Им нужны домыслы, распространявшиеся по поводу этой речи В. И. Ленина контрреволюционерами и соглашателями.

В отличие от подобных, явно абсурдных версий встречаются «аргументы» иного типа. «Советологи» академического плана, например О. Анвайлер, исходят не из прямолинейных тезисов о трех заговорах, а ведут речь о том, что большевики-де «в рамках своей открытой политической деятельности сохранили старую тактику заговорщичества», а «вершину этих полувоенных маневров, проводившихся параллельно с агитацией за взятие власти Советами, составило неудачное июльское восстание»[2]. Такова же схема рассуждений А. Улама, подкрепляемая «аргументом», что большевики путем заговора якобы хотели опередить нараставшую волну анархии[3]. Эта оценка июльских событий как восстания большевиков несостоятельна (это будет показано ниже). Но кроме вольного обращения с фактами имеет место и определенная методология. Будучи антикоммунистами и антисоветчиками, и О. Анвайлер, и А. Улам не в состоянии непредвзято оценить курс большевиков в апреле — июле. Отсюда искаженные интерпретации таких неотъемлемых составных частей тактики мирного периода, как организация масс, создание вооруженных отрядов рабочих, завоевание армии на сторону революции, руководство массовыми политическими выступлениями трудящихся и т. д. Идеологи и политики буржуазии в прошлом и настоящем клеветнически объявляют заговором любые шаги большевиков к победе.

Э. Карр пишет по поводу выступления В. И. Ленина на I съезде Советов: «...Ленин, заверив в готовности большевиков взять власть, объявил войну Временному правительству. Это заявление было именно так и

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32. с. 267—268.

[2] *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 203, 210.

[3] *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 449, 450, 453; *idem.* Stalin. The man and his era, p. 144.

задумано... Следующим шагом была проверка умонастроений рабочих и солдат Петрограда»[1], т. е. июньские демонстрации. Однако хорошо известно, что В. И. Ленин «объявил войну» Временному правительству с самого момента появления этого правительства. Это не была война в обычном смысле (восстание, насильственное свержение), а «война» за устранение правительства путем перехода полноты власти к Советам. Но, очевидно, одной готовности большевиков взять власть вполне достаточно для Э. Карра, чтобы увидеть здесь «объявление войны Временному правительству». На этом примере видна четкая грань между позициями историков-марксистов и буржуазного историка-объективиста, проходящая по линии классовых интересов буржуазии и пролетариата.

В публикациях о 1917 г. в последнее время обнаруживается некоторое возрастание внимания к мирному периоду революции. Так, в книгах А. Рабиновича, выводы которых стали повторять и другие буржуазные авторы, дан краткий очерк деятельности петроградских большевиков в марте — июле 1917 г.[2] Отвергнув мысль о мирном развитии революции как стержне большевистской политики до июльских событий, А. Рабинович пытается создать впечатление, будто у партии после Апрельской конференции не было однозначных директив о борьбе за власть и что партия, якобы не будучи единой, позволила своим «левакам» проводить самостоятельную линию, приведшую к июльскому «восстанию». Эта концепция связана со ставкой современных идеологов и политиков империализма на насаждение в коммунистических партиях «плюрализма», ревизионизма. А. Рабинович утверждает, будто Апрельская конференция «оставила ключевой вопрос «как и когда» без ответа»[3].

Но для подобного утверждения нет оснований. По-настоящему ключевым вопросом был вопрос курса на социалистическую революцию, ответ на который был

---

[1] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution, vol. 1, p. 101.

[2] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising. Bloomington—London, 1968; *idem.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.

[3] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 230.

дан четкий и однозначный. Срок взятия власти конференция действительно не назвала. Способ же взятия власти конференцией был сформулирован совершенно определенно. В резолюциях «О текущем моменте», «Об отношении к Временному правительству» и других говорится о длительной работе «по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни», о всесторонней работе внутри Советов, о чрезвычайной осмотрительности и осторожности, о завоевании прочного большинства населения и его сознательном убеждении[1] и т. д. Говоря о попытке организации правительственной партией кадетов расстрелов рабочих (апрельский кризис), партия указала на неизбежность повторения таких попыток. В этой связи резолюция Апрельской конференции «Об отношении к Временному правительству» подчеркнула необходимость организации и вооружения пролетариата, теснейшего союза с революционной армией, разрыва с политикой доверия к правительству для предотвращения опасности таких расстрелов, т. е. для обеспечения мирного развития революции[2].

Другая группа аргументов, опровергающих тезис А. Рабиновича о мнимой непоследовательности курса большевиков на мирное развитие революции, — это настойчивая борьба В. И. Ленина и партии на Апрельской конференции против тех, кто пытался выступать с левацких, авантюристских позиций[3]. «Конференция, — говорится в многотомной «Истории КПСС», — ...отвергла политическую линию «революционного» авантюризма»[4]. И это решение, как и все другие, конференцией было принято практически единодушно.

Наконец, подтверждает курс партии на мирное развитие ее тактика в период политических кризисов. Без фальсификации его было бы невозможно выдвигать тезис о «нечеткости» политической программы Апрель-

---

[1] См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков)». Протоколы, с. 244, 245, 258.

[2] См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков)». Протоколы, с. 245.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 363.

[4] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 80; см. также: *И. В. Ильина.* Борьба партии большевиков против проявления «левизны» в период подготовки Октябрьской революции. М., 1967.

ской конференции. Так возникает предвзятая картина, основанная на ложных концепциях, на ложном освещении фактов. Это далеко не случайно. Подавляющее большинство буржуазных исследователей заимствуют концепции, идеи и даже факты из книг своих предшественников. При этом не обходится без курьезов, говорящих о полном пренебрежении к действительной истории. Э. Тэден, например, излагает события так: сначала было наступление на фронте (в действительности начавшееся 18 июня), а уже затем демонстрация 10 июня[1]. Откровенно путается в демонстрациях 10 и 18 июня Д. Ливерсидж[2]. Американский «специалист» Г. Пахтер пишет: «В июле Керенский потребовал созвать Учредительное собрание. И Ленин, чтобы предотвратить это, устроил восстание»[3]. И т. д. Неистощима фантазия тех, кто игнорирует факты истории. Характерно, что А. Рабинович фактически расписался в предвзятости своей концепции. В истинности ее, пишет автор, «я был убежден с самого начала своей исследовательской работы»[4], т. е. априорно, не начав фактически освоение материала. Говорят, что факты — хлеб истории. Но очевидно, это лишь в подлинной науке. Для буржуазной историографии хлебом служат не факты, а антибольшевистские концепции.

Тезисы «советологов» о «нечеткости» тактической линии большевистской партии после Апрельской конференции — исходная точка для искаженного освещения политических кризисов в июне и июле. Уже в 30—40-х годах буржуазные авторы расходились в вопросе, пытались ли большевики в июне и июле захватить власть или нет. Среди них были как сторонники «теории заговора»[5], так и ее противники[6]. На почве столк-

---

[1] *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 440.

[2] *D. Liversidge.* Lenin. Genius of revolution. New York, 1969, p. 121—122.

[3] *H. Pachter.* The fall and rise of Europe, p. 100.

[4] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 5.

[5] *P. Miliukov.* Bolshevism: an international danger, p. 40; *G. Vernadsky.* A history of Russian revolution. New Haven, 1929, p. 238; *D. Shub.* Lenin. A biography, p. 207—208; *R. Abramovitch.* The soviet revolution, p. 58—59.

[6] *I. don Levine.* Stalin, p. 125—127; *D. Mirsky.* Lenin. London, 1931, p. 100—101; *W. H. Chamberlin.* The Russian revolution 1917—1921, vol. 1, p. 170.

новения этих мнений выросла книга А. Рабиновича об июльских событиях[1]. Автор фактически отверг «доказательства», которые пустил в ход Н. Суханов[2]. А. Рабинович призывает отнестись к доводам Суханова с осторожностью[3]. Но оценку июльских событий как попытки большевиков взять власть А. Рабинович подкрепил концепцией «неединой партии», о которой речь шла выше. Эта концепция основана, в частности, на ложном толковании тактики большевиков. Найдя неверные оценки в ряде мемуаров (В. И. Невского и М. Я. Лациса), А. Рабинович пустился вкось и вкривь их толковать. М. Я. Лацис в «Дневнике агитатора» упоминает о намерении отдельных лиц превратить демонстрацию, намечавшуюся на 10 июня, в «решающее столкновение». Однако он пишет (А. Рабинович опускает эту фразу[4]), что такие предложения были сразу же отклонены[5] в соответствии с хорошо известными установками большевиков в это время.

«Свидетельство», извлеченное А. Рабиновичем из воспоминаний В. И. Невского, таково. «...22 июня, — пишет автор заметки «Народные массы в Октябрьской революции», опубликованной в 1918 г., — нам удалось созвать конференцию, на которой выяснилось, что организовано до 30 000 солдат. Организация все росла, но вместе с тем мы видели, что удержать солдат от выступления мы не сможем. И мы взяли на себя выработку плана вооруженного выступления: пусть это будет, решили мы, первая попытка восстания». Здесь А. Рабинович прерывает цитату. Создается впечатление, что слова В. И. Невского относятся к 22 июня. Однако В. И. Невский продолжает: «В это время вспыхнуло брожение в пулеметном полку на Охте, а 3-го Подвойский позвонил мне и просил удержать пуле-

---

[1] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising; см. *Н. В. Романовский.* Июльские события 1917 г. в современной буржуазной историографии. — «История СССР», 1971, № 3.

[2] См. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 4. Москва—Петроград — Берлин, 1922, с. 511—512.

[3] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 95, 202.

[4] *Ibid.*, p. 70, 232.

[5] См. *М. Я. Лацис.* Июльские дни в Петрограде (Из дневника агитатора). — «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), с. 105—106.

метный полк от выступления»[1]. Конечно, в этих воспоминаниях В. И. Невского отразилась его собственная позиция во время июльских событий, отмеченная «левизной». Такая ошибочная оценка присутствует в ряде работ об июльских событиях, изданных в начале 20-х годов. Она была изжита советской исторической наукой. Что касается плана, о котором пишет В. И. Невский, то это были мероприятия, разработанные ВО для защиты демонстраций от провокаций контрреволюционеров и для придания организованности и согласованности действиям рабочих и солдат[2]. Но вот какой вывод делает из слов В. И. Невского А. Рабинович: «Военная организация уже с 22 июня стала планировать восстание»[3]. В действительности же слова «В это время» означают момент начала движения в пулеметном полку (3 июля), а не 22 июня и не относятся к совещанию, на котором В. И. Невский не присутствовал и которое решало вопрос о том, как удержать массы, рвавшиеся выразить протест против начавшегося на фронте наступления[4]. Можно, конечно, предположить, что недостаточно твердое знание русского языка подвело американского историка. Но скорее всего произошло следующее: автор искал доказательств своей концепции и «нашел» их.

Ленинский курс на вооруженное восстание и его фальсификаторы

Теоретическая работа партии, стратегия и тактика борьбы за победу социалистической революции находятся в центре внимания «советологов». Правда, до последнего времени в основном фальсифицировались ленинский план вооруженного восстания и борьба партии за его осуществление. Буржуазной историографии, не признающей проведения большевистской партией курса на мирное развитие революции, нечего было ска-

---

[1] *В. И. Невский.* Народные массы в Октябрьской революции. — «Известия ВЦИК», 6 ноября 1918 г.

[2] См. подборку документов «Июльские дни в Петрограде». — «Красный архив», 1927, т. 4 (27), с. 26, 31—32.

[3] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 233.

[4] См. «Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. Июньская демонстрация». **М., 1959,** с. 570—575, 614.

зать о перемене в тактике большевиков после июльских событий, о принятии курса на вооруженное восстание. В редком исследовании можно было найти описание работы VI съезда РСДРП(б): его решения, сплоченность партии вокруг ленинского курса не дают буржуазным историкам почвы для фантазий. Э. Карр, Р. Макнил, Р. Дэниелс и другие пытаются создать впечатление о съезде как о форуме, не принявшем важных политических решений, принижают значение тактических решений съезда[1]. Буржуазные фальсификаторы утверждают, будто съезд допустил ошибку, сняв лозунг «Вся власть Советам!», и искажают смысл снятия этого лозунга, трактуя его так, будто большевики вообще отвернулись от Советов. Правда, иногда мимоходом упоминается, что съезд изменил тактику партии, но не говорится, как именно. Буржуазная историография таким способом стремится создать впечатление, будто съезд не принял важных тактических решений, в частности о подготовке к вооруженному восстанию. А именно это решение, как показали события, стало историческим.

В 1976 г. вышла книга А. Рабиновича об Октябрьском вооруженном восстании. В ней VI съезд партии фактически впервые в буржуазной историографии получил более или менее развернутое толкование. На страницах, посвященных съезду, приводятся неверные положения. Во-первых, автор ставит в центр концепций все, что хотя бы отдаленно расходится с предложениями и выводами В. И. Ленина, с резолюциями съезда, нередко сопровождает свои оценки словами «очевидно», «весьма вероятно»[2], прикрывая ими явные натяжки. Во-вторых, А. Рабинович умалчивает о принятии съездом важнейших политических решений. По его словам, съезд сохранил линию Апрельской конференции и не ответил на вопросы о способе и времени взятия власти[3].

В. И. Ленин был вдохновителем всех исторических решений VI съезда РСДРП(б). Они исходили из ленинского анализа развития революции. В. И. Ленин 10 июля 1917 г. в тезисах «Политическое положение»

---

[1] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution, vol. 1, p. 103; *R. McNeal.* The bolshevik tradition, p. 40; *R. Daniels.* The conscience of revolution, p. 46; *idem.* Red October, p. 43.

[2] *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd, p. 84.

[3] *Ibid.*, p. 89.

указал на необходимость подготовки сил к вооруженному восстанию[1], победа которого, считал вождь партии, возможна «лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны»[2]. «Мирный период революции, — говорил в докладе о политическом положении И. В. Сталин, — кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...»[3] В резолюции съезда «О политическом положении» выражена ленинская мысль о необходимости вооруженного восстания. С учетом послеиюльской обстановки слова «вооруженное восстание» в докладах и в резолюции не употреблены. И резолюция, и ораторы на съезде вынуждены были говорить эзоповским языком. Но это не меняет сути дела. В резолюции вооруженное восстание названо «напряжением всех сил», и докладчик ЦК И. В. Сталин, отвечая на поправки по данной резолюции, подчеркнул, что речь идет о «необходимости *свержения* существующей власти»[4]. Однако американский профессор Д. Решетар, к примеру, категорически утверждает: «Следует напомнить, что решение о вооруженном восстании не было принято съездом партии»[5]. К этому заявлению фальсификатора комментарии излишни. В точном соответствии с указаниями В. И. Ленина резолюция съезда связала сроки восстания с моментом, «когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии»[6].

Таково историческое значение VI съезда партии, таковы уловки буржуазных авторов, направленные на сокрытие исторической правды.

Период развития революции, начавшийся после июльских событий, сыграл важную роль в подготовке к решающим битвам революции, в создании политической армии социалистической революции. Интенсивно велась разработка теоретических вопросов политики,

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 5.
[2] Там же, с. 2.
[3] «Шестой съезд РСДРП(большевиков)». Протоколы, с. 114.
[4] Там же, с. 143.
[5] *J. Reshetar.* A consice history of the communist party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 143.
[6] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1, с. 488.

стратегии и тактики партии. В. И. Лениным, большевистским ЦК был разработан план вооруженного восстания. Труды В. И. Ленина, коллективная разработка ключевых проблем политики партии, ее новой Программы внесли важный вклад в борьбу за власть, за создание основ нового, социалистического общественного строя. Правильность политической платформы, стратегии и тактики большевиков, глубокая научность программных положений большевистской партии по важнейшим вопросам борьбы рабочего класса и его партии за создание нового общества были проверены практикой и подтверждены.

Домыслы буржуазной историографии о тактике большевиков в сентябре — октябре 1917 г., фальсификации теоретического и практического вклада В. И. Ленина в подготовку Октябрьского вооруженного восстания подвергнуты критике советскими историками. Выделяется остро полемическая статья И. И. Минца, направленная против «новинки» буржуазного антиОктября — книжки Р. Дэниелса[1]. Ряд фальсификаторских положений («недемократизм восстания», «заговор», «волюнтаризм», преувеличение роли Троцкого, место Советов в плане восстания, вопрос об отношении ЦК к подготовке восстания и др.) подвергнут критическому анализу другими авторами[2]. Большое значение для разоблачения буржуазной историографии имеет последовательная творческая разработка советскими историками вопросов политики большевистской партии в период борьбы за победу Великого Октября. Исследования советских специалистов по истории Октябрьской революции, разоблачающие фальсификаторские

---

[1] См. *И. И. Минц.* Невероятные шансы Роберта Даниэлса. — «Коммунист», 1969, № 5.

[2] См. *Л. Е. Тарасевич.* Критика буржуазной фальсификации народного характера Великой Октябрьской социалистической революции. — «Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции (март—октябрь 1917 г.)». М., 1967; *Ю. И. Иерицкий.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции; *Г. Т. Косых.* Критика современной английской буржуазной историографии по вопросу о тактике большевистской партии в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. — «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974, и др.

выступления, позволяют дополнить критику современной буржуазной и ревизионистской историографии Октябрьского вооруженного восстания. Важной является критика фальсификации научной обоснованности ленинского курса партии на вооруженное восстание. Это одна из основ «освещения» на Западе Октябрьского вооруженного восстания.

Как бы предвосхищая нападки антикоммунистов на объективные предпосылки Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин писал: «...никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически...»[1]

Отрицая, что победа Октябрьской революции — следствие объективной необходимости, результат всесторонне обоснованного курса большевистской партии, отрицая вообще научность политики большевиков, буржуазные и ревизионистские авторы протягивают нить к фальсификации того, как партия, ЦК реагировали на ленинские предложения о восстании, извращают существо ленинских требований, приписывают им характер «волевого» решения и т. д. Такой подход полностью несостоятелен.

Вопреки тому, что пишут «советологи», курс большевистской партии на вооруженное восстание был научно обоснован. Постановка В. И. Лениным в письмах от 12—14 сентября задачи подготовки и проведения вооруженного взятия власти основывалась на теории социалистической революции, на положениях о революционной ситуации и общенациональном кризисе как объективных показателях зрелости революции и ее успеха. Разброд в правительственном лагере и среди соглашателей, кризис «верхов» и «низов», экономическая разруха, подъем революционной активности масс и их готовность к действию, выразившиеся в сплочении большинства трудящихся вокруг большевистской партии, в большевизации Советов, благоприятная международная обстановка и т. д. — все это убедительные показатели неотложности и необходимости вооруженного восстания. Они учитывались большевистской партией. Сплоченность коммунистов вокруг ленинского курса на победу социалистической революции, непримиримость к оппортунизму и соглашательству, тактическое мастер-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

ство также были вескими свидетельствами предпосылок успеха восстания. Большевистская партия, руководимая В. И. Лениным, продемонстрировала способность соединить теорию социалистической революции с революционным творчеством миллионных масс, успешно осуществить первую в истории социалистическую революцию. «Партия повела массы на штурм капитализма именно тогда, когда для этого сложились соответствующие объективные и субъективные условия, когда назрел общенациональный кризис, когда к нему были уже подготовлены всем ходом борьбы сознание, воля и страсть десятков миллионов людей. Большевистская партия под руководством Ленина на практике осуществила марксистское требование относиться к восстанию, как к искусству»[1], — подчеркнуто в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Курс большевиков на вооруженное восстание отвечал реальным потребностям исторического развития, основывался на глубоком проникновении в его закономерности.

Тезисы буржуазных историков выглядят убогими в свете огромной теоретической работы, лежащей в основе курса большевиков на взятие власти. Ярко обнаруживается характерная черта обращения буржуазных авторов с незыблемой марксистско-ленинской основой деятельности партии — с трудами В. И. Ленина, с документами партии. Едва ли может подлинный исследователь обойти вниманием значение таких трудов В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», и других, являющихся основой политики партии на этапе подготовки и победы вооруженного восстания. Главное внимание в этих трудах, подчеркнуто в многотомной «Истории КПСС», «Ленин сосредоточил на всестороннем обосновании исторической закономерности социалистической революции и ее неизбежности в России, на раскрытии ее первостепенных задач. Научно доказав несостоятельность позиции меньшевистских теоретиков, Ленин вооружил партию новыми теоретическими выводами, которые умножили степень готовности пролетарского авангарда к выполнению великой исторической миссии. Они позволили большевистской партии дать правильные ответы

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 10, с. 153.

на поставленные жизнью и революцией важнейшие вопросы и повести за собой большинство народа»[1]. Такова сжатая характеристика преобразующего значения теоретических положений трудов В. И. Ленина. Критический анализ работ буржуазных авторов обнаруживает недобросовестность приемов буржуазной историографии, классовую подоплеку ее положений.

Уже в 20—30-х годах буржуазная историография заложила те «основы» освещения написанных перед октябрем 1917 г. работ В. И. Ленина, которые сохранились и господствуют в современной буржуазной исторической и социологической литературе. Есть случаи полного замалчивания трудов В. И. Ленина «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», их значения для победы Великого Октября. На подобном отношении к ленинским работам сказалось то, что ряд авторов считали победу большевиков в октябре 1917 г. следствием событий, ничуть не связанных с какой-либо стороной деятельности партии[2]. Когда же буржуазные авторы пытались хоть как-то охарактеризовать эти работы, то в «анализе» преобладал примитивный злобствующий антибольшевизм. Суть этих, даже сделанных мимоходом, замечаний остается неизменной: приписывание большевикам анархизма, троцкизма, волюнтаризма и т. д.[3]

Таково, например, голословное отрицание наличия у большевистской партии в период Октябрьской революции программы новой, пролетарской власти, программы переходного периода. «У коммунистов не было ясного представления, как они будут править или как будет функционировать новое общество. Марксистская мысль концентрировалась на анализе и свержении капиталистического строя. И даже Ленин не составлял

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 230.

[2] *A. Kerensky.* The crucifixion of liberty, p. 364; *B. Pares.* A history of Russia. London, 1926, p. 473—475.

[3] *W. Chamberlin.* The Russian revolution 1917—1921, vol. 1, p. 132—133; *G. Vernadsky.* Lenin: red dictator, p. 172; *P. Miliukov.* Bolshevism: an international danger, p. 28—29; *A. Rosenberg.* Geschichte des Bolschewismus, S. 105; *R. Daniels.* The «State and revolution». — «American Slavic and East European review», 1953, vol. 12, N 1, p. 25—53; *A. Ulam.* Ideologies and illusions, p. 108.

плана движения к социализму»[1], — утверждает английский публицист Д. Лоуренс. Эта аргументация уходит корнями в меньшевистско-оппортунистическое отрицание возможности победы социалистической революции и социализма в России. «...Большевистская партия, — вещал Н. Суханов, — совершила роковую ошибку, поскольку она подняла восстание, не думая об этих задачах (социальных, экономических и прочих. — *Н. Р.*) и не готовилась к их выполнению»[2]. Той же цели служат заявления, будто работы В. И. Ленина, написанные в июле — октябре 1917 г., никакого отношения не имели к практическим действиям большевистского правительства после Октября[3]. Эти утверждения направлены на отрицание практической ценности трудов В. И. Ленина, их нацеленности на решение злободневных задач большевистской партии, рабочего класса, всех трудящихся России. Правда, буржуазные историки, оказавшись в плену созданных ими самими мифов, в отдельных случаях делают заявления, по сути дела перечеркивающие часть их собственных схем. Так, французский историк реформистского толка Ж. Вальтер пишет о труде В. И. Ленина «Государство и революция»: «...он содержал в себе полностью готовый и разработанный в мельчайших деталях план установления диктатуры пролетариата, которую он (Ленин. — *Н. Р.*) готовился осуществить»[4]. Конечно, эта формулировка отражает непонимание автором характера разрабатывавшихся В. И. Лениным и большевистской партией планов. Они не претендовали на то, чтобы быть «полностью готовыми» «мельчайшими деталями» будущего. В них содержался анализ действительности, надстройки общества и намечались практические меры по разрешению назревших проблем борьбы пролетариата. Тем не менее практическая значимость труда В. И. Ленина «Государство и революция» как плана создания государства диктатуры

---

[1] *J. Lawrence.* A history of Russia. New York, 1965, p. 254.

[2] *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 7. Москва—Петроград—Берлин, 1923, с. 59.

[3] *H. L. Roberts.* Eastern Europe: politics, revolution and diplomacy, p. 257; *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 490; *R. Kilroy-Silk.* Socialism since Marx, p. 127—128; «The Russian revolution and Soviet state», p. 176.

[4] *G. Walter.* Lenine. Paris, 1971, p. 492.

пролетариата французским автором отмечена справедливо.

Однако в целом буржуазная историография «не замечает», что созданные В. И. Лениным в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания труды представляют собой анализ и обобщение революционного опыта 1917 г., дальнейшее развитие теории социалистической революции, являясь основой, в частности, вывода о необходимости и неотложности вооруженного восстания, составной частью программы перехода к пролетарской диктатуре, к социализму. Вследствие этого в работах буржуазных авторов место разработки партией политических шагов в революции заняли рассуждения о «поворотах» в тактике, о «волюнтаризме вождя большевистской партии»[1] и т. п. Ленинские работы — лучшее опровержение этих заявлений. Труды В. И. Ленина «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», как и вывод о неотложности и необходимости взятия власти, основаны на анализе степени зрелости империализма, его готовности для социалистических преобразований. Продолжая в 1917 г. анализировать государственно-монополистический капитализм России, развитие которого было значительно ускорено первой мировой войной, В. И. Ленин еще и еще раз указывал на предпосылки и необходимость перехода к социализму. Анализ экономики страны, грозившей катастрофы служил основой плана преодоления разрухи, решительного разрыва с капитализмом, движения к социализму.

Ленинский план первых шагов социалистического строительства включал важные меры демократического характера. Вокруг этого факта также строятся фальсификаторские схемы. Временное правительство, соглашательские партии, буржуазия не могли решить назревшие, поставленные в повестку дня самой жизнью вопросы демократического порядка (мир, земля и т. д.). Чрезвычайная их острота требовала от большевиков энергичных мер. Первым и решающим шагом в

[1] *R. Daniels.* The conscience of revolution, p. 56; *I. Grey.* The first fifty years. Soviet Russia 1917—1967. London, 1967, p. 108; *H. L. Roberts.* Eastern Europe: politics, revolution and diplomacy, p. 251—252; *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 475; *E. Hölzle.* Lenin und die russische Revolution. Bern—München, 1968, S. 85.

этом направлении было взятие власти путем вооруженного восстания. Этот план полностью опровергает троцкистские вымыслы о якобы буржуазно-демократическом содержании политики большевиков в период пролетарской революции в России. Предложенные, обоснованные В. И. Лениным и организованные партией и рабочим классом всенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов, национализация банков и монополий, введение всеобщей трудовой повинности и, главное, установление диктатуры пролетариата в форме власти Советов — это шаги глубоко социалистические.

Страстность, настойчивость призывов В. И. Ленина к вооруженному восстанию, обращенных к партии, объяснялись чрезвычайной остротой революционного кризиса и нисколько не отменяли научности и глубины анализа положения в стране и задач партии по выходу из кризиса. Это вынуждены признавать некоторые исследователи, например лейборист Д. Коул. «Основная общая теория, которую большевики стали проводить в жизнь после победы, разрабатывалась Лениным в течение длительного периода времени и существовала в основных своих чертах задолго до 1917 г.»[1], — пишет он. И если подавляющее большинство буржуазных авторов сегодня все же пытаются трактовать проведение В. И. Лениным курса на вооруженное восстание под углом зрения разного рода «психоаналитических» эпитетов («нетерпение», «воля», «страсть» и т. д.), то в этом есть своя основа: органическая неспособность идеологов буржуазии к признанию объективной зрелости России в 1917 г. для социалистической революции.

Советскими историками подвергнуты критике фальсификаторские штампы, относящиеся к конкретным сторонам ленинских программных установок партии в канун Октября (аграрная программа, вопросы социалистического государства, рабочего контроля и др.). Специального внимания заслуживает вопрос о том, почему буржуазные фальсификаторы яростно атакуют ленинский труд «Государство и революция». Не будет ошибкой сказать, что одной из главных причин является злободневность устранения буржуазного государства и замены его более высоким типом государства — госу-

---

[1] *G. D. H. Cole.* Communism and social democracy 1914—1931. London—New York, 1958, p. 15.

дарством пролетарской диктатуры. «Вопрос этот... — указывал В. И. Ленин, — затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос»[1]. Интерпретация идеологами буржуазии книги «Государство и революция» имеет прямую связь с фальсификацией курса партии на вооруженное восстание, большевистской программы взятия власти.

Буржуазные авторы нередко утверждают, будто «Государство и революция» — это всего лишь «утопия», «реклама», не имевшая связи с практикой, с борьбой большевиков за власть, с курсом партии на восстание[2]. Подобную оценку некоторые из них распространяют на работу В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», которая в ключевых положениях основана на развитом В. И. Лениным в труде «Государство и революция» марксистском учении о государстве[3]. Этот тезис наглядно демонстрирует предвзятость буржуазных историков в освещении трудов В. И. Ленина. Близость решающих боев трудящихся России под руководством большевиков за установление диктатуры пролетариата ставила задачи теоретического освещения политики пролетарской власти по отношению к старому буржуазно-помещичьему государству, путей создания и существа нового государства — главного орудия перехода к социализму — в порядок дня.

В теоретической работе большевистской партии осенью 1917 г. остро стоял вопрос о демократическом характере государства диктатуры пролетариата, за создание которого партия вела в бой массы. Извращенное толкование отдельными «советологами», как, например, Б. Вольфом, Л. Шапиро, этого вопроса выражается в заявлениях, будто В. И. Ленин в работе «Государство и революция» (а также в книге «Удержат ли большевики государственную власть?») ушел от

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 66.

[2] *A. G. Meyer.* Communism, p. 70; *R. Daniels.* Russia, p. 77; *E. H. Carr.* Revolutionary and Soviet Russia. — *N. F. Cantor.* Perspectives on the European past. New York—London, part II, p. 295; *J. Levine.* Lenin, the man who made a revolution. N. Y., 1969, p. 139; *R. Kilroy-Silk.* Socialism since Marx, p. 127; *A. Nove.* An economic history of the USSR, p. 41; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 307.

[3] *R. Daniels.* Red October, p. 57—58; *J. Charnock.* Red revolutionary, p. 82.

раскрытия роли партии[1]. Д. Кип, напротив, говоря о работе «Государство и революция», отмечает, что В. И. Ленин «никогда не менял фундаментального принципа своей веры» — принципа руководящей роли партии[2]. В целом же тезисы идеологов буржуазии по данному вопросу направлены на отрицание глубоко народного, демократического характера Советской власти, социалистического строя. Они неверны с фактической стороны: и по вопросу о партии, и по вопросу о Советах книга «Государство и революция» содержит ряд принципиально важных положений. «Воспитывая рабочую партию, — определял В. И. Ленин положение пролетариата как господствующего класса при социализме, возрастание роли партии, — марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»[3]. Трудно дать более емкую характеристику роли партии в социалистическом обществе. Оценки Б. Вольфа, Л. Шапиро и других можно назвать только фальсификацией.

Центральное место в марксистско-ленинском учении о государстве занял вопрос о государстве типа Коммуны, положение, в сущности, о государстве Советов. В то же время В. И. Ленин рассматривал Советы как одну из возможных форм нового государства: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»[4]. Следует указать и на широко известное обстоятельство незавершенности данной работы. В написанных В. И. Лениным главах освещены и развиты положения К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве и революции; конкретный опыт русских революций 1905—1907 и 1917 гг. В. И. Ленин намеревался осветить в главе, оставшейся незавершенной.

---

[1] *L. Schapiro.* Preface to «The USSR and the future», p. XIII; *B. Wolfe.* Marxism and the Russian revolution. — «Fifty years of communism in Russia», p. 36.

[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 307.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33 с. 26.

[4] Там же, с. 35.

Вместо конкретного анализа ленинских идей об участии масс в управлении государством и обществом буржуазные авторы не одно десятилетие толкуют об «анархизме» книги «Государство и революция»[1] на том основании, будто В. И. Ленин считал, что при Советской власти государством будут управлять все и каждый. В. И. Ленин ставил эту задачу как перспективу коммунистического общества с его общественным самоуправлением. Суть же постановки В. И. Лениным вопроса о демократии при диктатуре пролетариата в том, что такая власть открывает всем трудящимся путь к участию в управлении государством. В. И. Ленин ясно видел необходимость длительной воспитательной работы партии для достижения этой коммунистической цели: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники»[2]. И позднее В. И. Ленин говорил: «...чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование»[3].

За утверждениями об «анархизме» работы «Государство и революция» скрыто желание «советологов» поглубже упрятать существо полемики по вопросам ленинского плана строительства государства нового типа. А оно заключено в том, что диктатура пролетариата коренным образом отличается от классового антинародного господства буржуазии. Диктатура пролетариата — это власть рабочего класса в союзе с массой трудового крестьянства, власть революционного народа, власть в интересах трудящегося большинства наций страны. Создание такого союза — важнейший шаг на пути к бесклассовому обществу. Этот союз является высшим принципом, социальной основой диктатуры пролетариа-

---

[1] См. *Г. З. Иоффе, Ю. И. Игрицкий.* Ленин, 1917 год и новейшая буржуазная историография. — «История СССР», 1970, № 2.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 215.

та. Демократизм нового, высшего типа проявляется в привлечении пролетарским государством трудящихся к управлению, прежде всего через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, кооперативы и другие массовые организации. В. И. Ленин, большевистская партия рассматривали эти организации как «рычаги», «школы», с помощью которых массы поднимаются до уровня сознательного созидания новой жизни, делаются подлинными хозяевами страны, а государство рабочих и крестьян становится мощным и непобедимым. В этом глубокий практический смысл ленинских теоретических выводов и оценок, вооруживших большевистскую партию конкретным планом действий в подготовке октябрьского штурма.

Таковы некоторые черты «подачи» программных, теоретических установок большевистской партии в сентябре — октябре 1917 г. буржуазной историографией. С неприглядной стороны характеризует «научный» уровень суждений буржуазной историографии о работе В. И. Ленина «Государство и революция» специальная статья американского «советолога» Р. Барфилда. Главное «открытие» статьи сводится к тому, что основная работа над этой книгой была выполнена В. И. Лениным до 1917 г. и что не правы те «советологи» (Р. Дэниелс, Л. Фишер, К. Хант названы автором; этот список можно продолжить), которые оценивают этот труд лишь с позиций событий 1917 г. Замечание справедливое. Подготовительная работа была проведена В. И. Лениным до Февральской революции. Но автор не сказал о главном — о поверхностности писаний буржуазных специалистов, его предшественников[1].

Редкая работа буржуазных историков обходится без описания общенационального кризиса осени 1917 г. — разрухи, рабочих стачек, подъема крестьянского движения, распада старой армии, подъема национально-освободительного движения и т. д., причем в последние годы эти вопросы стали более углубленно разрабатываться, например, во Франции[2]. Совсем иначе обстоит дело со

---

[1] *R. Barfield.* Lenin's utopianism: «State and revolution». — «Slavic review», 1971, vol. 30, N 1, p. 45—56.

[2] См. *Н. В. Наумов.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975, с. 139—154.

связью общенационального кризиса с тактическими решениями большевистской партии, с деятельностью партии и ее вождя по подготовке к взятию власти. Буржуазные авторы пускают в ход все «аргументы» относительно «ошибок» политических деятелей, «бездействия» правительства, «вакуума» власти, «анархизма толпы» и т. д.[1] Это совершенно логично для них, так как они видят прошлое глазами идеологов эксплуататорских классов. Но теоретическая и методологическая ограниченность позиции «советологов», ее фальсификаторская направленность с еще большей ясностью открываются в попытках «проникновения» в процесс подготовки большевиками вооруженного восстания. Замалчивая действительное, буржуазные историки сосредоточиваются на мнимом, строят всевозможные домыслы. Достаточно вспомнить, например, их заявления о заговорщичестве, бланкизме и т. п., оценки тактики и политики большевиков. Правда, «советологи» современной формации действуют более осмотрительно, чем их прямолинейные предшественники. Некоторые из них прибегают к псевдонаучным психологическим экскурсам. Так, видный американский «советолог» Г. Робертс, взвешивая различные «причины» принятия В. И. Лениным решения о проведении восстания (письма 12—14 сентября), заключает: «И все же в целом его темперамент в эти месяцы 1917 г. несомненен. Услышав о корниловщине, он инстинктивно чувствует, что сейчас настало его время. Это чувство выплеснулось как вулканический взрыв»[2]. «Темперамент», «инстинкты» — вот чем оперирует Г. Робертс. Исчезают и трезвый научный анализ, и теоретически обоснованное предвидение, и конкретные решения VI съезда партии о восстании в связи с новым революционным подъемом, и многое другое, что абсолютно опровергает «психологизирование» американского историка, как и аналогичные высказывания других авторов[3].

---

[1] *B. Pares.* A history of Russia, p. 482; *M. Fainsod.* International socialism and the world war. Cambridge (Mass.), 1935, p. 223; *R. Hingley.* Russian revolution, p. 89—90; *K.-H. Ruffmann.* Sowjetrussland, S. 26; *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 44.

[2] *H. L. Roberts.* Eastern Europe: politics, revolution and diplomacy, p. 252.

[3] *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 235; *R. Payne.* The life and death of Lenin, p. 344, 358.

И, как всегда, буржуазная историография обращается за поисками аргументов к антиленинским высказываниям оппортунистов и штрейкбрехеров революции. В ряде работ западных авторов встречается противопоставление В. И. Ленина с его «волей к власти» и «объективных реалистов» Г. Зиновьева и Л. Каменева. Об антиленинских выступлениях Г. Зиновьева и Л. Каменева в канун Октябрьского восстания пишет, например, Р. Макнил: «...предложенная ими тактика была гораздо более солидно обоснована с точки зрения марксистской теории»[1]. Таким образом, утверждения отступников от революционного курса, прикрывавшиеся ссылками на «марксизм», оказались в арсенале заведомых врагов революции и марксизма[2]. Такова неумолимая эволюция концепций, изменяющих подлинному марксизму. В. И. Ленин в канун Октябрьского вооруженного восстания, прекрасно осведомленный об аргументах Зиновьева и Каменева против взятия власти большевиками, разгромил попытки использовать фальсифицированный марксизм против политики пролетарской партии, псевдомарксистские ссылки на мнимое отсутствие объективных условий для победы восстания, на «отсутствие большинства» народа на стороне большевиков и т. п. Друг другу противостояли не «волюнтаризм» и «марксизм». Революционный марксизм, рассматривавший вооруженное восстание в назревших условиях как необходимый способ политического действия партии и рабочего класса, и предательство интересов пролетариата, штрейкбрехерство революции — вот подлинная дилемма в борьбе В. И. Ленина против Г. Зиновьева и Л. Каменева.

Имеется еще один «аргумент» в арсенале тех, кто отрицает научный, теоретически обоснованный и продиктованный обстановкой вывод большевистской партии о необходимости восстания: ссылки на якобы ошибочную оценку партией международной обстановки в канун Октября[3]. Выдвигая этот тезис, буржуазная исто-

[1] *R. McNeal.* The bolshevik tradition, p. 43.

[2] *R. Daniels.* The conscience of revolution, p. 57, 63; «Handbuch des Weltkommunismus». Freiburg — München, 1958, S. 61.

[3] *R. Daniels.* The bolshevik gamble. — «Russian review», 1967, vol. 26, N 4, p. 336; *idem.* Red October, p. 53, 72; *H. Jablonowski.* Russland, Polen und Deutschland. Gesammelte Aufsätze. Köln—Wien, 1972, S. 167; *A. Ulam.* Expansion and coexistence. Soviet foreign policy 1917—1973. New York, 1974, p. 50.

рография прежде всего пытается приписать В. И. Ленину троцкистский, капитулянтский подход к вопросу связи социалистической революции в России с революцией в Европе. По мысли буржуазных историков, близость мировой революции была главным аргументом В. И. Ленина в его борьбе за подготовку партией восстания, а «отсутствие» мировой революции выступает как «козырь» против научности ленинизма. Действительность показывает ошибочность подобных рассуждений.

На заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября В. И. Ленин, например, говорил о внутренних и внешних предпосылках успеха восстания. Однако основное внимание он уделял политическому положению внутри страны, выводя отсюда и общее направление деятельности партии, и практические шаги к восстанию. Преимущественно на анализе российской действительности строились его работы «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Марксизм и восстание» и др. В. И. Ленин в то же время неразрывно связывал революцию в России с назревавшей пролетарской революцией в Европе и во всем мире. Но существо этой связи заключалось отнюдь не в том, в чем его видят буржуазные авторы. Вопрос состоял прежде всего в следующем: каким образом пролетариат России может оказать наиболее эффективное содействие надвигавшейся международной революции, выполнить свой интернациональный долг — взяв власть или выжидая? Настоящий интернационализм, подчеркивал в октябрьские дни В. И. Ленин, «состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в *деле*»[1]. Таким «делом», доказательством подлинно пролетарского интернационализма, реальным вкладом в мировую социалистическую революцию и было осуществление вооруженного восстания российским пролетариатом, революционными массами, возглавленными большевистской партией. Именно на этом и концентрировал усилия партии ее вождь.

Советскими историками с исчерпывающей полнотой доказано, что ленинский анализ международного положения («восстание во флоте в Германии, как крайнее

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 280; см. также: т. 37, с. 291—305; т. 45, с. 378—382.

проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России... несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам...»[1]) на заседании ЦК партии большевиков 10 октября 1917 г. полностью соответствовал действительности[2]. В. И. Ленин учел и острые межимпериалистические противоречия, и мощную волну солидарности международного пролетариата с рабочими России, и неизбежность социалистических революций, и развитие коммунистического движения в Европе и т. д. «...Наша ставка была ставкой на международную революцию, и эта ставка безусловно была верна»[3], — говорил В. И. Ленин. План вооруженного восстания был строго научно обоснован как с точки зрения международной обстановки, так и с точки зрения внутренней.

Новым приемом идеологов буржуазии представляется попытка американского историка Н. Сола поставить под сомнение вывод о неотложности вооруженного восстания ссылками на «специфику» обстановки в Финляндии, где находился В. И. Ленин в августе — октябре 1917 г. По мысли этого автора, сила революционного движения, влияние финской социал-демократии, мощь большевистских вооруженных сил в Финляндии якобы предопределили настойчивость призывов В. И. Ленина к восстанию. Эти факторы, рассуждает Н. Сол, были локальными и преходящими[4]. Такие рассуждения американского историка не более чем домыслы. Неоправданность умозаключений Н. Сола в том, что Финляндию нельзя считать исключением с точки зрения развития классовой борьбы, готовности сил революции, сплоченности их вокруг большевистской партии и т. д. Можно перечислить немало других районов России, которые, если к ним подходить с критериями Н. Сола, были таким же «исключением». Вслед за ним амери-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 393.

[2] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 798—818; *В. В. Лебедев.* Международное положение России накануне Октябрьской революции. М., 1967; *А. В. Игнатьев.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 370—376, и др.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 2.

[4] *N. E. Saul.* Lenin's decision to seize power: the influence of events in Finland. — «Soviet studies», 1973, vol. 24, N 4, p. 505.

канские историки нашли еще одно такое «исключение» — Латвию[1]. Большевики, однако, пользовались не меньшим влиянием, на их стороне был решающий перевес сил, как показали выборы в Учредительное собрание, в пролетарских центрах страны, на Балтийском флоте, частично на фронте и т. д. Против аргументации Н. Сола говорит элементарная логика: находясь в Петрограде вне «специфических» условий Финляндии, В. И. Ленин с неменьшей настойчивостью и энергией агитировал за восстание. Страстные призывы В. И. Ленина ни в коей мере не определялись «спецификой» обстановки Финляндии или иного отдельного района России. Они основывались на научном анализе обстановки в стране в целом.

Не все буржуазные авторы заведомо ложно освещают принятие большевиками курса на вооруженное взятие власти. Можно найти ряд признаний неизбежности восстания как следствия, например, разрухи, паралича верхов и других факторов, анализ которых не требует от буржуазных историков рассмотрения теоретических и практических сторон большевистской политики. Выделяются в этом плане, как отмечено выше, работы ряда французских буржуазных исследователей[2]. Касаясь же историко-партийных вопросов, буржуазная историография неизменно стремится опровергнуть научность обоснования необходимости вооруженного восстания.

Начав с тенденциозного освещения VI съезда РСДРП(б), буржуазные авторы фальсифицируют также смысл писем В. И. Ленина «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», заседания ЦК партии 15 сентября 1917 г. Свои аргументы в пользу волевого решения о восстании они подкрепляют ссылками на то, будто большевистская партия сопротивлялась этому курсу. Ход рассуждений в данном случае тот же, что и при освещении Апрельских тезисов. Э. Карр, например,

---

[1] *S. W. Page, A. Ezergalis.* The Lenin-Latvian axis in the November seizure of power. — «Canadian Slavonic papers», 1977, vol. 19, N 1.

[2] *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline, p. 58, 59; *M. Ferro, R. Girault.* De la Russie a l'URSS. L'histoire de la Russie de 1850 a nos jours. Paris, 1974, p. 116—117; см. подробнее: *Н. В. Наумов.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии, с. 140—154.

проводит эту параллель: «...12, 13 и 14 сентября, делаясь все более нетерпеливым в своем вынужденном убежище, Ленин написал одно за другим два секретных письма в Центральный Комитет партии, заявив, что для большевиков настало время захватить власть вооруженным путем... Весь последующий месяц битва вокруг Апрельских тезисов повторилась в новом контексте...»[1] Э. Карру следуют и другие буржуазные историки[2]. А между тем эта «параллель» несостоятельна в свете того, что вкладывают буржуазные авторы в описание процесса принятия партией как Апрельских тезисов, так и задачи практического проведения вооруженного восстания. Подлинная параллель имеет место в логике фальсификации истории, в попытках подогнать факты под безжизненные схемы.

Фальшь освещения буржуазными авторами тактики большевиков в сентябре — октябре 1917 г. проявляется и в том, что выдвинутая В. И. Лениным в письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» задача военно-технической подготовки и непосредственного проведения восстания изображается ими как новая и неожиданная для партии. Так, английский историк Д. Вествуд пишет, что «решение Ленина добиваться немедленного захвата власти представляло собой изменение планов партии. Нелегко оказалось убедить партию принять его»[3]. Хорошо известно, как в действительности обстояло дело. Большевистская партия на этапах борьбы за демократическую и социалистическую революции всегда была готова к любым способам борьбы за власть. С победой Февральской буржуазно-демократической революции переход к социалистической революции стал непосредственной задачей партии. Не случайно Э. Тэден признает, что завоеванное в сентябре большинство в Советах Москвы и Петрограда «создало необходимые условия для немедленного действия в направлении, предложенном им (В. И. Лениным. — *Н. Р.*) пять месяцев назад в Апрельских тезисах»[4]. Оговорить

---

[1] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution, vol. 1, p. 103—104.

[2] *R. McNeal.* The bolshevik tradition, p. 42; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd, p. 181, 208.

[3] *J. Westwood.* Endurance and endeavour, p. 242.

[4] *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 446.

следует лишь то, что в Апрельских тезисах речь шла о мирном способе взятия власти.

Практическое осуществление восстания, о котором шла речь в письмах 12—14 сентября и на заседании ЦК 15 сентября, полностью соответствовало курсу партии. Начиная с тезисов «Политическое положение», написанных 10 июля 1917 г., В. И. Ленин неоднократно ориентировал партию на победу вооруженного восстания[1]. Решения VI съезда РСДРП(б), в частности о моменте «напряжения всех сил», т. е. о восстании, обсуждались в местных партийных организациях[2]. Конечно, в ряде случаев в августе и сентябре большевикам приходилось удерживать массы от преждевременных выступлений, которые могли быть на руку контрреволюционерам. На короткий период подавления корниловского мятежа партия выступила вновь за мирный путь взятия власти Советами. Такая гибкая тактика позволяла накапливать силы, готовить массы для выступления в момент предвиденного В. И. Лениным нового революционного подъема и обострения общенационального кризиса, что и стало очевидным к середине сентября. Но в целом курс на вооруженное восстание был курсом партии с августа 1917 г. Таким образом, говорить, будто ленинские предложения о восстании были для партии новыми и неожиданными, — значит грубо искажать исторические факты.

Факты говорят о том, что в соответствии с курсом VI съезда после заседания ЦК РСДРП(б) 15 сентября партия приняла ленинские предложения о непосредственной подготовке вооруженного восстания. Есть свидетельства В. И. Ленина, относящиеся ко второй половине сентября (датировка важна в свете усилий «советологов» доказать, будто задача непосредственной подготовки восстания не была принята партией), о поддержке партией его предложений. 22 сентября В. И. Ленин говорил о «нарастании новой революции» и подчеркивал: «...судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути», партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление, кажется, общепри-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 2, 5, 13, 29, 77—78 и др.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 200.

знанное партией»[1]. Несколькими днями позднее В. И. Ленин писал: «Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству»[2]. Во второй половине сентября поворот партии к непосредственной подготовке вооруженного восстания заметили меньшевики, эсеры, кадеты[3]. 27 сентября было принято постановление Московского областного бюро РСДРП(б), которое руководило работой большевиков 13 центральных губерний. В нем говорилось о «линии на восстание». Решения ЦК от 3 октября о приезде В. И. Ленина в Петроград подтверждают, что подготовка к вооруженному восстанию вступила в решающую фазу. Об этом же говорят решения Петербургского комитета и Петроградской конференции большевиков, ряда местных партийных организаций[4]. Есть даже свидетельство американского «советолога» А. Эзергалиса о том, что подготовка к восстанию большевиками Латвии велась уже во второй половине сентября[5]. Так в короткие сроки большевистская партия в чрезвычайно сложной обстановке, когда ее вождь находился в вынужденном подполье, перешла к непосредственному проведению вооруженного восстания.

Необоснованность рассуждений буржуазных исследователей об отношении партии к задаче вооруженного восстания в сентябре — октябре 1917 г. проявляется в преувеличении масштабов сопротивления ленинским предложениям со стороны оппортунистов и штрейкбрехеров. «Советологи» утверждают, будто не кучка капитулянтов, а значительная часть партии и ее Центрального Комитета выступила против проведения вооруженного восстания[6]. Но такие утверждения беспочвенны.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 258.

[2] Там же, с. 264.

[3] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 925.

[4] См. «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965». М., 1966, с. 267—269; «Очерки истории партийных организаций Кузбасса», ч. 1. Кемерово, 1973, с. 9; «Очерки истории Тамбовской организации КПСС». Воронеж, 1970, с. 64, и др.

[5] *A. Ezergalis.* The 1917 revolution in Latvia. New York, 1974, p. 251.

[6] *G. Scheuer.* Damals in Petrograd. — «Vorwärts», 1977, N 11, S. 29; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd, p. 181; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 307; «The anatomy of communist takeovers», p. 58; *C. Bettelheim.* Class struggles in the USSR, p. 83; *V. Fic.* Revolutionary war for independence and the Russian question. New Delhi, 1977, p. 125.

Против восстания открыто выступили Л. Каменев, Г. Зиновьев и их немногочисленные сторонники. Фактическим противником восстания был Троцкий. Отдельные члены партии проявляли колебания, выражали сомнения в успехе восстания. Однако эти настроения имели место, по выражению В. И. Ленина, в «верхах партии»[1]. Заседания ЦК 10 и 16 октября, партийные конференции[2], решения съездов Советов, многие другие факты (например, то обстоятельство, что ленинская статья «Кризис назрел» перепечатывалась десятком газет[3]) — все это свидетельства, что ни одна партийная организация, ни одна фракция большевиков в непартийных органах не выступали против вооруженного восстания. Доказательством того, что колебания в вопросе о восстании затронули только «верхи партии», является следующее высказывание А. С. Бубнова. «Их попытка перенести дискуссию в низовые организации, — писал он о поведении Г. Зиновьева и Л. Каменева после 10 октября, — была отвергнута крупнейшими партийными организациями. Расширенное заседание ЦК... подтвердило резолюцию (23) 10 октября»[4]. Газета «Рабочий путь» (№ 43) от 22 октября 1917 г. опубликовала обзор 56 резолюций, требовавших перехода всей власти в руки Советов, передачи земли крестьянам, демократического мира и т. д., т. е. лозунгов большевистского восстания.

В работах же буржуазных авторов наблюдается намеренное смещение акцентов. Нет, например, сомнения в том, что ряд большевистских руководителей, сознавая неизбежность восстания, нуждался в усвоении ленинских указаний о практических шагах по его подготовке и проведению, о его месте, времени и плане. «Нет оснований, в какой бы то ни было мере, даже в самой малой, отождествлять колебания и сомнения по военно-техническим вопросам восстания с антибольшевистской,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 263.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 256—258; «Очерки истории Горьковской организации КПСС», ч. 1. Горький, 1961, с. 407; «Очерки истории Ярославской организации КПСС». Ярославль, 1967, с. 159, и др.

[3] См. *В. П. Будников.* Большевистская печать в 1917 г., с. 176; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 933—934; «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 4, с. 378—398, и др.

[4] *А. С. Бубнов.* ВКП(б), с. 494.

антиленинской линией, которую проводили капитулянты и штрейкбрехеры революции — Каменев и Зиновьев»[1],— пишет Е. Н. Городецкий.

Однако А. Рабинович, как и другие буржуазные историки, неправомерно расширяя круг противников ленинского курса на восстание, включает в него тех, кому потребовалось время для уяснения плана В. И. Ленина, у кого были сомнения по техническим вопросам. Он, например, сделал противником восстания В. Володарского[2]. Но есть свидетельство очевидца, американского журналиста А. Р. Вильямса: «Некоторые историки намекали, будто одно время Володарский колебался в вопросе о моменте грядущего восстания. Но я знал его и никогда не замечал этого. Что касается третьего эшелона большевистских руководителей, они были едины в этом вопросе»[3].

Буржуазные авторы «не замечают», что общенациональный кризис в стране, вооруженные столкновения с контрреволюцией в Донбассе, Калуге, Ташкенте, забастовка железнодорожников, крестьянские волнения подводили большевиков к непосредственной организации вооруженного восстания. Противники восстания составляли ничтожное меньшинство. Но их позиция была вредной и опасной: Г. Зиновьев, Л. Каменев и Троцкий грубо нарушали партийную дисциплину, пытались саботировать принятые партией решения. Поэтому В. И. Ленин очень резко обрушивался на противников восстания. Вооруженное восстание назрело, и никакие происки оппортунистов не смогли остановить победного движения революции.

В свете этого представляются ложными попытки буржуазной историографии изображать позицию В. И. Ленина в период практической подготовки вооруженного восстания как волюнтаристский акт давления на партию. В. И. Ленин сыграл решающую роль в подготовке и успешном проведении Октябрьского вооруженного восстания. В частности, он сумел добиться изоляции противников восстания, прео-

---

[1] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства. М., 1965, с. 90.

[2] *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd, p. 218.

[3] *A. R. Williams.* Journey into revolution. Petrograd, 1917—1918, Chicago, 1969, p. 51.

долеть «парламентские» иллюзии, сплотить подавляющее большинство ЦК вокруг задач, связанных с осуществлением восстания. Борьба В. И. Ленина с оппортунистами принимала тем более острые формы, что противники восстания имели возможность агитировать в ЦК против немедленного взятия власти, прибегали к замалчиванию предложений вождя, к вычеркиванию из его статей указаний на ошибки проводившейся линии и т. д. Против таких фактов В. И. Ленин решительно протестовал, будучи убежден в гибельности для революции тактики оппортунистов. Для сплочения революционных сил В. И. Ленин в соответствии с нормами партийной жизни был готов выйти из ЦК, чтобы «оставить за собой свободу агитации в *низах* партии и на съезде партии»[1]. Непреклонность и страсть, проявленные В. И. Лениным в дни подготовки Октябрьского восстания, служат блестящим примером для революционных борцов. Несостоятельность позиций буржуазных авторов особенно очевидна при рассмотрении конкретных фактов истории партии: заседаний ЦК 15 сентября, 10 и 16 октября, директив В. И. Ленина и т. д.

На заседании Центрального Комитета партии большевиков 15 сентября члены ЦК были ознакомлены с письмами В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». ЦК заседал в составе 16 человек. Было постановлено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное «обсуждению тактических вопросов», т. е., очевидно, предложений В. И. Ленина о восстании. И. В. Сталин предложил разослать письма В. И. Ленина для обсуждения в наиболее важные организации. Вопрос решили перенести на ближайшее заседание ЦК. Затем на голосование было поставлено предложение о сохранении только одного экземпляра ленинских писем. За него высказались 6 членов ЦК, 4 были против, и 6 воздержались. Это голосование неодинаково оценивается в советской литературе. В одном исследовании говорится, что «было принято решение сохранить только один экземпляр писем»[2]. И. И. Минц пишет, что это предложение «нельзя было считать принятым», подтверждая свой вывод

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 282.

[2] «Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде», т. 2. Л., 1967, с. 207.

фактом широкой известности в партийных организациях писем В. И. Ленина[1]. Однако интерпретация этого голосования буржуазными историками далека от обоих истолкований. Л. Каменев выступил против предложений В. И. Ленина о вооруженном восстании. Но ЦК единодушно отверг резолюцию Л. Каменева. Было решено поручить членам ЦК, работавшим в Военной организации и Петербургском комитете партии, «принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и заводах». Так изложен ход заседания ЦК РСДРП(б) 15 сентября 1917 г. в протоколе[2]. Последующие события показали, что ряд членов ЦК, помимо противников восстания Г. Зиновьева и Л. Каменева, не сразу принял ленинские предложения. «Потребовался известный срок для изживания «парламентских» иллюзий у тех, у кого они носили характер временных заблуждений»[3], в особенности для усвоения того факта, что мирно взять власть, как еще некоторое время назад, после подавления корниловщины, считали большевики, Советы не могли.

Буржуазная историография, как правило, тенденциозно освещает этот документ ЦК: В. И. Ленин-де навязывал свою волю Центральному Комитету партии, в свою очередь ЦК чуть ли не единодушно отверг эти требования и постановил сжечь письма Ленина. Правда, некоторые авторы, чтобы свести концы с концами (письма ведь сохранились), добавляют, что один их экземпляр случайно уцелел[4]. Есть более сдержанные оценки, но не они определяют позицию буржуазных историков. Подлинные документы показывают, сколь далеки от истины версии фальсификаторов. И источники их информации столь же порочны. Так, в американской подборке документов об Октябрьской революции приведены мемуарные свидетельства Н. Бухарина, извлеченные из книжек Троцкого. Таким «проверенным» путем версия о «сопротивлении» ЦК В. И. Ленину рас-

---

[1] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 923.

[2] См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, с. 55.

[3] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 296.

[4] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 77; *R. Daniels.* Red October, p. 54; *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 360.

пространилась по многочисленным работам антикоммунистов[1].

Следует добавить, что и само содержание ленинских писем от 12—14 сентября в тех же неблаговидных целях излагается тенденциозно. Утверждается, будто В. И. Ленин требовал немедленного восстания[2]. Однако в письме «Большевики должны взять власть» об этом говорилось так: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*»[3]. Неверны и утверждения, будто письма требовали разгона Демократического совещания: в письме «Марксизм и восстание» говорилось об окружении Александринки (здесь шли заседания этого совещания). В. И. Ленин подчеркивал, что его предложения — примерный план действий[4]. Это немаловажная деталь. Как видим, факты однозначно показывают, что большинство руководящего органа партии — ЦК во главе с В. И. Лениным боролось против оппортунизма Л. Каменева и Г. Зиновьева, против позиции Троцкого, считавшего нужным отложить восстание до II Всероссийского съезда Советов. Стремление буржуазной историографии «драматизировать» заседание 15 сентября мало обосновано. Именно здесь, в отправной посылке для домыслов о подготовке большевиками восстания, фундамент интерпретаций тактики партии большевиков является весьма шатким.

В освещении заседаний ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября 1917 г. «советологи» вновь противопоставляют В. И. Ленина партии, ее Центральному Комитету; вновь ход заседаний изображают так, будто имело место сопротивление значительной части членов ЦК курсу на восстание. Советские историки подвергли обстоятельному разбору работы буржуазных исследователей, в частности искажение последними хода дебатов, с тем чтобы изобразить рабочий класс Петрограда и его гар-

---

[1] *J. Bunyan, H. H. Fisher.* The bolshevik revolution 1917—1918. Documents and materials. Stanford (Calif.), 1934, p. 54; *R. Abramovitch.* The Soviet revolution, p. 78; *M. Liebman.* La revolution russe, p. 278.

[2] *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd, p. 187—188, 191.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 240.

[4] См. там же, с. 247.

низон безразличными к призывам большевиков[1]. И в новейшей буржуазной литературе подобный ход рассуждений сохранился[2]. Ряд работ буржуазных историков содержит утверждение, будто Г. Зиновьев и Л. Каменев не были в одиночестве, что отсутствовавшие члены ЦК были-де «тоже» на стороне этих оппортунистов[3]. Выдвигая подобную версию, буржуазные авторы вновь искажают факты. Краткие протокольные записи заседаний ЦК партии большевиков 10 и 16 октября не отразили всего хода заседаний. Но, как отмечал В. И. Ленин, «про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что *большинство* из них *не согласно* с Зиновьевым и Каменевым»[4].

Буржуазные историки в освещении борьбы против оппортунистов Зиновьева, Каменева, Троцкого расходятся с действительностью. Версии буржуазных авторов — грубая и примитивная фальсификация реальной истории, интерпретация, резко контрастирующая с всесторонним анализом этих проблем, данным советскими исследователями[5].

И. И. Минц, разоблачая вымыслы «советологов» об отношении Центрального Комитета к ленинскому плану, подчеркивает: «Буржуазные фальсификаторы тщательно обходят основной факт, а именно то, что почти 85% членов Центрального Комитета поддержали предложение Ленина о немедленном восстании. В истории

---

[1] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 954—955; *его же.* Невероятные шансы Роберта Даниэлса. — «Коммунист», 1969, № 5; *Ю. И. Игрицкий.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 188—190; *Г. Т. Косых.* Критика современной английской буржуазной историографии по вопросу о тактике большевистской партии в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. — «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС», с. 197—198, и др.

[2] *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power, p. 85—86; *J. Westwood.* Endurance and endeavour, p. 242—243; *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 446; *S. Cohen.* Bukharin and the bolshevik revolution. A political biography. New York, 1973, p. 3; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd.

[3] *M. Liebman.* La revolution russe, p. 283; *G. Walter.* Lenine, p. 360.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 424.

[5] См. «Партия и Великий Октябрь». Историографический очерк. М., 1976.

можно найти немного примеров такого единодушия накануне столь крупного решающего поворота, каким был переход партии к прямой атаке старого строя и созданию нового общества. Это единодушие объяснялось всей предшествующей историей партии, единством ее теоретических и организационных взглядов, вдохновляющей и организующей работой Ленина»[1]. Научно обоснованный план вооруженного восстания, глубокий анализ экономического положения страны, разработанные основы плана выхода из войны, разрухи и кризиса, приступа к созданию основ социалистического общественного строя и т. д. — все это имела большевистская партия в своем теоретическом арсенале к октябрю 1917 г. Быстрая и полная победа вооруженного восстания в Петрограде, триумфальное шествие Советской власти — яркое доказательство правильной, научно обоснованной стратегии и тактики партии, умения владеть наукой и искусством руководства борьбой масс в революции.

* * *

Итак, буржуазные интерпретации вопросов стратегии и тактики большевистской партии в трех революциях направлены на фальсификацию руководящей роли партии в борьбе пролетариата, жизненно важных проблем революционного, пролетарского движения. Подвергая сомнению научность марксистско-ленинской теории и разрабатывавшихся на ее основе политики, стратегии и тактики большевистской партии, буржуазная историография стремится оттолкнуть передовую общественную мысль своих стран от марксизма-ленинизма. В. И. Ленин, большевики показали мировому коммунистическому движению образец развития этой теории на основе обобщения уроков революции с позиций научного мировоззрения. Верность большевистской партии принципам марксизма-ленинизма, применение их на практике — один из источников ее всемирно-исторических побед. «...Всю свою революционно-преобразующую деятельность... КПСС строит на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм — это единственная надежная основа для разработки пра-

[1] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 2, с. 954—955.

вильной стратегии и тактики»[1], — говорится в документах XXV съезда КПСС.

Вся враждебная ленинизму буржуазная историография с самого своего зарождения и по настоящее время обнаруживает одну закономерность: стремление различными способами опровергнуть научный, марксистско-ленинский характер политики, стратегии и тактики большевистской партии как основы осуществления ее руководящей роли в революционной борьбе. При этом идеологи буржуазии широко используют ревизионистский по своему происхождению аргумент, будто стратегия и тактика большевиков не являются марксистскими, а потому и ненаучны. Отметим, что они фактически подтверждают справедливость указания В. И. Ленина на закономерность стремления ревизионизма и буржуазной идеологии рядиться в марксистские одежды.

На разных этапах кризиса буржуазной идеологии, кризиса капитализма идеологи буржуазии и их «поставщики идей» — ревизионисты и ренегаты по-разному решали задачу «отлучения» политики большевистской партии от марксистско-ленинской теории. Немало версий ушло в прошлое; целый набор фальсификаторских концепций используется современными «советологами». Различные группки буржуазных и ревизионистских авторов, подчас противореча друг другу, по-разному освещают значение марксизма-ленинизма в борьбе большевиков за демократическую и социалистическую революции, проблемы большевистской политики. Однако эта мозаичная картина имеет четко выраженный антикоммунистический характер. В основе связи ее отдельных частей лежат затасканные антиленинские, антибольшевистские домыслы политических противников ленинизма в России и в западной социал-демократии. Связь идет и по линии «методики»: для «доказательства» своих положений буржуазные авторы неизменно вынуждены прибегать к фальсификациям, к искажению действительности. Есть общность и гносеологического порядка. Она заключается в неспособности буржуазных и ревизионистских идеологов признать связь марксистско-ленинского учения с практикой революционного рабочего движения, с искусством революционного руковод-

[1] «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. 1, с. 97.

ства, что ярко демонстрирует история большевистской партии. И конечно, главная и решающая сторона этой связи — классовая заданность позиций буржуазных и ревизионистских историков, исключающая сколько-нибудь непредвзятый подход к анализу роли марксистско-ленинской теории в революционном движении рабочего класса России.

Из рассмотренных выше положений буржуазной историографии представляется возможным вывести заключение об основных приемах фальсификации большевистской политики, стратегии и тактики в трех российских революциях:

изображение поворотных революционных событий «неожиданными» для большевиков. Таким образом отрицается научность большевистского мировоззрения, дававшего возможность предвидеть основные тенденции общественного развития;

приписывание большевистской партии целого ряда «поворотов» в стратегии и тактике, а имевшие место в действительности объективно необходимые повороты в политике игнорируются. Так навязывается представление об отсутствии в большевистской политике твердой научной основы;

большевикам приписывается целый ряд «заимствований» у разного рода мелкобуржуазных, антимарксистских идеологов. На этом пути, проложенном ревизионистами, буржуазная историография столь же неизменно, сколь и лицемерно, представляет оппортунистов «истинными» марксистами, а большевиков «отлучает» от марксизма;

конструируется целый ряд столкновений между В. И. Лениным и большевистской партией по стратегическим и тактическим вопросам. Это способ очернения подлинно научного, марксистского вклада В. И. Ленина и большевистской партии в революционную теорию, отрицания общезначимости ленинских теоретических положений, сформулированных на опыте трех российских революций;

крайне тенденциозно, обедненно освещаются труды В. И. Ленина как основа генеральной линии большевистской партии. Незаинтересованные в раскрытии подлинных идей В. И. Ленина, идеологи буржуазии пытаются создать у читателей ложные представления о якобы неглубоком фундаменте политики большевиков.

Борьба большевиков в период трех революций продемонстрировала миру научность марксизма-ленинизма. Подтверждена она и успешным повторением целого ряда общезначимых сторон стратегии и тактики большевиков коммунистическими партиями других стран, в иных условиях. «...За наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность»[1]. Эти слова В. И. Ленина, сказанные в 1905 г., и сейчас актуальны и верны. Не в интересах идеологов буржуазии признавать этот факт, тем более изучать и излагать истинную сущность революционной политики большевиков. По существу марксистско-ленинской теории и политике «вменяется в грех» далекий от кабинетности революционный дух. Большевиков на все лады винят в том, что они поставили марксистско-ленинскую теорию на службу революционной практике, революционной политике, задачам революционного преобразования мира. Такое обвинение закономерно в устах тех, кто стоит на позициях контрреволюционных. С позиции сторонников социалистической революции, это важнейшее достояние исторического опыта большевистской партии.

Нетрудно заметить, что буржуазная историография стоит на метафизических позициях, извращенно трактует диалектику связи теории и практики. В рассуждениях буржуазных обществоведов или теория отрывается от жизни и практика лишается научности, или теория приравнивается к практике. Эта дилемма является ложной. Большевистская партия на практике продемонстрировала общие закономерности применения теоретических принципов марксизма-ленинизма. В частности, была доказана необходимость овладения революционной, пролетарской партией искусством революционного действия как связующего звена теории с практикой. Большевики во главе с В. И. Лениным, верные принципам марксистской теории, показали умение дополнить науку революции искусством революционного руководства массами. Об актуальности этой задачи и говорит концентрация огромных фальсификаторских усилий на вопросах большевистской стратегии, тактики, политики. «**Марксизм-ленинизм был и остается единственно верной наукой коммунизма, непревзойденным искусст-**

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 65.

вом политического руководства революционным творчеством масс»[1], — подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Свою стратегию и тактику на современном этапе КПСС основывает на марксистско-ленинской науке, служащей руководством к действию. Ленинская научно обоснованная политика Коммунистической партии — залог успешного коммунистического строительства. Верность марксистско-ленинскому подходу к решению задач общественного развития — непременное условие дальнейших успехов всех сил мирового социализма.

---

[1] «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 26.

Глава III

Критика буржуазной историографии борьбы большевиков за массы

Опыт партии большевиков по сплочению рабочего класса, по завоеванию поддержки и доверия трудящихся масс чрезвычайно важен для мирового коммунистического движения. Актуальна проблема борьбы большевистской партии за массы в трех революциях и потому, что с ней непосредственным образом связаны вопросы демократизма социалистического общества, его духовного и политического единства, единства партии и народа. Закрывая историческую сессию Верховного Совета СССР, принявшую новую Конституцию, Л. И. Брежнев сказал: «Весь опыт шестидесятилетнего развития по пути Октября подтверждает, что наша сила — в нерушимом единстве партии и народа. Это — источник дальнейшего расцвета социалистической демократии, всех наших побед. Это — гарантия полного торжества коммунизма»[1]. Единство партии и народа имеет свою историю, первые страницы которой были написаны В. И. Лениным и его соратниками. В условиях современной идеологической борьбы антикоммунисты, «советологи» пытаются фальсифицировать глубоко народный характер социалистической революции и создаваемого ею общественного строя.

Советские историки противопоставили вымыслам идеологов буржуазии убедительную картину борьбы в трех российских революциях миллионных масс рабочих, крестьян, трудящихся угнетенных национальностей России[2]. Однако позиции буржуазных историков по вопро-

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 547.

[2] См. *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии, с. 46—56, 104—123; *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в

сам борьбы партии за массы в буржуазно-демократических, в Великой Октябрьской социалистической революциях подробно не рассматривались.

Буржуазная историографическая мысль не могла и не может дать верный анализ соотношения борьбы масс, классов, партий, их вождей, выйти из заколдованного круга теорий, сходных с пресловутой «теорией героев и толпы». Правда, длительная эволюция все же вынудила «советологов» отказаться от некоторых ставших абсурдными вариантов этих утверждений.

Определенная часть буржуазных историков делает попытки интерпретации проблемы «верхов» и «низов», борьбы большевистской партии за массы в трех революциях. Одной из постоянных черт такого анализа, его классовым стержнем является противопоставление большевиков трудящимся. На разные лады муссируется тезис о большевистской партии как об «элите», якобы чуждой массам группке профессиональных революционеров; массы же со своей стороны представляются как политически неопытная толпа, легкая добыча обмана и демагогии. По книгам буржуазных авторов кочует антиномия: большевики — «политически подготовленные, хорошо дисциплинированные», массы — «политически невежественные и доверчивые»[1]. Отношение сконструированной «элиты» к массам передается столь же искаженно: «недоверие», «страх перед стихийностью», «снисходительность к массе», «подозрительность», «скрытое презрение»[2]. Более «дипломатичные» из буржуазных ис-

англо-американской буржуазной историографии, с. 165—179; *Ю. И. Игрицкий.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 126—196; *Н. В. Наумов.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии, с. 154—177; *Г. А. Ясковец.* Правда и ложь о рабочем классе, с. 134—164, и др.

[1] *P. Selznick.* The organizational weapon. A study of bolshevik strategy and tactics. New York, 1952, p. 254; *H. Seton-Watson.* The pattern of communist revolution. A historical analysis. London, 1960, p. 30; *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland. 1905—1921. Leiden, 1958, S. 204; *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution. New York, 1964, p. 235; *T. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? A reapprisal of the Russian revolution. 1900—1930. Philadelphia—New York, 1964, p. 127.

[2] *L. Schapiro.* The origin of communist autocracy. Political opposition in the soviet state. First phase, 1917—1922. London, 1955, p. 356—357; *R. McNeal.* The bolshevik tradition. Lenin, Stalin, Khrushchev. p. 33; *P. Pomper.* The Russian revolutionary intelligentsia,

следователей ведут речь об отсутствии «естественной органической связи» партии и трудящихся[1]. Политически реакционный характер этого противопоставления очевиден. Так, американский «советолог» Т. Хэммонд утверждает, будто В. И. Ленин в работе «Что делать?» обнаружил «глубокое недоверие к спонтанности» масс[2]. Этот довод автор пытается подкрепить нагромождением нелепых вымыслов, извращением подлинных взглядов В. И. Ленина. Тем не менее в нем квинтэссенция того, что уже десятилетиями пишет «советология».

Большевики высоко ценили революционную инициативу и творчество масс. «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...»[3] — писал В. И. Ленин. Он, повторяя слова К. Маркса о парижских коммунарах, подчеркивал, что *«историческую инициативу* масс Маркс ценит выше всего»[4].

Насколько не оправданы попытки возвести стену между ленинской партией и рабочим классом, говорят исторические факты. В период «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вспоминала Н. К. Крупская, В. И. Ленин много работал над/тем, чтобы «наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой»[5]. Партия большевиков с самого начала своей деятельности находилась в гуще масс, знала их запросы и настроения, умела понять массы и правильно подойти к ним, воспитывать революционную сознательность. В. И. Ленин призывал проверять «на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она»[6].

---

p. 187; *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline (1917—1953), p. 33; *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground. A study of the RSDRP in the Ukraine, 1907—1914, p. 12.

[1] *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 266.

[2] *T. Hammond.* Preface to: «The anatomy of communist takeovers», p. 3.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 377.

[5] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 20.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 37.

Три революции в России — яркое историческое подтверждение неразрывной связи большевистской партии с рабочим классом, с трудящимися массами. Путем воспитания, убеждения, выработки на основе идей марксизма-ленинизма собственного опыта масс партия большевиков неустанно, по-ленински работала над укреплением этой связи. КПСС всегда была и остается верна ленинским заветам. «Дальнейшее расширение и углубление связей партии с народом — необходимое условие успеха в борьбе за коммунизм»[1], — подчеркивается в Программе КПСС.

Отношение к стихийности рабочего движения — один из водоразделов между революционным марксизмом и реформизмом. Большевистская партия вела длительную, упорную работу по внесению сознательности и организованности в движение масс. Вот слова В. И. Ленина: «...надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности»[2]. Победа социалистической революции в России — результат успеха в этой работе. Частые ссылки «советологов» на «стихийность», превращение ее в критерий отношения партии к массам при внимательном рассмотрении показывают, что буржуазных авторов «стихийность», «спонтанность» вполне устраивают: предоставленное самому себе стихийное рабочее движение идет к реформизму. Сбить пролетариев на этот путь — цель буржуазии, ее идеологов, фальсификаторов истории большевистской партии. Между тем история трех русских революций доказывает, что рабочее движение по своей природе тяготеет к научному социализму, вносимому в массы коммунистической партией. Единство партии и рабочего класса, всего народа имеет под собой объективную основу. Задача завоевания и укрепления единства партии и народа требует огромных усилий. На разных этапах она решается по-разному. Но это единство достижимо. В нем — основа успехов коммунистического движения.

Фальсификация идеологами буржуазии отношения большевиков к стихийному рабочему движению в значительной мере носит демагогический характер. Коммунистов «стихийность» действительно не устраивает.

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1978, с. 140.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

Это — начальный, исходный уровень рабочего движения, цель же коммунистов — поднять пролетариат, всех трудящихся до уровня революционной сознательности, сознательности передового класса, осуществляющего свою роль правящего класса в социалистическом обществе. В этом гуманизм политики партии. Буржуазно-реформистские идеологи фактически консервируют уровень сознательности рабочего класса, уровень «стихийности», исходя из задачи сохранения существующего строя, отводящего пролетариям роль угнетенного класса. Таков антигуманный смысл рассуждений буржуазных историков о мнимом «недоверии» большевиков к стихийному рабочему движению.

Через работы буржуазных авторов проходит еще один концепционный элемент. Большевиков представляют небольшой по численности группой, «меньшинством»[1]. Эта уловка пускается в ход явно в расчете на культивируемые на Западе обывательские представления о том, будто в противовес социалистическим странам при капитализме страной управляет «большинство». Подобные оценки являются спекулятивными. Формально большевики не составляли большинства нации и даже рабочего класса. Более того, после прихода к власти партия регулирует прием в свои ряды новых членов. Но это ни в какой мере не значит, что коммунисты — «меньшинство». История КПСС — убедительная демонстрация того, как большевики сумели стать выразителями интересов огромного большинства населения России: рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции, всех угнетенных и эксплуатируемых. Лучшие, наиболее сознательные и преданные делу революции представители трудящихся связали свою жизнь с партией Ленина. Политика партии — научно сформулированные потребности общественного развития, интересы

[1] *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline (1917—1953), p. 30; *H. Mehlinger, J. M. Thompson.* Count Witte and the tsarist government in the 1905 revolution. Bloomington—London, 1972, p. 8; *U. Germanis.* Oberst Vacetis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974, S. 273; *R. O. Paxton.* Europe of the twentieth century. New York, 1975, p. 137; *O. H. Radkey.* The unknown civil war in Russia. Stanford, 1976, p. 1; *L. Schapiro.* Two years that shook the world. — «New York review of books», March 31, 1977, p. 3; *G. Scheuer.* Oktobermythos und das Ende des Parlaments. — «Vorwärts», Januar 12, 1977, S. 28.

рабочего класса, трудящихся всех национальностей. В этом одна из главных причин успеха большевиков в борьбе за демократию и социализм.

Вышеназванные концепции не признают за массами их роли в историческом процессе. Между тем мощный подъем революционного освободительного движения на всех континентах продемонстрировал несостоятельность такого подхода к народным массам. Буржуазная социология разработала «теорию массового общества», оказавшую влияние и на историографию. Перед буржуазными исследователями всегда стоял вопрос (который задавали себе многие на Западе): чем объяснить такие факты истории, как громадный численный рост большевистской партии в 1917 г. (а также в годы первой русской революции), сохранение ее в тяжелейших условиях столыпинской реакции, первой мировой войны, поражение антибольшевистских сил в гражданской войне и т. д.? И «советологи» стали разрабатывать концепции, которые путем тенденциозных трактовок движения масс, рабочего класса, крестьянства и т. д. (сюжеты, ранее игнорировавшиеся) по-иному подкрепляли бы тезис о противопоставлении партии массам. Так сложились условия для распространения концепции революционного движения масс как «волны анархии», «хаоса» и т. п. Эта версия особенно широко используется при освещении Октябрьской революции, хотя делаются попытки использования ее для характеристики Февральской и первой русской революций.

Профессор одного из канадских университетов Д. Кип заявляет: «Хаос и анархия — вот слова, которые наилучшим образом описывают состояние России в 1917 г.»[1]. Такого же мнения придерживаются и многие другие авторы[2].

По своей идеологической функции концепция «анархической волны» развивает линию «заговорщических» аргументов, противопоставления большевистской партии

---

[1] *J. Keep.* The Russian revolution, p. IX.

[2] *A. Ulam.* A history of Soviet Russia. New York, 1976, p. 11; *T. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? A reapprisal of the Russian revolution. 1900—1930, p. 127—128; *H. Jablonowski.* Russland, Polen und Deutschland, S. 164; *E. R. Wolf.* Peasant wars of the twentieth century. New York, 1969, p. 85; *S. Cohen.* Bukharin and the bolshevik revolution, p. 45; *J. Bradley.* Civil war in Russia 1917—1920. Sydney, 1975, p. 15—16; *A. Nove.* An economic history of the USSR, p. 32—33.

народным массам. Но решается эта задача и путем фальсификации истории большевистской партии, и путем фальсификации характера массового революционного движения. Такой прием используется буржуазными исследователями для того, чтобы показать мощный подъем борьбы народных масс. Но как и прежние версии, он демонстрирует нежелание идеологов буржуазии понять объективную обусловленность протеста масс против эксплуататорского строя, принципиальную враждебность «советологов» народу и народной революции. «Анархическая волна» — это увиденные глазами буржуазии революционное творчество масс, «праздник угнетенных и эксплуатируемых». На этот прием клеветы указывал В. И. Ленин в 1905 г.: «Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории», — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план»...»[1] В 1917 г. В. И. Ленин вновь разоблачал логику таких суждений: «Если царь или бравый генерал захватит власть, то это от бога, это порядок. Остальное — анархия»[2]. Очевидно, все реакционеры воспринимают так движение масс, их революционное творчество. А идеологи буржуазии в угоду им искажают историческую реальность.

Но тенденциозные концепции всегда обнаруживают свою недостоверность при сопоставлении с фактами истории. Один из сторонников этой концепции, Л. Хеймсон, объясняет поддержку рабочими большевиков тем, что «рабочие в 1917 г. явно были настроены разгромить всю существующую политико-социальную надстройку»[3]. Рабочий класс России разрушил аппарат насилия и угнетения, но действовал он как класс-творец, класс — созидатель нового общества (создание Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — государственной власти нового типа; движение за рабочий контроль, за спасение средств производства от разрухи и саботажа)[4].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 327.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 196.

[3] *L. Haimson.* The parties and the state: the evolution of political attitudes. — «Transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861». Cambridge (Mass.), 1960, p. 143.

[4] См. «Гегемония пролетариата в трех русских революциях», с. 296—351; *Г. А. Ясковец.* Правда и ложь о рабочем классе, и др.

Концепция «анархической волны» приводит буржуазных авторов к фальсификации фактов влияния большевиков на массы. «В целом, — заявляет Г. Эллисон, — большевики так же мало управляли приливной волной народной революции, как и Временное правительство»[1], а Д. Кармайкл ищет подкрепление этому тезису в июльских событиях[2]. Однако действительные исторические события показали необоснованность подобного подхода к большевистской партии. Партия удерживала рабочих и солдат Петрограда от выступления; когда оно стало фактом, большевики сумели придать выступлению характер мирной и организованной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!», а затем совершить еще более сложный маневр: вывести рабочих и солдат столицы, моряков Балтики из-под готовящегося удара контрреволюции[3].

Таким образом, действительный характер движения народных масс в российских революциях, выработанная годами борьбы способность большевистской партии сближаться с пролетарскими и непролетарскими массами трудящихся России, осуществляя руководство их действиями, показывают иллюзорность представлений буржуазных историков о революционном движении масс в трех революциях как о некой «анархической волне». Поэтому поиск «советологами» новых концепций не прекратился.

Современная буржуазная историография в ее стремлении лжеинтерпретировать народный характер социальных революций в России, единство партии и трудящихся разрабатывает приемы дробления революционных сил, концепцию, которую можно назвать концепцией «автономных потоков». Д. Кармайкл, например, показав движение солдат, крестьян, рабочих, заявляет: «Большевики, конечно, использовали эти три движения максимально искусно и со значительной дозой успеха, но по своей сути эти три движения возникли независимо от большевиков и были безразличны к их действи-

---

[1] *H. Ellison.* History of Russia. New York, 1964, p. 312.

[2] *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution, p. 98.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 157; *И. Ф. Петров.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964, с. 278—282; *О. Н. Знаменский.* Июльский кризис 1917 г. Л., 1964, с. 219—220, и др.

тельным политическим целям»[1]. Концепция эта имеет свои корни. В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин подверг уничтожающей критике аргументы соглашателей, будто пролетариат и его партия изолированы от непролетарских, крестьянских масс[2].

Концепция «автономных потоков», признавая влияние большевиков в марте — октябре 1917 г. на отдельные отряды рабочего класса, в определенной мере и на армию (здесь «советологи» вынуждены отказаться от прежних версий), отрицает способность рабочего класса и его авангарда привлечь на свою сторону основную массу населения России — крестьянство, а также трудящихся угнетенных национальностей. Эта концепция весьма удобна при освещении революционных событий в национальных районах страны, в деревне, в армии.

Между тем нет никаких ни теоретических, ни фактических оснований для утверждений об обособленности, «автономности» отдельных революционных потоков в ходе демократических и социалистической революций в России. Для прочного союза рабочего класса и крестьянства всех национальностей России имелись экономические, социальные и политические предпосылки. Рабочий класс и крестьянство составляли огромное большинство личного состава армии и флота; аграрно-крестьянским был в основном по своему характеру и национальный вопрос в России. Социальные противоречия, все тяготы повседневной жизни трудящихся многократно усугублялись в обстановке мировой империалистической войны. К 1917 г. партия большевиков пришла с накопленным опытом работы в массах рабочих, крестьян, трудящихся всех национальностей, в армии. Она, «опираясь на союз рабочего класса и крестьянства, смогла объединить и направить к единой цели различные революционные потоки: социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционную борьбу крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов, всенародное требование мира и прекращения кровавой империалистической войны»[3]. Отрицать этот факт, говорить об «ав-

---

[1] *J. Carmichael.* A short history of the Russian revolution, p. 147.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 297—300.
[3] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 9. М., 1972, с. 290.

тономности» отдельных революционных потоков — значит вступать в противоречие с исторической действительностью.

Неверно было бы не замечать наличия в буржуазной литературе отдельных признаний влияния большевиков в народных массах. Однако эти признания носят частный характер, нередко вписываются во враждебные большевизму концепции. Современные «советологи» признают значительную, но якобы кратковременную поддержку большевиков крестьянами. При этом они ссылаются на успех большевистской пропаганды[1]. Определенные авторы, лавируя между фактами истории и антиисторическими схемами, отдают должное большевистской партии, ее способности вести за собой народ. «...Большевики основывали свою власть на прочном фундаменте поддержки масс»[2], — пишет Р. Уорс. «...Ленин и его соратники самым категорическим образом были против любых попыток захвата власти, пока за ними не было большинства в Советах, по меньшей мере в основных центрах»[3], — констатирует Д. Коул. Но даже на этом фоне выделяется оценка итальянского историка Ф. Сольяна: «Связь масс с советским строем... сохранилась на десятилетия и сохраняется до сих пор. Без достаточно широкого и прочного фундамента народной поддержки никакой строй не может продержаться длительное время и, конечно, не пятьдесят лет»[4]. Слова Ф. Сольяна обнажают самое уязвимое место в рассуждениях и концепциях буржуазных историков. Наиболее убедительный аргумент против их построений — реальные факты истории, историческая проверка единства партии и народа, истоки которого — в героической борьбе трудящихся России под руководством большевистской партии против самодержавия и капитализма. Успехи советского народа в коммунистическом строи-

---

[1] *D. Geyer.* Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart, 1968, S. 1979; *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline (1917—1953), p. 73; *L. Schapiro.* Two years that shook the world, p. 3.

[2] *R. D. Warth.* The Allies and the Russian revolution. From the fall of the monarchy to the peace of Brest-Litovsk. Durham, N. C., 1954, p. 162.

[3] *G. D. H. Cole.* Communism and social democracy 1914—1931. London—New York, 1958, p. 79.

[4] *F. Soglian.* La rivoluzione russa. Bari, 1968, p. 306.

тельстве демонстрируют всему миру тщетность поисков идеологами империализма трещин в этом единстве.

Таковы концепции, предопределяющие подход буржуазных авторов к освещению борьбы большевиков за массы в годы трех революций в России. Их тенденциозность на конкретном историко-партийном материале будет подвергнута критическому анализу ниже.

Ленинская партия во главе пролетариата на этапе демократической революции. Критика антикоммунистических концепций

Революция 1905—1907 гг. стала генеральной репетицией Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций не в последнюю очередь потому, что в открытом политическом выступлении всех классов общества проявилась авангардная роль руководимого большевиками пролетариата, усилилось влияние в массах ленинской партии. Эта классовая оценка первой русской революции следует из признания объективной связи демократической революции с социалистической, из стремления марксистской исторической науки раскрыть революционный опыт большевиков по руководству борьбой рабочего класса за выполнение им своей исторической миссии. Эта направленность определяет анализ характера первой русской революции, расстановки в ней классовых сил, форм борьбы, ее значения.

Из противоположной классовой установки исходят буржуазные авторы. В основе их концепций первой русской революции лежит стремление обосновать тезис об «открытых возможностях» буржуазно-помещичьего строя, сконструировать такую модель эволюции России, которая бы исключала социалистическую революцию 1917 г. Антиреволюционная направленность этой установки реализуется в манипуляциях классовым содержанием революции 1905—1907 гг., в принижении авангардной роли рабочего класса, в отрыве большевистской партии от пролетарской борьбы.

Буржуазная историография, реализуя свои установки, нередко изображает первую русскую революцию как некую «неразбериху», «не обнаруживает» в ней подлинно революционных сил, принижает революционную роль рабочих и крестьян, отрицает руководящее положение в революционно-демократическом лагере большевистской

партии[1]. Тенденциозность такой концепции бросается в глаза даже отдельным буржуазным историкам. «Революция 1905 г. все еще рассматривается западными историками в основном как ряд стихийных взрывов и неорганизованных всплесков», — пишет Ш. Галай, выдвигая взамен насквозь несостоятельную «идею»: первой русской революцией-де руководили «освобожденцы», кадеты[2] — фактические изменники революции. Политическая подоплека этих разглагольствований ясна: не оставить места в истории революции 1905—1907 гг. ни пролетариату, ни его партии.

Конечно, есть в современной буржуазной литературе оценки более осторожные, учитывающие в какой-то мере исторические факты. Получила, например, распространение обтекаемая формула О. Анвайлера, назвавшего пролетарское стачечное движение «самой динамичной силой» революции[3]. Однако и в этом варианте целевая установка не меняется. Высшей точкой рабочего движения объявляется создание Советов, деятельность их изображается в меньшевистском духе; вооруженное восстание характеризуется как непролетарская форма борьбы и т. д.[4], т. е. извращаются факторы, благодаря которым пролетариат выполнил роль вождя буржуазно-демократической революции.

Это прежде всего выступление пролетариата в общенародном движении как самостоятельной, отдельной от либералов силы. Пролетариат, выступив под лозунгами большевистской партии и под ее руководством, повел за собой крестьянство, весь революционно-демократический лагерь. Массовые политические стачки, эта специфически пролетарская форма борьбы, на всем протяжении

---

[1] *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 95; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union. London, 1970, p. 67; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 300; *Y. Trotignon.* Le XXe siecle en URSS. Paris, 1976, p. 43.

[2] *S. Galai.* The role of the Union of unions in the revolution of 1905. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, Bd. 24, N 4, S. 519.

[3] *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 41.

[4] *H. Seton-Watson.* The Russian empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. 601; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 257; *C. Sirianni,* rec. on: *O. Anweiler.* The soviets: the Russian workers', peasants and soldiers councils, 1905—1921. — «Telos», 1975, N 24, p. 180.

первой русской революции были важнейшим средством активизации всех революционных сил[1].

Ведущая роль рабочего класса в революции ярко проявилась в создании Советов рабочих депутатов, органов руководства стачечной борьбой, органов народного восстания и борьбы за власть. Вооруженные восстания рабочих России знаменовали высшую точку первой русской революции[2]. Конечно, выступлениям рабочих не хватало сплоченности и организованности, наступательности. Были в действиях рабочих элементы стихийности.

Буржуазные авторы видят в рабочем движении в период первой русской революции только негативные черты. Но недостаточные организованность и наступательность не изменили целей политического выступления рабочего класса. Как показал опыт первой русской революции, в осуществлении гегемонии рабочего класса решающую роль играет наличие передового, сплоченного авангарда — большевистской партии, ее организаторская, массово-политическая, пропагандистская работа. Опыт революции 1905—1907 гг. подтвердил необходимость доведения до конца борьбы против оппортунизма, необходимость сплочения рабочего класса вокруг передовой, революционной партии. За это вели борьбу В. И. Ленин и большевики в годы первой русской революции, в последующий период. К истории этой борьбы привлечено внимание марксистской исторической науки. Идеологи буржуазии, исходя из противоположных классовых интересов, фальсифицируют историческую действительность.

Фальсификаторские усилия буржуазной историографии проявляются в изображении большевистской партии как «секты», «партии одного человека», небольшой группы, оторванной от движения революционных масс[3]. Особенно часто так характеризуют большевиков в первые месяцы 1905 г. (хотя А. Улам и Г. Шукман рас-

---

[1] См. *В. С. Кириллов.* Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 200.

[3] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 58; *B. Wolfe.* Three who made a revolution. A biographical history. New York, 1948, p. 705; *D. Treadgold.* Lenin and his rivals. The struggle for Russia's future 1898—1906. New York, 1955, p. 255, 267; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 165, 267.

пространили эту версию на более длительный срок)[1]. Однако петербургские большевики активно действовали среди рабочих накануне 9 января 1905 г. Большевистский комитет обращался к рабочим с листовками, большевики вели активную устную пропаганду, вместе с рабочими выступали против царских палачей. Во время кампании по выборам в комиссию Шидловского большевики сумели сорвать эту затею царского правительства [2]. Росли связи партии с массами, множились ряды большевистских организаций, создавались новые комитеты и группы[3]. Это были первые, но закономерные и уверенные шаги на пути значительного роста партии, громадного роста ее авторитета в рабочем классе. Хорошо известно, что большевиков к началу 1905 г. было около 8400 человек, что к марту этого года в России было 32 большевистских комитета и 35 групп[4]. Каждый комитет, каждая группа вели за собой рабочих, выпускали листовки (за апрель 1905 г. костромская группа большевиков издала 6 листовок тиражом 8725 экземпляров)[5], подпольные газеты, читавшиеся десятками и сотнями человек. В общероссийском масштабе размах работы большевистских комитетов накануне и в начале революции показывают отчеты партийных органов и комитетов III съезду РСДРП[6]. Так обстояло дело в начале революции, когда, как писал В. И. Ленин, «наша партия была союзом подпольных кружков...»[7]. За несколько месяцев положение в корне изменилось. «Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тыся-

---

[1] *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks. The intellectual and political history of the triumph of communism in Russia. London, 1966, p. 288—331; *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution. New York, 1967, p. 102.

[2] См. «Петербургские большевики в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Л., 1956, с. 79—80; «История рабочих Ленинграда. 1703—1965», т. 1. Л., 1972, с. 274; *Л. М. Крейдлина.* Петербургский комитет РСДРП и выборы в комиссию Шидловского. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 2, с. 116—120, и др.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 35—36.

[4] См. «Партийная жизнь», 1973, № 14, с. 9; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 39.

[5] См. «Очерки истории Костромской организации КПСС». Ярославль, 1967, с. 28.

[6] См. «Третий съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, с. 520—648.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 145.

чи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев»[1], — писал В. И. Ленин. Что касается более поздних периодов, то даже враги революции признавали огромный рост сил и влияния большевистской партии. Так, например, кадетская газета в отдаленном Оренбурге в октябре 1906 г. писала: «...усиление большевистского течения в рядах социал-демократической рабочей партии не минуло и нашего захолустного города»[2].

Буржуазные историки преуменьшают влияние большевиков в рабочем классе на отдельных этапах революции. «Вначале способность фракций влиять на события почти отсутствовала. Контакты местных групп с рабочими были слабыми»[3], — пишет шведский политолог Р. Ларсон. Ш. Галай, говоря о событиях 9 Января, заявляет: «Автобус ушел без социал-демократов»[4]. Ту же версию пускает в ход С. Шварц, говоря о комиссии Шидловского[5]. В какой-то мере этот штамп опровергается книгой американского историка В. Саблинского о гапоновщине, в которой автор неоднократно отмечает сильное, особенно идейное, воздействие социал-демократии на рабочих[6].

Как отмечал В. И. Ленин по поводу событий 9 Января 1905 г., «участие организованной революционной социал-демократии было несравненно значительнее, чем в предыдущих стадиях движения, но все еще слабо и слабо по сравнению с гигантским спросом активной пролетарской массы на социал-демократическое руководство»[7]. В значительной мере слабость социал-демократического руководства в Петербурге объясняется раскольнической деятельностью меньшевиков[8]. Поста-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 310.

[2] «Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС». Челябинск, 1973, с. 46.

[3] *R. Larsson.* Theories of revolution. From Marx to the first Russian revolution. Stockholm, 1970, p. 254—255.

[4] *S. Galai.* The liberation movement in Russia 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 241.

[5] *S. Schwarz.* The Russian revolution of 1905. The workers' movement and the formation of bolshevism and menshevism. Chicago—London, 1967, p. 120, 165.

[6] *W. Sablinsky.* The road to Bloody Sunday. Father Gapon und the St.-Petersburg massacre of 1905. Princeton, 1976, p. 15, 62, 103.

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 252.

[8] См. *Т. П. Бондаревская.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 17—53.

новка вопроса буржуазными авторами о роли большевиков в первые месяцы 1905 г. сродни суждениям, по поводу которых В. И. Ленин тогда писал: «...ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции»[1]. Эти слова как нельзя лучше разоблачают позицию современных буржуазных историков. События революции 1905—1907 гг. демонстрируют огромную важность фактора сознательности и организованности в массовом рабочем движении, показывают значение большевистской работы по воспитанию и организации масс.

Попытки оторвать большевистскую партию на начальном этапе революции от рабочего движения — это фактически отказ большевикам в органической связи с революционным рабочим движением, звено в попытках идеологов буржуазии и ревизионистов смазать подлинный смысл революции 1905—1907 гг. — народной революции эпохи империализма. Не менее очевидно их стремление навязать читателям мнение, будто «нормальное» рабочее движение — это движение без пролетарского авангарда, а участие большевиков в таком движении — нечто искусственное, внесенное извне. Между тем начальный этап революции 1905—1907 гг. показал единство коренных интересов, целей и запросов рабочего движения и социал-демократов, большевиков. Только так можно объяснить выдвижение рабочими фактически большевистских требований во время стачек накануне 9 Января, осознание рабочими правильности большевистских призывов к вооруженному восстанию после 9 Января.

Изображая рабочее движение начала 1905 г. оторванным от большевиков, буржуазные историки и ревизионисты вслед за идеологами меньшевизма скрывают тот факт, что недостаточное влияние социал-демократии в рабочей массе в значительной мере следствие раскольнических действий меньшевиков и что выход из такого положения указали не меньшевики, а большевики. Только большевистский путь вел к завоеванию масс. Нет сомнения, что к началу революции связь большевиков с массой рабочих была реальностью; вопрос в том, «где должен лежать главный политический центр тя-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 5.

жести»[1] воспитания и организации рабочего класса, будет ли воздействие революционеров на массы революционным или реформистским, будет ли партия авангардом класса или окажется в хвосте движения, станет ли революция подлинно народной, направленной на полное искоренение пережитков феодализма, на борьбу за социализм, или она пойдет по пути соглашательства либеральной буржуазии с контрреволюцией.

В тенденциозном, фальсификаторском характере утверждений буржуазных авторов о связи партии и масс наглядно убеждают их тезисы о том, как большевики относились к самодеятельным организациям масс, возникавшим в ходе революции 1905—1907 гг. Свои утверждения о «недемократизме» большевиков, «скрытом недоверии» к массам буржуазные историки «подкрепляют» рассуждениями о якобы свойственной большевикам враждебности к организациям масс. «Большевики в противоположность меньшевикам, — вещает Л. Шапиро, — не имея сил контролировать эти организации, держались в стороне от них или активно выступали против. Для Ленина в особенности непартийные массовые организации были анафемой»[2]. Л. Шапиро не случайно упомянул «противоположность» большевиков и меньшевиков: вся логика его утверждений, как и источник данного тезиса, меньшевистская[3]. Ленинскому подходу к организациям масс американский историк А. Эшер, например, противопоставляет аксельродовскую идею рабочего съезда. «...В России до 1917 г. не было лучшей возможности для создания прочных связей между партией и рабочим классом, чем план Аксельрода, и никто наверняка не предлагал более разумного пути для достижения этой цели»[4], — пишет он. И это говорится о плане, который означал ликвидацию РСДРП и замену ее беспартийной организацией, т. е. вел к разо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 5.

[2] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 68.

[3] Как показано в статье Н. Н. Демочкина «Под флагом меньшевистских идей (Заметки о современной буржуазной историографии Советов 1905 года)», источник этих утверждений — меньшевистский сборник «Общественное движение в России в начале XX века» (см. «История СССР», 1966, № 5, с. 180).

[4] *A. Ascher.* Pavel Axelrod and the development of menshevism. Cambridge (Mass.), 1972, p. 241.

ружению рабочего класса[1]. Правда, ниже А. Эшер расписался в неспособности меньшевиков привлечь на свою сторону рабочих: «...проявления нетерпения к меньшевистской тактике со стороны рабочих были нередки, и это в конце концов оказалось одной из главных причин упадка меньшевизма»[2]. За этими «психологическими» мотивировками причин краха меньшевизма скрыты действительные причины: ликвидаторство, оппортунизм в оценке задач рабочего класса и партии, принижение авангарда до уровня неразвитых слоев, предательство жизненных интересов рабочего класса.

В противовес меньшевистскому хвостизму большевики придавали огромное значение работе с массами. «...Руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий»[3], — формулировал задачу партии В. И. Ленин. Такой подход к революции, к организациям трудящихся может обеспечить победу рабочего класса, выполнение его миссии.

Миф о «недоверии» большевиков к трудящимся и их организациям буржуазные историки особенно настойчиво стремятся применить к Советам, возникшим в 1905 г. Буржуазные «эксперты» утверждают, будто большевики их «саботировали», «отбросили», отнеслись к ним «с подозрением», «с непониманием», «недоверием», «враждебно», «скептически», «крайне холодно», «сдержанно», считая их «потенциально опасными», «чуждыми» и т. п.[4]

Эти домыслы идут вразрез с принципиальным курсом большевиков на поддержку массовых демократических организаций. Еще в 1901 г. В. И. Ленин напоминал социал-демократам слова из «Манифеста Ком-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 43—54, 149—172; т. 15, с. 171—174.

[2] *A. Ascher.* Pavel Axelrod and the development of menshevism, p. 255.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 302.

[4] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 51; *O. Anweiler.* Die Rätebewegung in Russland, S. 188; *P. Broue.* Le parti bolchevique. Histoire du parti communiste de l'URSS, p. 35; *G. Stökl.* Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1973, S. 596; *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 175, 182; *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 81; *S. Schwarz.* The Russian revolution of 1905, p. 194; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 68; *M. C. Morgan.* Lenin. London, 1971, p. 52—53.

мунистической партии»: «...тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение»...»[1] В феврале 1905 г. он призывал большевиков «сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций...»[2], указывал в ноябре 1905 г., когда Советы стали фактом революции: «В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции»[3] — и т. д.

Обвинения в адрес партии строятся на использовании антибольшевистских домыслов меньшевиков. Факты истории говорят об активном участии большевиков в Советах. Первый в России Совет рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске был фактически большевистским: 57 депутатов-большевиков из 151 при поддержке большинства беспартийных депутатов[4]. Более 40 большевиков работали в Петербургском Совете, под руководством большевиков действовал Московский Совет[5], в целом по стране из 55 Советов 1905 г. 44 возглавлялись большевиками или находились под их влиянием[6]. Очевидно, что в данном случае факты для буржуазных историков роли не играют. Им важно исказить суть проблемы, нащупать единичные, изжитые в ходе революции ошибки некоторых большевиков, в частности в Петербурге. История Петербургского Совета показывает, что причиной этих ошибок было ложно понятое стремление отмежеваться от оппортунистического подхода меньшевиков к Совету, от фетишизации стихийных форм и низведения роли социал-демократии до уровня беспартийных масс. Опыт руководства массовыми организациями со стороны партии в революции 1905—1907 гг. подтверждает, что Советы, профсоюзы, стачечные и другие комитеты могут успешно выполнять свои задачи только под руководством боевой пролетарской партии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 83.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 302.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 139.

[4] См. «Очерки истории Ивановской организации КПСС», ч. 1. Иваново, 1963, с. 125—126.

[5] См. *Н. Н. Демочкин.* Под флагом меньшевистских идей (Заметки о современной буржуазной историографии Советов 1905 года). — «История СССР», 1966, № 5, с. 166.

[6] См. «Гегемония пролетариата в трех русских революциях», с. 88.

В ходе первой русской революции ярко проявилось одно из главных условий успеха революционной борьбы — союз рабочих и крестьян. «Этот союз, — писал В. И. Ленин, — был стихиен, неоформлен, часто несознан... но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции»[1]. Совместная борьба рабочих и крестьян имела огромное значение для последующего развития большевистской партии, для развертывания ее работы в деревне, обогатила аграрную программу большевиков. Реагируя на значимость союза рабочих и крестьян для истории и современности, буржуазные и реформистские идеологи изображают большевиков далекими от интересов крестьян, отрицают ведение большевиками работы в деревне и т. д. ««Аграрное движение» этого года (1905. — *Н. Р*), однако, в общем и целом оставалось в рамках народнической идеологии и было мало подвержено влиянию откровенно пролетарской доктрины марксизма»[2], — утверждает Д. Кип. «...Среди крестьян, — пишет Р. Ларсон о социал-демократических комитетах и группах, — контактов совсем не было»[3]. «Фактически большевизм в этот период не имел поддержки в крестьянстве, а там, где такое влияние было, оно в основном ограничивалось безземельными сельскохозяйственными рабочими немногих крупных хозяйств»[4], — заявляет М. Фэнсод.

Такие представления о работе большевиков среди крестьян ошибочны. Исходя из троцкистско-меньшевистских концепций, буржуазные историки отрицают общность интересов и целей трудящихся города и деревни. Практика 1905—1907 гг. подтвердила возможность успешной работы пролетарских революционеров в деревне. Конечно, главное внимание большевики сосредоточивали на сплочении рабочего класса России. Однако успешное ведение большевиками работы среди крестьян — неоспоримый факт. Важное решение по аграрному вопросу было принято III съездом партии. Много сил В. И. Ленину и большевикам пришлось приложить для

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.
[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 10.
[3] *R. Larsson.* Theories of revolution, p. 254—255.
[4] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 49.

отстаивания действительно революционной аграрной программы на IV съезде РСДРП. В соответствии с решением партии среди крестьян действовали местные комитеты, создавались партийные группы. В практику социал-демократической работы вошли конференции крестьянских работников партии[1]. Прочного влияния социал-демократы добились среди крестьян Латвии, некоторых уездов Грузии, многих губерний Центрально-промышленного района России[2]. Член РСДРП с 1904 г. учитель М. Н. Шабулин, работавший в 1905—1907 гг. среди крестьян Ряжского уезда Рязанской губернии, позднее вспоминал: «Работа в деревне развернулась лучше, чем мы ожидали. Привычные утверждения народников о том, что «марксисту нечего делать в деревне», не оправдали себя и оказались большим вздором...»[3] Подобный вздор распространяют и современные «эксперты» по большевизму.

Работа большевиков среди крестьян получила освещение в трудах советских историков[4]. И хотя в ней было много трудностей, значительное число сел и деревень не было охвачено социал-демократической работой, взаимодействие пролетарских и крестьянских сил первой русской революции не было на должной высоте, утверждения идеологов буржуазии об отсутствии влия-

---

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 86—90; «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ч. 1. Саратов, 1964, с. 102, 124—126, и др.

[2] См. *П. И. Климов.* Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960; *З. Духанова.* Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 г. Рига, 1961; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. 1. Л., 1962, с. 194—195; «Очерки истории Ивановской организации КПСС», ч. 1, с. 135, 159—163; *Ю. С. Савельев.* Московская окружная партийная организация большевиков — руководитель рабочего класса и трудового крестьянства Подмосковья в годы трех революций (1905—1917). М., 1964; «Очерки истории Калининской организации КПСС». М., 1971, с. 44—46, 73—82, и др.

[3] «Очерки истории Рязанской организации КПСС». М., 1974, с. 48.

[4] См. *Х. Аргун.* Борьба большевиков за союз рабочего класса с крестьянством в годы первой русской революции. Сухуми, 1960; *И. П. Шмыгин.* Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962; *В. И. Тропин.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970; *К. Я. Наякшин, Г. Н. Рутберг.* Большевики Поволжья в первой русской революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977, и др.

ния большевиков в деревне, о чуждости большевикам интересов крестьян полностью не соответствуют действительности.

Аналогичен подход буржуазных авторов к национально-освободительному движению в годы первой русской революции, к работе партии среди трудящихся нерусских национальностей. Так, например, получила распространение версия, будто большевики не отражали национальных чаяний нерусских народов и не пользовались влиянием в национальных районах. «Только в великорусских районах (включая Урал) большевики смогли удержаться»[1], — заявляет Д. Кип. Такие интерпретации истории рассчитаны на неосведомленного читателя: большевики имели значительное (хотя и не всегда преобладающее) влияние в Латвии, на Украине, в Закавказье, в Поволжье, на Урале и в других районах с нерусским населением. Это влияние имело объективную причину: многие пролетарские центры представляли собой сосредоточение рабочих различных национальностей, что содействовало сплочению пролетариев, воспитанию их в духе интернационализма и стойкости против националистической и шовинистической идеологий. Этим процессам в решающей степени содействовала проводившаяся большевиками разъяснительная, пропагандистская работа, в том числе на языках нерусского населения[2].

«Советологи» ссылаются на преобладание в отдельных национальных районах среди социал-демократов меньшевиков. Эти факты имели место. Но они вызваны конкретной обстановкой 1905—1907 гг., а отнюдь не какими-то имманентными факторами. Так, некоторое преобладание в эти годы меньшевиков на Украине и в Баку имело преходящий характер. В конечном счете в обоих районах меньшевики были оттеснены от руководства рабочим движением. Данное обстоятельство вынудило некоторых буржуазных историков отвести бытовавшую концепцию. «Эта теория, — пишет Р. Эльвуд, —

---

[1] *J. Keep.* The rise of social democracy in Russia, p. 207.

[2] См., например, «Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС», с. 43—44; «Очерки истории Кировской организации КПСС», ч. I. Киров, 1965, с. 158—166; «Очерки истории партийной организации Татарии». Казань, 1973; *К. Я. Наякшин, Г. Н. Рутберг.* Большевики Поволжья в первой русской революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977, и др.

не объясняет упадка меньшевизма на Украине после 1911 г.»[1] «Упадок» меньшевизма в Баку выявил Р. Суни[2]. Критика, которую Р. Суни и Р. Эльвуд обращают в адрес своих коллег, верна; ошибочны их собственные интерпретации, но это другой вопрос. Важно то, что концепции, обособляющие рабочее движение великорусских районов и борьбу трудящихся национальных районов в 1905—1907 гг., не имеют под собой серьезного основания. Они представляют собой перепевы разного рода националистических «теорий». История же первой российской революции показывает тесную связь выступлений рабочих и крестьян в центре с борьбой народов Прибалтики, Королевства Польского, Украины, Закавказья, Средней Азии и других национальных районов[3]. Этот опыт вошел в сознание трудящихся всех национальностей России. С полным правом В. И. Ленин подчеркивал: «Пятый год объединил рабочих всех наций России»[4]. Единство всех угнетенных и эксплуатируемых стало в дальнейшем мощным оружием в борьбе против царизма и капитализма, за социализм и коммунизм.

У некоторых буржуазных авторов встречаются признания силы большевиков, их связи с массами. «К 1905 г. революционная интеллигенция уже создала себе руководящее положение у революционных рабочих»[5], — пишет Т. фон Лауэ. Д. Лэйн даже иронизирует по поводу не-

---

[1] *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. 81.

[2] *R. G. Suny.* The Baku Commune 1917—1918. Class and nationality in the Russian revolution. Princeton, 1972, p. 44 note.

[3] См., например, *З. Ибрагимов.* Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку, 1955; *А. В. Пясковский.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958; *А. М. Арутюнян.* Революционное движение в Армении 1905—1907 гг. Ереван, 1970; *Я. П. Крастынь.* Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М., 1952; *Х. Х. Хасанов.* Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965; «Революция 1905—1907 гг. в Грузии». Тбилиси, 1975; *П. М. Шморгун.* Більшовицькі організації України в революції 1905—1907 років. Київ, 1975; *Я. А. Балагуров.* Карелия в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Петрозаводск, 1977; *В. И. Томарев.* Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариев против царизма. Волгоград, 1977; *Б. С. Сулейменов.* Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Алма-Ата, 1977, и др.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 71.

[5] *T. von Laue.* The crises in the Russian polity. — «Essays in Russian and soviet history». New York, 1963, p. 307.

лепых утверждений предшественников. Соглашаясь с данным в советской литературе числом большевиков к 1905 г. в 8400 человек, он пишет: «Эти цифры, будучи приблизительными, показывают, что довольно большое число людей для подпольного революционного движения активно участвовало в российской социал-демократии до 1905 г. Не следует рассматривать российскую социал-демократию как нечто сосредоточенное в женевских кафе и состоящее преимущественно из эмигрантской элиты»[1]. Д. Лэйн подкрепляет свои доводы ссылкой на американского историка О. Рэдки, отмечавшего слабость и малочисленность партии эсеров в тот же период. На фоне этих признаний, продиктованных несоответствием традиционной аргументации новейшим концептуальным построениям, еще ярче обнаруживается несостоятельность общей линии «советологической» литературы.

Вступив в революцию немногочисленной, но слитой с рабочим классом и закаленной, партия большевиков под руководством В. И. Ленина в ходе первой русской революции стала партией миллионов пролетариев. Большевики с успехом вытесняли меньшевиков из революционного рабочего движения, становились безраздельными руководителями общероссийского пролетарского движения. Длительные жесточайшие преследования в период реакции нанесли огромный урон революционному пролетарскому движению, вынудили большевиков действовать в глубоком подполье. Но и в этих условиях партия сохранила и упрочила связь с рабочим классом, боролась за его сплочение на революционной платформе, сохранила опыт битв 1905—1907 гг., опыт руководства политической борьбой многомиллионных масс рабочих и крестьян, всех демократических сил. Этот опыт партии и масс сыграл свою положительную роль в победе над царизмом и капитализмом в 1917 г. «Глубокое обобщение и мастерское использование большевиками накопленного опыта политического руководства массами, непримиримая борьба против оппортунизма и ревизионизма, за единство рабочего класса и его гегемонию в освободительном движении, за союз пролетариата с широкими слоями трудящихся облегчили и ускорили свержение царизма в феврале 1917 г. и победоносный

[1] *D. Lane.* The roots of Russian communism. Assen, 1969, p. 15.

штурм эксплуататорского строя в дни Великого Октября»[1].

Установка буржуазных историков на изоляцию большевиков от рабочего движения четко проявляется в освещении ими периода между двумя буржуазно-демократическими революциями в России. Для буржуазной историографии, как показано в советской исторической литературе, характерно различие точек зрения на вопрос, оставалась ли новая революция неизбежной после 1907 г. Но при расхождениях в оценках судеб царизма буржуазные историки проявляют почти полное единодушие в стремлении исключить большевиков как реальный фактор политической борьбы этих лет. Только первая мировая война и «падение» царизма «позволили партии Ленина стать одним из главных претендентов на власть»[2], — пишет Д. Кип. К. Фрелих (ФРГ) суммирует мнение ряда буржуазных авторов: «...русским партиям в эру Столыпина не удалось политически социализировать народ и общество. Представительство и выражение интересов широких слоев продолжало происходить вне рамок этих институтов (т. е. партий. — *Н. Р.*). Эта посылка имеет значение не в последнюю очередь для интерпретации русской революции и роли большевистской партии»[3].

У ряда авторов звучит черносотенная ненависть к революционному движению. Они сожалеют, что «выживание большевиков как политической силы после 1906—1907 гг. было в основном вызвано терпимостью к ним со стороны социалистических и либеральных кругов России и за границей»[4]. Но эти господа выдают желаемое за действительное. У большевиков в годы реакции были другие мощные источники сил и поддержки — пролетариат России, не позволивший ликвидаторам и реакции уничтожить революционную партию.

Утверждение реакционных веховских идеологов, этих ренегатов революции, будто накануне первой мировой войны «радикальная», т. е. революционная, идеология стала терять почву в российском обществе, рабочем движении, повернувшем к тред-юнионизму, к чисто эко-

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 11. М., 1978, с. 476.
[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 469.
[3] «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, Bd. 24, N 4, S. 586.
[4] *A. Ulam.* Ideologies and illusions. Cambridge (Mass.), 1976, p. 203.

номической борьбе[1], не соответствует действительности. В 1912 г. участники политических стачек по всей стране составили 75,8%, в 1913 г. — 63,6, в первой половине 1914 г. — 79,2%[2]. Еще более несостоятелен этот тезис на примере Петербурга. Здесь в 1912 г. число участников массовых политических стачек в 8 раз превысило число участников экономических стачек, в 1913 г. — почти в 10 раз, а в 1914 г. — в 21 раз[3]. Рабочее движение в 1912—1914 гг. продемонстрировало возросший уровень революционного сознания пролетариата. Об этом свидетельствовали широкое распространение лозунгов революции 1905—1907 гг. (лозунг «Долой самодержавие!» был выдвинут в самом начале нового революционного подъема), ярко выраженный пролетарский характер революционных выступлений, значительное преобладание доли политических стачек, превышение стачечным движением уровня 1905 г., сплочение большинства рабочих вокруг большевистских организаций и оттеснение меньшевиков от руководства рабочим движением. К периоду нового революционного подъема выросла численность пролетариата России, в то же время увеличилась прослойка потомственных кадровых рабочих. Обогащенный опытом первой русской революции, рабочий класс страны обладал более высоким классовым сознанием, организованностью, четким пониманием расстановки классовых сил.

Во главе пролетариата в период реакции, в годы нового революционного подъема был его авангард — партия большевиков. Несмотря на жестокие преследования, неоднократные аресты большевистских комитетов (Петербургский комитет в годы реакции арестовывался полностью или частично 15 раз, Московский — 11, Симбирский — 7, Вятский — 5, Казанский — 9 и т. д.)[4], резкое

---

[1] *A. Gerschenkron.* Problems and patterns of Russian economic development. — «Transformations of Russian society», p. 60.

[2] См. «История СССР», т. VI, с. 439; *Г. А. Арутюнов.* Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975, с. 378, и др.

[3] См. *Э. Э. Крузе.* Петербургские рабочие в 1912—1914 годах, с. 319.

[4] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 245; «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ч. I. Саратов, 1964, с. 147; «Очерки истории Кировской организации КПСС», ч. I. Киров, 1965, с. 211; «Очерки истории партийной организации Татарии», с. 115, и др.

сокращение численности партийных организаций[1], уменьшение числа большевистских изданий и т. д., партия продолжала бороться. Сохранилась сеть нелегальных партийных организаций, областных объединений, связанных с большевистскими центрами, с В. И. Лениным. Партия вела работу по укреплению в новых условиях своих связей с пролетариатом, по завоеванию легальных рабочих организаций. Действовали большевистские типографии, велась работа среди крестьян, в армии и на флоте[2]. Эти факты известны достаточно широко, и западным авторам приходится их признавать. В итоге отдельные буржуазные историки противоречат подчас своим коллегам, а иногда и самим себе. Р. Эльвуд, например, забыв, что, по его словам, «в 1909—1910 гг. на Украине партия перестала существовать как организованная единица», пишет: «Но в отличие от украинских крестьянских и националистических движений социал-демократическая партия продолжала существовать на всем протяжении периода после 1905 г. и готовиться к отсроченной революции...»[3]

У авторов, претендующих на объективизм, центр полемики несколько смещается. Так, например, Э. Карр, отмечая сохранение партии в период реакции и ее организационные и политические преимущества, относит их «исключительно на счет мастерской решимости их лидера»[4] — В. И. Ленина. Эта высокая оценка роли В. И. Ленина в сохранении партии тем не менее не раскрывает всей полноты исторической картины и, более того, скрывает важнейший фактор, фальсифицируемый, как правило, буржуазными авторами. Этим фактором является то, что в период 1907—1910 гг. большевистская партия

---

[1] См. *И. Е. Горелов.* Большевики в период реакции (1907—1910 гг.). М., 1975, с. 36—37.

[2] См. *И. Е. Горелов.* Большевики в период реакции (1907—1910 гг.), с. 59—75, 86; *Л. Д. Алексеев.* Печать большевиков Украины в период реакции (1907—1910 гг.). Киев, 1972; *С. В. Первова.* Деятельность большевиков по укреплению союза рабочего класса с крестьянством в годы реакции (1907—1910 гг.). — «Ленинская партия в борьбе за победу социалистической революции». М., 1972, с. 96; *И. А. Пономарева.* Пропаганда и агитация большевиков в годы реакции (1907—1910 гг.). М., 1978, и др.

[3] *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. 24, 38.

[4] *E. H. Carr.* The bolshevik revolution 1917—1923, vol. 1. London, 1950, p. 62.

укрепила связь с рабочим классом. В период реакции партию покинуло значительное число попутчиков из интеллигенции. Партийные организации в этот период сохранялись и работали, как правило, в пролетарских центрах, на крупных промышленных предприятиях. Связь партии с рабочим классом крепла благодаря целенаправленному выдвижению из среды рабочих партийных вожаков, руководивших всей партийной работой[1]. Газета «Пролетарий» писала: «В целом ряде мест, ввиду бегства интеллигенции, ответственная работа переходит в руки передовых рабочих... Так, мы знаем, в некоторых пунктах Саратовской окружной организации, на Урале, в Сормове и др. работу взяли в свои руки сами рабочие, дело пошло сравнительно хорошо»[2]. Известно, что данный процесс захватил в период реакции многие партийные организации.

В годы нового революционного подъема, продолжая эту линию, большевики завоевали на свою сторону профсоюзы и другие легальные рабочие организации, одержали верх над меньшевиками-ликвидаторами на выборах в Думу в промышленных губерниях, сплотили вокруг газеты «Правда» большинство рабочих. Успехи большевиков, факт сплочения вокруг них большинства рабочего класса России, как известно, был вынужден признать даже один из лидеров II Интернационала, Э. Вандервельде[3]. К этому же времени относится документ охранки о политических партиях России: «Из всех революционных партий, существующих в России и за границей, единственная, которая не отстала от современного подъема в рабочих движениях, которая успела достаточно сплотиться и зафиксировать свои лозунги и связи, и теоретически и практически не отстать от всеобщего оживления, — это большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии»[4]. Поэтому с оценкой Э. Карра нельзя согласиться. Представлять дело так, как пишет буржуазный историк, равносильно отрицанию объективного характера деятельности партии нового типа.

А именно так рассуждают западные историки. Роль партии большевиков в период нового революционного

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 1, с. 257, 380.
[2] «Пролетарий», 19 марта 1908 г., № 26.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 330—332.
[4] «Пролетарская революция», 1923, № 2, с. 441.

подъема Р. Эльвуд оценивает следующим образом: «...едва ли можно делать вывод, что партия как-то вызывала рост народного недовольства. Напротив, более вероятно, что рост рабочего протеста укреплял партию». Этот «советолог» пытается полемизировать с советскими историками: росла ли революция в России в канун мировой войны из действий большевистского подполья или из объективной остроты социальных антагонизмов[1]. Видимо, Р. Эльвуд думает, что большевистская партия «создает» рабочее движение, навязывает его капиталистическому строю России. Здесь нет места для полемики: рабочее движение, возникновение и распространение теории научного социализма, соединение их пролетарской партией — объективные закономерности капиталистического общества. Деятельность социал-демократов не может считаться единственной причиной подъема российского рабочего движения в 1910—1914 гг. Большевистская партия вносила в рабочее движение ясность целей, способов борьбы, согласованность и организацию. Корни же революционной борьбы — в общественном строе России, в антагонизме угнетателей и угнетенных, в нерешенности задач первой буржуазно-демократической революции.

Период нового революционного подъема со всей очевидностью вновь продемонстрировал возрастание революционного потенциала рабочего класса России, его стремление свергнуть царизм и капитализм. Сознательность и организованность в ряды рабочего движения — гегемона всего революционного движения — вносила большевистская партия. Именно эта партия была в центре нового революционного подъема. Революционный подъем лета 1914 г. не вылился в революцию. Началась мировая война. Она до предела обострила все противоречия российского общества.

Буржуазной историографии проблемы партия и массы в Февральской революции свойственны традиционные версии «отлучения» большевиков от народной победы над самодержавием. Буржуазные авторы характеризуют Февральскую революцию как «стихийную», «спонтанную», «анонимную», «почти анархическую», «лишен-

---

[1] *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. III, 56, 230, 236.

ную руководства»[1], как заговор немцев и масонов; можно найти уверения, что революцию совершили «взбунтовавшиеся гвардейские полки», «действия солдат», «улица», «президент Вильсон», «сама автократия», «Дума», «украинский Волынский полк», «генералы», «недовольные капиталисты»[2] и т. д. Это перечисление (далеко не полное) показывает присущие буржуазной историографии противоречивость и неизменную тенденцию толковать реальные факты вкось и вкривь. В одном буржуазные авторы, как правило, единодушны: в отрицании роли большевистской партии в свержении самодержавия, в стремлении оторвать ее от масс.

В последние десятилетия буржуазные историки чаще признают факты революционного кризиса, нарастания в ходе войны рабочего движения, борьбы народных масс. При этом они сосредоточивают усилия на том, чтобы исказить направленность рабочего движения, принизить уровень его сознательности и организованности. В 30—50-х годах в буржуазной литературе, не выходившей за рамки «кризиса верхов» перед Февралем, бытовала версия, будто рабочее движение в годы войны было придатком думской оппозиции. Этот подход встречается и в современной «советологической» литературе. Его несостоятельность раскрывают исследования советских историков[3]. В настоящее время рабочему движению в ряде трудов отводится самостоятельное место. С тем большей, однако, настойчивостью фальсифицируются факторы, делавшие рабочий класс гегемоном буржуазно-де-

---

[1] *U. Germanis.* Oberst Vacetis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution, S. 143; *R. Webb, P. Gay.* Modern Europe. New York, 1973, p. 953; «A history of civilisation», vol. 2. Englewood Cliffs, 1967, p. 400; *G. Stökl.* Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart, S. 629—630.

[2] «Ukrainian review», 1967, vol. 12, N 2, p. 3; *H. Jablonowskl.* Russland, Polen und Deutschland, S. 157; *K.-H. Ruffmann.* Sowjetrussland, S. 18; *G. Stephenson.* Russia from 1812 to 1945. A history. New York—Washington, 1970, p. 212, 233; *R. A. Wade.* 1917: three studies. — «Canadian Slavonic studies», 1968, vol. 2, N 4, p. 567; *H. Browne.* World history, vol. 2. Cambridge, 1970, p. 50; «An introduction to Russian history». Cambridge, 1976, p. 272; *J. M. Roberts.* The Hutchinson history of the world. London, 1976, p. 917.

[3] См. *Н. П. Ерошкин.* Самодержавие накануне краха. М., 1975; *Е. Д. Черменский.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Г. З. Иоффе.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, а также: *L. Bazylow.* Obalenie caratu. Warszawa, 1976.

мократической революции. Выступления рабочих изображаются как сугубо экономические, стихийные, неорганизованные. Роль большевистской партии в рабочем движении сводится на нет. Д. Кип, например, делает акцент на якобы неорганизованном, экономическом характере стачек в период от начала войны до Февральской революции[1]. Но такой акцент неправомерен. Уже 3—5 сентября 1915 г. в Петрограде произошла политическая стачка; в дальнейшем политические стачки практически не прекращались. Стачечное движение в этот период показывает обычный ход развития: переход от экономических стачек к политическим, целенаправленный перевод экономических стачек в политические, всеобщие политические стачки, стачки, сочетавшиеся с демонстрациями, с борьбой за армию, с возникновением идеи создания Совета рабочих депутатов[2]. Такой характер стачечной борьбы рабочих свидетельствует об идейном и организационном влиянии большевиков, о прочном усвоении рабочими уроков первой русской революции, новом революционном подъеме.

Буржуазные авторы на все лады пытаются преуменьшить силы большевиков, их влияние на рабочих. Д. Кип, например, заявляет: «Невозможно измерить точно воздействие революционной идеологии на промышленных рабочих» до начала мировой войны[3]. Это точное повторение аргументов меньшевиков. Исчерпывающий ответ на эти «сомнения» дал В. И. Ленин, в частности в статье «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении»[4]. Численность большевистской партии к моменту выхода ее в марте 1917 г. из подполья в писаниях идеологов буржуазии снижается в ряде случаев до 15 тыс., 10 тыс. и даже 5 тыс. человек[5], хотя хорошо известно, что партия насчитывала в это время около 24 тыс. человек. Явно занижает число большевиков на Украине

---

[1] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 42, 48, 51, 57.

[2] См. *Э. Н. Бурджалов.* Вторая русская революция. М., 1967, с. 56—58; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.». М., 1971, с. 106—120, и др.

[3] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 26.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 244—250.

[5] *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 152; *P. Broue.* Le parti bolchevique, p. 43; *A. Ulam.* Expansion and coexistence, p. 17 note; *U. Brügmann.* Die russischen Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg 1917—1919. Frankfurt am Main, 1972, S. 11.

Р. Эльвуд. Характеризуя большевистские организации в России, буржуазные авторы пускают в ход термины «слабые», «лишенные влияния», «хилые и лишенные руководства», «маленькие и бессильные», «страшно ослабленные» и т. д.[1] Такая картина состояния большевистских организаций к февралю 1917 г. даже отдаленно не напоминает действительного положения вещей. Большевистская партия была важным фактором свержения самодержавия.

Революционное движение в России в годы войны, революционный кризис конца 1916—начала 1917 г. развертывались на фоне качественно нового явления в базисе общества (государственно-монополистический капитализм), численного роста рабочего класса, углубления классовой дифференциации в деревне, подъема национально-освободительного движения и т. д.

На большевистскую партию в годы мировой войны обрушились невиданные репрессии. «...Царское правительство,— писал В. И. Ленин,— арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП»[2]. Только за один июль 1914 г. полиция арестовала в Петербурге до 1 тыс. членов большевистской партийной организации[3]. Были закрыты большевистские газеты, прежде всего ленинская «Правда», арестована фракция большевиков в Государственной думе, революционных рабочих отправляли на фронт, большевистские организации подвергались жестоким полицейским репрессиям. Так, Петербургский комитет не менее 30 раз подвергался налетам охранки, Московский — не менее 10, Киевский — 10, Харьковский —24, Самарский —6 раз и т. д.[4] Осложнились связи организаций в России с Заграничным бюро ЦК, с В. И. Лениным.

---

[1] *R. Daniels.* Red October, p. 28; *W. Laqueur.* The fate of the revolution. Interpretations of soviet history. London, 1967, p. 35; *R. Hingley.* Russian revolution, p. 67; *J. N. Westwood.* Endurance and endeavour, p. 233; *H. Wada.* The Russian February revolution of 1917, p. 75.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 332.

[3] См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, с. 38.

[4] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1, с. 216, 226; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 12; «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1977, с. 149.

Однако эти преследования не достигли своей главной цели. Несостоятельны и утверждения буржуазных фальсификаторов о том, что большевистские организации прекратили свое существование[1]. Прочно связанные с рабочим классом, большевистские организации сравнительно быстро восстановили свою боеспособность[2]. Партия сплачивала силы, налаживала связи, вела пропагандистскую работу, издавала листовки, газеты и т. д.[3] Нелегальная связь В. И. Ленина с Петроградом была восстановлена в октябре 1914 г. и с той поры действовала довольно регулярно. В Петроград доставлялись большевистский центральный орган «Социал-демократ», ленинские работы, письма; отсюда они рассылались в другие большевистские организации[4]. С перерывами (4 ноября 1914 г. — октябрь — ноябрь 1915 г.; апрель — май 1916 г. — ноябрь 1916 г.) в России действовало Русское бюро ЦК РСДРП, а в отсутствие Бюро его функции выполнял столичный комитет большевиков. Бюро ЦК в России имело связь с местными партийными организациями, особенно расширившуюся к концу 1916— началу 1917 г. Большевики, передовые рабочие, верные пролетарскому интернационализму, поддержи-

---

[1] *B. Wolfe.* Three who made a revolution, p. 700; *S. R. Tompkins.* The triumph of bolshevism. Revolution or reaction. Norman, 1967, p. 243; *E. Hölzle.* Lenin und die russische Revolution. Bern, 1968, S. 17; *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power. Bolshevism and the destiny of Russia. London, 1971, p. 49; *R. G. Suny.* The Baku Commune, p. 58; *R. C. Elwood.* Russian social democracy in the underground, p. 271, 272.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 245—250; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 51, и др.

[3] См. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 52; «Первая мировая война. 1914—1918 гг.». М., 1968, с. 285—286; *И. М. Дажина.* О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2; «Ленинское учение о партии», с. 191; «На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февраль 1917 г.)», с. 266—267, 275, и др.

[4] См. «На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февраль 1917 г.)», с. 264; «Очерки истории Коммунистической партии Украины», с. 152—153; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, с. 402; «Очерки истории Московской организации КПСС. 1883—1965». М., 1966, с. 185—186; «Очерки истории Пензенской организации КПСС». Пенза, 1974, с. 46; «Очерки истории партийной организации Татарии», с. 164—165, 167, и др.

вали выработанные В. И. Лениным тактическую линию и лозунги по отношению к империалистической войне.

Советскими историками прослежена деятельность большевистских организаций примерно в 200 городах, причем в 29 имелись городские комитеты. Ряд организаций в середине 1915—1916 г. провел конференции[1]. «Самой сильной нелегальной организацией в Питере был Петербургский комитет нашей партии, объединявший до 3000 членов, а сочувствующими своей активной политике мог считать большинство рабочих Питера»[2]. Росли ряды партии. После свержения царизма из подполья вышло свыше 125 партийных организаций и групп. В Петрограде на стороне большевиков находились больничные кассы, страховые органы, большинство профсоюзов[3]. Такие процессы более или менее интенсивно шли в других районах страны. Так, в Сибири, как признавали власти, «среди рабочих господствуют всецело идеи пораженцев»[4], т. е. фактически большевиков. И это под непрерывными ударами полиции, в условиях, когда постоянно нужно было обновлять руководство партийных организаций. Работа большевистских партийных организаций в условиях первой мировой войны, как свидетельствует история, одно из доказательств прочной связи большевиков с рабочим классом.

Наглядно подтверждает силу большевистской партии, прочность ее связи с массами работа большевиков в армии и на флоте. По неполным данным, только на Северном фронте и на Балтике в 1916 г. действовало более 80 партийных организаций и групп, а на Западном фронте — свыше 30[5]. Напрасно было бы искать эти факты в работах буржуазных историков. «Кронштадт был единственной военной базой, где у большевиков была

---

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 547; «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, с. 391; «Очерки истории Калининской организации КПСС». М., 1971, с. 130; «Очерки истории Пермской областной партийной организации». Пермь, 1971, с. 106, 109, и др.

[2] *А. Г. Шляпников.* Канун семнадцатого года, ч. 1. М. — Пг., 1923, с. 216.

[3] См. «На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февраль 1917 г.)», с. 269, 272, 294.

[4] См. «История Сибири», т. III. Л., 1968, с. 458.

[5] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 560.

подпольная ячейка до Февральской революции»[1], — пишут английские «советологи» Д. Катков и Г. Шукман. Но и в отношении этой военной организации большевиков западные историки далеко не беспристрастны. «...Большевистская организация в Кронштадте перед Февральской революцией не была столь сильной, как ее изображают»[2],— пишет Д. Лонгли. Подпольная организация большевиков в Кронштадте действовала почти на всем протяжении войны. Конечно, до Февраля большевистские ячейки в Кронштадте не были многочисленными. Но работа, борьба красноречиво свидетельствуют об их силе. Даже после ареста Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП работа не прекратилась. Не были утрачены связи с ПК. Получив известие о свержении самодержавия, кронштадтские большевики организовали успешное вооруженное восстание[3]. Таковы факты. Вопрос в том, как их интерпретировать, с каких позиций. С точки зрения нелегальных условий военного времени эта работа представляется подвигом. Так и оценивает ее советская историческая литература. Д. Лонгли же судит с позиций послефевральских условий, когда в революционную деятельность включились тысячные массы недостаточно политически сознательных матросов.

Предвзятость буржуазной историографии обнаруживается в оценках выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов. Ряд буржуазных авторов изображают результаты выборов как победу соглашателей и поражение большевиков[4]. Это повторение того, что писала в ноябре — декабре 1915 г. буржуазная печать, выдававшая за победу соглашателей результаты фальсифицированных, незаконных выборов[5]. В действи-

---

[1] *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power, p. 67.

[2] *D. Longley.* Some historiographical problems of the bolshevik party history (The Kronstadt bolsheviks in March 1917). — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1975, Bd. 22, N 4, S. 514.

[3] См. *М. А. Столяренко.* Сыны партии — балтийцы. Л., 1969, с. 138; *П. З. Сивков.* Кронштадт. Страницы революционной истории. Л., 1972, с. 100; «На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями (1907 г.—февраль 1917 г.)», с. 314, и др.

[4] *M. Florinsky.* The end of the Russian empire, p. 173; *F. Grenard.* La revolution russe, p. 192.

[5] См. *Б. С. Сейранян.* Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов. Ереван, 1961, с. 81.

тельности же выборы в рабочие группы ВПК показали влияние большевиков и слабость социал-шовинистов. На первом общегородском собрании уполномоченных для выборов рабочей группы ВПК, 27 сентября 1915 г., за большевистскую резолюцию, призывавшую рабочих к бойкоту комитетов, проголосовали 95 делегатов от рабочих Петрограда против 81, а при проведенном по настоянию соглашателей поименном голосовании — 90 против 81, хотя большевистских выборщиков было 60 человек[1]. Благодаря закулисным махинациям меньшевиков и буржуазии 29 ноября были проведены повторные выборы, на которые из 218 выборщиков пришло всего 153 (результат арестов после поименного голосования). Большевики призвали выборщиков уйти с собрания, после чего в голосовании участвовало всего 93 выборщика. Это была пиррова победа соглашателей. Если же брать общероссийский масштаб, то и здесь соглашателям не удалось добиться победы. На 23 мая 1916 г. из 239 военно-промышленных комитетов выборы от рабочих удалось провести лишь в 76, причем рабочие группы буржуазия смогла создать только при 39 военно-промышленных комитетах[2]. Затея с рабочими группами ВПК рухнула. Буржуазии не удалось вовлечь рабочий класс в работу «на оборону». Он оказался невосприимчивым к империалистической пропаганде. Таким образом, влияние большевистской партии на передовых рабочих получило новое подтверждение.

Буржуазные историки фальсифицируют факты в целях отрицания роли большевиков непосредственно в Февральской революции. Выхватывая фразы из мемуаров петербургских большевиков — участников революции, буржуазные авторы утверждают, будто большевики «тормозили» начавшееся движение, сопротивлялись ему[3]. Это грубая подтасовка фактов, идущая от Троцкого. В действительности до начала массовых революци-

---

[1] См. *Б. С. Сейранян.* Борьба большевиков против военно-промышленных комитетов, с. 64—65, 76, 81; см. также: «История рабочих Ленинграда», т. 1, с. 486—490, и др.

[2] См. там же, с. 85; *С. В. Тютюкин.* Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении. 1914—1917 гг. М., 1972, с. 205—216.

[3] *G. von Rauch.* Geschichte des bolshevistischen Russland, S. 67; *G. Scheuer.* Von Lenin bis..? Die Geschichte einer Konterrevolution, S. 71; *B. Kalnins.* Vor fünfzig Jahren: demokratische Revolution in Russland. — «Die Zukunft», 1967, N 6, S. 10.

онных выступлений отдельные руководители Петербургского комитета и Выборгского районного комитета (В. Н. Каюров, И. Д. Чугурин) считали, что от частичных, разрозненных выступлений нужно воздерживаться, накапливать силы и готовиться к решительным схваткам, ожидавшимся несколько позднее. Эту тактику нельзя считать ошибочной. Когда выступление масс началось, большевики сразу же поддержали его, приняли энергичные меры к тому, чтобы направить начавшееся движение в организованное русло борьбы за свержение самодержавия[1]. Вместо «сопротивления» движению этот эпизод обнаруживает связь большевиков с массами, гибкость политической линии, умение маневрировать в зависимости от складывавшейся обстановки.

Столь же фальшив и аргумент, будто большевики не могли охватить руководством восставшие массы, в связи с тем что «ПК большевиков был полностью арестован»[2]. Арестованы в ночь на 26 февраля были 3 члена ПК, однако на свободе оставались и продолжали работать, возглавлять борьбу масс 8 других его членов[3].

Сопоставляя силу влияния большевиков, с одной стороны, и меньшевиков с эсерами—с другой[4], «советологи» пытаются подтвердить мнимую неспособность большевиков воздействовать на движение масс в февральские дни. Такие оценки присущи тем, кто видит в Февральской революции лишь маневры думских политиков, создание Временного комитета Думы и Временного правительства, захват соглашателями руководства в Исполкоме Совета[5] и т. д. Это представление ложно от начала до конца. Такая «государственно-юридическая» точка зрения буржуазных историков носит классовый, контрреволюционный характер. Царизм был свергнут рабочими и сол-

---

[1] См. «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 141—143.

[2] *B. Kalnins.* Vor fünfzig Jahren, S. 10; *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 159; *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 32.

[3] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1, с. 449; «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 161, и др.

[4] *R. Daniels.* The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia, p. 40; *P. Pomper.* The Russian revolutionary intelligentsia, p. 194; *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 435.

[5] См. *Г. З. Иоффе.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии, с. 94—112.

датами. Их самоотверженная борьба сделала возможными юридические акции М. Родзянко, А. Гучкова, В. Шульгина, А. Керенского и т. п. Пока пролетариат во главе с большевиками сражался, буржуазия и соглашатели крались к власти. Силы большевиков были брошены на свержение царизма, их не хватило для более активного участия в организации новой власти. В этой сфере деятельности соглашатели, «думцы» действительно опередили большевиков. Что же касается борьбы масс, решающих боев против сил монархии, то тезис буржуазных историков противоречит истории.

Партии меньшевиков и эсеров за предательство интересов трудящихся расплачивались идейным и организационным разбродом. Это показано в советских исследованиях[1]. Об этом вполне откровенно говорили сами соглашатели. Буржуазные историки обычно широко используют их свидетельства, но в данном случае следует напомнить, например, оценку членом меньшевистской «Инициативной группы» О. Ерманским своей организации в февральские дни: «Что касается нашей, правда, слабой Инициативной рабочей группы, то она за эти дни не собиралась: она существовала как сумма единиц, но не как целое»[2]. Аналогичны высказывания о положении петроградских эсеров видного деятеля этой партии В. Зензинова: «Партийная эсеровская организация была разбита — кое-где на окраинах работали лишь одиночки, распространяли вразнобой самодельные прокламации». Правда, он пытается уверять, что у большевиков дела шли не лучше[3]. Но это обычная увертка тех, кто далек от революционной подпольной работы. Вот слова американского исследователя истории партии эсеров О. Рэдки: «Центральный комитет перестал существовать, созвать съезд или конференцию было невозможно, а заграничное представительство Центрального комитета... рухнуло в ходе борьбы и отказалось от всяких политических функций. Таким образом, революция 1917 г. нашла партию в состоянии хао-

---

[1] См., например, «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 98—105, и др.

[2] *О. А. Ерманский.* Из пережитого (1887—1921 гг.). М.—Л., 1927, с. 142.

[3] «Вопросы истории КПСС», 1967, № 1, с. 27.

са, единства на словах, а не на деле»[1]. Столь же откровенен и эсер Н. Святицкий: «О партии как о целом невозможно тогда было говорить. Она была разгромлена, имелось всего с десяток жалких организаций, не существовало в России и Центрального комитета»[2]. Проводить аналогии между соглашательскими партиями и большевиками в свете приведенных оценок — прием самоубийственный. Совершенно справедливо писал перед Февралем А. Шляпников В. И. Ленину: «По сравнению с тем, как обстоят дела у других — у нас блестяще. Можно сказать, что Всероссийская организация в данное время есть только у нас»[3].

В последние годы буржуазная историография меняет тон аргументации. А. Уайлдмен заметил в этой связи, что западные историки «имеют тенденцию преувеличивать штамп, что российская монархия не была «свергнута» в 1917 г., а «пала» из-за своей собственной гнилости...»[4]. От некоторых прямолинейных тезисов буржуазные авторы отказываются. Отдельные их оценки даже справедливы. М. Либман, например, отмечает, что в годы первой мировой войны большевистская партия «оставалась реальностью, готовясь использовать более благоприятную обстановку для упрочения своей роли как реальной силы», что «в дни Февральской революции роль большевиков не была незаметной»[5]. Оценку Л. Эзергалисом латышской социал-демократии можно применить ко всей партии большевиков: «...разгром партии, однако, коснулся только организационных связей и был лишь частичным. После первых известий из Петрограда прошло несколько часов — и возобновили работу исполнительные коллегии; несколько дней — и число членов партии возросло до сотен; несколько недель — и оно достигло тысяч человек»[6]. Некоторые ра-

---

[1] *O. H. Radkey.* The agrarian foes of bolshevism. Promise and default of the Russian socialist revolutionaries. February to October 1917. New York, 1958, p. 126.

[2] *Н. В. Святицкий.* Воспоминания. — «Каторга и ссылка», 1931, № 2, с. 23.

[3] «Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, с. 81.

[4] *A. Wildman.* The February revolution in the Russian army. — «Soviet studies», 1970, vol. 22, N 1, p. 3.

[5] *M. Liebman.* La revolution russe. Origines, etapes et signification p. 96, 114, 147.

[6] *A. Ezergalis.* The 1917 revolution in Latvia, p. 93.

боты буржуазных историков содержат суждения о степени влияния большевиков на ход Февральской революции[1]. Однако справедливые оценки редки. Как правило, такие высказывания отличаются от стандартных тезисов, но продолжают и развивают тенденцию к отрыву большевистской партии от рабочего класса, к отрицанию всесторонне обоснованных выводов советских историков, их основополагающих, методологических посылок[2].

Нельзя проходить мимо того, что «быстрой победе народа над царской монархией в значительной мере способствовала огромная работа большевистской партии в годы войны... что в ходе самой революции именно большевики были инициаторами и организаторами массовых политических стачек и уличной борьбы, которая и решила судьбу царского режима»[3]. Первостепенную важность имеет тот факт, что «из всех революционных партий только большевики имели тогда всероссийскую организацию, опиравшуюся на передовые слои пролетариата»[4]. «Наша партия,— указывал В. И. Ленин,— оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма»[5]. Без учета идейного и организационного влияния ленинской партии в рабочем классе России, в частности в Петрограде, нельзя дать научную оценку свержению самодержавия.

Игнорирование научных методологических предпосылок, а также приверженность к концепциям «изоляции» большевиков от масс приводят буржуазных историков к неверной интерпретации событий февральских дней. Так, для Ц. Хасегавы (США) стремление рабочих в ходе революции и после ее победы вооружаться, соз-

---

[1] *Y. Trotignon.* Le XX-e siecle en URSS, p. 52.

[2] *D. Geyer.* Die russische Revolution, S. 68; *H. Wada.* The Russian February revolution of 1917, p. 77; *T. Hasegawa.* The problem of power in the February revolution of 1917 in Russia. — «Canadian Slavonic papers», 1972, vol. 14, N 4, p. 614.

[3] «Партия большевиков в Февральской революции 1917 г.», с. 15.

[4] Там же, с. 17.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 26.

давать рабочую милицию кажется «неожиданным»[1]. Но «неожиданное» имеет свое объяснение: организационное и идейное влияние большевиков на рабочий класс, воспитание его в большевистском духе, проводившееся на протяжении многих лет и вылившееся в создание милиции, а затем Красной гвардии. С аналогичным «затруднением» столкнулся Х. Вада. Японский профессор, обнаружив, что рабочие Петрограда создавали Советы отнюдь не по меньшевистским рецептам[2], тем не менее не решился признать, что на их отношение к Советам наложила отпечаток длительная работа большевистской партии. Роль большевиков в создании Петроградского Совета для Ц. Хасегавы остается загадкой. «...Ясно, что лозунг создания Совета широко распространился во всех районах Петрограда. Кто же тогда выдвинул этот лозунг?»[3] — спрашивает он. Но важно не это. В такой постановке вопроса есть серьезный изъян. На вопрос, кто «выдвинул этот лозунг», ответ ясен — сами рабочие. Важно то, что рабочие вкладывали в идею Совета большевистское содержание, считая его органом восставшего народа, органом его диктатуры, отнюдь не придатком Временного правительства, как полагали меньшевики. Таким образом, на вопрос Ц. Хасегавы нельзя дать правильный ответ без учета большевистского влияния на рабочие массы. Х. Вада пытается доказать, будто стремление рабочих демонстраций 23—24 февраля прорваться на Невский проспект — следствие призывов меньшевиков 14 февраля[4]. На деле же этот маршрут демонстраций был традиционно большевистским. Именно сюда вели рабочих большевики 14 февраля, а меньшевики хотели устроить демонстрацию в другом месте, у Думы[5]. В целом же ни стремление отдельных буржуазных историков показать движение народных масс, ни использование советских

---

[1] *T. Hasegawa.* The formation of militia in the February revolution: an aspect of the origins of dual power. — «Slavic review», 1973, vol. 32, N 2, p. 307.

[2] *H. Wada.* The Russian February revolution of 1917, p. 84.

[3] *T. Hasegawa.* The bolsheviks and the formation of the Petrograd Soviet in the February revolution. — «Soviet Studies», 1977, vol. 29, N 1, p. 89.

[4] *H. Wada.* The Russian February revolution, p. 80.

[5] См. «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», ч. I, с. 437; *Е. Д. Черменский.* Четвертая Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 274.

исследований (а они составляют у Х. Вады и Ц. Хасегавы основную массу источников) не обеспечивают адекватного раскрытия революционного процесса в феврале 1917 г. Научный ответ на вопросы о роли большевиков, передовых рабочих в Февральской революции возможен с принципиально иных методологических позиций.

Десятилетиями буржуазные историки «отлучают» большевистскую партию от Февральской революции. Причина такого постоянства, очевидно, в том, что эта революция заняла важное место в движении России к социализму. Свержение самодержавия, бурный подъем революционного творчества масс создали предпосылки для успешного перехода к революции социалистической. Февральская революция продемонстрировала зрелость российского рабочего класса, его гегемонию в революции, прочную связь большевистской партии с передовой частью рабочего класса, ее умение руководить борьбой масс, укрепила авторитет партии. Последующее укрепление связей партии с рабочим классом и беднейшим крестьянством, трудящимися всех национальностей стало важнейшим условием успеха Великой Октябрьской социалистической революции. С этим не могут смириться идеологи буржуазии.

Правда и ложь о борьбе большевиков за массы в период подготовки Великого Октября

Буржуазные политики и идеологи неизменно стремятся подрывать нерушимое единство партии и народа. В этих диверсиях значительное место отводится фальсификации Великого Октября.

В буржуазных работах о подготовке Октябрьской революции выделяются два основных направления. Одно из них — тенденциозное преуменьшение влияния большевистской партии в массах, попытка опровергнуть факт прочной связи большевиков с рабочим классом, передовыми слоями трудящихся России. Второе направление — фальсификация деятельности большевистской партии среди отдельных отрядов трудящихся, работы по созданию политической армии социалистической революции.

Под влиянием концепций «тоталитаризма», «элиты», «диктатуры меньшинства» буржуазная историография обнаруживает тенденцию к преуменьшению действительных масштабов влияния большевиков в массах, к замалчиванию данных о росте и прочности народной поддержки большевиков[1]. Однако, пытаясь примирить свои антибольшевистские установки с фактами истории, она сопровождает вынужденные признания роста влияния большевиков разного рода оговорками («ошибки» правящих классов, партий и лиц, вакуум власти, временный характер сдвига влево, искажение большевистских лозунгов и т. п.).

Большинство западных историков, пишет Л. Шапиро, «в общем согласны, что в Петрограде (и в ряде других городов) большевики имели существенную народную поддержку или по меньшей мере благожелательный нейтралитет», подчеркивая затем временный характер этого явления[2]. Тенденция не нова: подобные признания еще в 20-х годах история вырвала у некоторых эмигрантов. Сущность же позиции антикоммунистов остается неизменной. Она даже в самых гибких оценках роли масс в Октябрьской революции проявляется в принижении сознательности трудящихся, в отказе признать прочность связи большевиков с передовыми отрядами пролетариата, поддержки Октября большинством народа.

Буржуазные авторы предвзято трактуют проблему авторитета большевистской партии в марте — начале апреля 1917 г. «...Успех большевиков в октябре,— пишет Э. Каррер д'Анкосс,— не должен скрывать их слабость в апреле... Из всех партий как раз большевистская партия своей программой, силой, методами менее всего казалась подготовленной к взятию власти»[3]. Так же оценивают позиции большевиков в начале революции и многие другие авторы[4]. Такая оценка влияния

---

[1] *A. Ulam.* A history of Soviet Russia. New York, 1976, p. 3, 5; «An introduction to Russian history», p. 274.

[2] «The New York review of books», 31.III.1977.

[3] *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline, p. 70, 72.

[4] *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland, S. 72; *R. Daniels.* The conscience of the revolution, p. 40; *T. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? A reapprisal of Russian revolution, p. 114; *L. Fischer.* The life of Lenin. London, 1965; *L. Kochan.* Russia in

большевиков в марте — апреле 1917 г. противоречит историческим фактам.

Хотя настроения «революционного оборончества» после Февральской революции были распространены, а лидерство в большинстве Советов и других массовых организаций, как правило, оказалось у соглашателей, большевики, прочно связанные с передовыми рабочими, по-прежнему являлись влиятельной политической силой. В пролетарских районах, на заводах рабочие с самого начала были за большевиков. В Петрограде в марте — апреле 1917 г. крупные заводы и фабрики поддерживали в основном большевиков. «На 17 предприятиях, насчитывавших 52 197 рабочих, преобладало влияние большевиков... Большинство рабочих 56 предприятий, насчитывавших 247 486 рабочих, в первые месяцы еще не имело четкого представления о партиях и поддерживало все партии, входившие в Петроградский Совет, солидаризируясь или мирясь с политикой его руководства, т. е. с соглашательской политикой меньшевиков и эсеров... На 6 предприятиях, насчитывавших 36 500 рабочих, были сильны позиции меньшевиков и эсеров... Политическая позиция рабочих 15 крупнейших предприятий... не выяснена из-за недостатка источников»[1],— пишет Х. М. Астрахан. Рабочие Москвы посылали в Совет рабочих депутатов, в районные Советы преимущественно большевиков[2]. Таким же было положение в городах Центральнопромышленного района, в Латвии, в других пролетарских районах. Объективные данные, таким образом, показывают, что большевики были сильнее меньшевиков и эсеров, что в рабочем классе страны имелось прочное большевистское ядро. Тот факт, что значительная часть беспартийных рабочих поддерживала эсеро-меньшевистское руководство Советов, не означает поддержки соглашательских партий, не успевших еще показать трудящимся свое подлинное политическое лицо.

---

revolution. New York, 1966, p. 207; *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 182; *M. C. Morgan.* Lenin. London, 1971, p. 115.

[1] *Х. М. Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973, с. 75—76.

[2] См. *А. Я. Грунт.* Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, с. 75—76, 104 и др.

Прочность связи большевиков с рабочим классом подтверждается динамикой роста партийных рядов в марте — начале апреля 1917 г. За месяц легальной деятельности ряды большевистских организаций Петрограда выросли с 2 до 16 тыс. (по сообщению газеты «Дело народа» от 7 апреля, эсеров в это время в столице было 5 тыс., а меньшевиков, как писала 28 марта их «Рабочая газета», на общем собрании присутствовало немногим более 1 тыс.). В пролетарских центрах повсеместно наблюдался бурный рост большевистских рядов. В партию шли представители того широкого слоя рабочих, который до начала первой мировой войны, до Февральской революции был под идейным и организующим воздействием большевистских организаций, газеты «Правда» и т. д. До середины апреля в целом по стране партия выросла до 80 тыс. (на меньшевистской конференции в мае было представлено 45 тыс. членов), или в 2 раза; в промышленных же центрах численность партии выросла более чем в 10 раз[1]. Руководящая роль большевистской партии в ряде Советов и в их органах, в рабочей милиции и отдельных воинских частях, широкий размах пропагандистской работы и неуклонный рост тиражей большевистских изданий, выдвижение рабочими революционных большевистских требований (8-часовой рабочий день, рабочий контроль, создание ФЗК и т. д.) — еще один ряд свидетельств прочного идейного и организационного влияния ленинской партии среди рабочих страны. Влияние большевиков в марте 1917 г. не могли не признать их противники. Так, Н. Суханов называл большевиков «самой влиятельной рабочей организацией Петербурга»[2]. Меньшевик Ф. Яковлев отмечал 14 марта, что «имеется большое количество рабочих столицы, стоящих на точке зрения «Правды»»[3]. Даже П. Милюков, с раздражением говоря о мартовском совещании Советов, отмечал: «Но и речи большевиков уже покрывались шумными аплодисментами»[4].

---

[1] См. *В. В. Аникеев.* Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года. — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, с. 131.

[2] *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 1, с. 94.

[3] «Районные Советы Петрограда в 1917 г.». Сборник документов и материалов, т. I. М., 1965, с. 76.

[4] *П. Н. Милюков.* История второй русской революции, т. 1, вып. 1. Киев, 1919, с. 57.

Сказанное не отменяет того, что в массе уровень политической сознательности трудящихся не был высок. Господствовали, по определению В. И. Ленина, настроения бессознательной доверчивости[1] к буржуазии и мелкой буржуазии. Подавляющее большинство Советов и солдатских комитетов находилось под влиянием меньшевиков и эсеров. Эти партии росли. Однако при непредвзятом подходе к массовым настроениям в марте 1917 г.— чего, естественно, нет у буржуазных авторов — нельзя не увидеть непрочности противостоявших большевикам сил и, наоборот, «почвенности» большевистской партии, стабильности корней ее влияния в массах.

Дать народу мир, крестьянам землю, выполнить требования рабочих и т. д. буржуазное Временное правительство и меньшевистско-эсеровское руководство Советов были не в состоянии. По мере выявления политического лица правительства и курса меньшевиков и эсеров на поддержку империалистического правительства, рассеивания иллюзий, связанных с победой над царизмом, массы стали рвать с правительством и с этими партиями. Начался переход новых отрядов трудящихся на подлинно революционные позиции. Этот процесс был обусловлен природой буржуазных и мелкобуржуазных партий России, а не их «ошибками».

Неудержимый закономерный рост влияния большевиков буржуазные авторы нередко объясняют «ошибками» Временного правительства. Так, Д. Кип, объясняя радикализацию крестьянства, в частности, пишет, что В. Чернов «как министр весьма разочаровал... Встречаясь с трудностями, он проявлял колебания»[2]. Аналогичным образом рассуждают и другие авторы[3]. «Большевики... не смогли бы вырасти в десять раз за несколько недель, если бы у русских было хоть немного доверия к Временному правительству»[4], — пишет П. Сорлен. Но в том-то и несостоятельность данного

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 116.

[3] *E. Thaden.* Russia since 1801. The making of a nation, p. 437; *L. P. Morris.* The Russians, the Allies, and the war, February—July 1917. — «Slavonic and East European review», 1972, vol. 50, N 118, p. 29.

[4] *P. Sorlin.* The soviet people and their society. London, 1968, p. 55.

утверждения, что «доверия русских» к правительству не могло быть. Решающую роль в ускорении осознания массами империалистической сущности Временного правительства и в переходе трудящихся на сторону большевистской партии сыграли возвращение в Россию В. И. Ленина, его программа социалистической революции. С этого времени большевистская политика приобрела законченность и ясность, ее популярность в массах стала неудержимо расти.

Переломное значение приезда в Россию В. И. Ленина, Апрельских тезисов, как отмечалось выше, признает и буржуазная историография. Отдельные авторы — их в последние годы становится все больше — в противовес тем, кто чуть ли не на всем протяжении 1917 г. видел в большевиках «горстку» революционеров-заговорщиков, признают рост влияния большевиков в период двоевластия. Иронизируя по поводу тезиса о «горстке большевиков», распространенного в западной литературе в 40—50-х годах, И. Дойчер пишет: ««Горстка» большевиков состояла из хорошо организованных и дисциплинированных людей, находившихся в решающих ключевых точках, в промышленности, на транспорте, в армии и в Советах... оказывая постоянно растущее влияние на массу рабочих и солдат... их фактическое влияние намного превосходило их численность»[1]. Это высказывание троцкиста, концепции которого безусловно враждебны большевистской партии. Но тем не менее оно показывает фальсификаторский характер расхожих тезисов буржуазной историографии и свидетельствует о том, что эти тезисы необходимо было менять, что и произошло в 60—70-х годах. «К лету большевики легко обогнали меньшевиков и стали партией № 1 в главных городах»[2],— пишет Р. Дэниелс. «Это был блестящий взлет силы после февраля»[3],— не скупится на эпитеты А. Улам. Отмечают это обстоятельство и другие авторы[4]. В то же время буржуазная историография, как правило, не дает даже приблизительно верного ответа на вопрос о причинах такого сдвига.

---

[1] *I. Deutscher.* Stalin. A political biography. London, 1949, p. 143.
[2] *R. Daniels.* Red October, p. 34.
[3] *A. Ulam.* A history of Soviet Russia, p. 9.
[4] *D. Treadgold.* Twentieth century Russia. Chicago, 1959, p. 147; *H. Carrere d'Encausse.* Une revolution, une victoire. L'Union Sovietique de Lenine a Staline, p. 72.

Откровенно контрреволюционные оценки причин усиления большевиков к лету 1917 г. формулировали некоторые «советологи» на конференции 1967 г. в Гарвардском университете. Здесь выражалось сожаление[1], что Временное правительство не использовало в борьбе против большевиков аппарат насилия — армию, полицию. Однако эти господа упускают из виду возможности Временного правительства. Дело не в отсутствии у него желания разгромить большевиков. В таких настроениях не было недостатка. Дело в том, что попытки использовать против большевиков силу в апреле, в июле и т. д. встречали решительное сопротивление рабочих, солдат, матросов. И каждая такая вылазка контрреволюции усиливала влияние большевиков среди трудящихся.

Другим способом объяснения роста влияния большевистской партии (в дополнение к «теории ошибок») является лжетолкование причин популярности большевиков в массах: как правило, в ход идет обвинение в «маневрах», «манипуляции» массами и их организациями и т. п.[2] Так, Д. Кип эти концепции положил в основу своей книги. Нет ничего более далекого от истины. Большевики боролись за подлинные классовые интересы трудящихся России. Только власть рабочих и беднейших крестьян, социалистическая революция могли дать народам России мир, крестьянам землю, могли удовлетворить требования угнетенных национальностей. Большевистская политика была глубоко правдивой и понятной массам. Трудящиеся прекрасно разобрались и в программах политических партий России, и в искренности их лозунгов. Основа, на которой велась работа большевиков по созданию политической армии социалистической революции, была надежной, прочной. Успехи в агитации партия подкрепляла организаторской работой, сплочением трудящихся вокруг своих ячеек, Советов, фабрично-заводских комитетов и т. д.

Хотя в последние годы буржуазная историография, как отмечалось, нередко констатирует рост влияния большевиков в марте — июне, она стремится изображать популярность большевиков и их лозунгов среди рабочих

---

[1] «Revolutionary Russia», p. 138, 141.

[2] *D. Brown.* Doomsday 1917. The destruction of Russia's ruling class. London, 1975, p. 112; «An introduction to Russian history», p. 208; *J. Keep.* The Russian revolution, p. IX—X; «The Economist», 1976, December 4, p. 157.

и солдат явлением временным, преходящим. Это демонстрирует интерпретация положения большевиков после июльских событий 1917 г. Игнорируя факты истории, буржуазные «эксперты» на все лады твердят, будто большевистская партия в результате июльских событий потерпела серьезное поражение, утратив влияние в массах. «Казалось, с большевистской партией покончено», «катастрофическое поражение Ленина и большевиков», «влияние большевиков резко упало», партия «была загнана в подполье», «неуклонно теряла почву под ногами», «была сильно потрясена» и т. д. — так отзываются о положении большевиков буржуазные авторы[1].

Эта оценка положения большевиков после июльских событий сформулирована давно. Для А. Керенского, например, утверждения, что после июльских событий большевики не представляли угрозы для «демократии», были аргументом в концепции, будто неумелые действия контрреволюционной военщины погубили Временное правительство, привели большевиков к победе[2].

Кадетско-монархическая эмиграция в свою очередь немало потратила чернил на разглагольствования о слабости большевиков после июльских дней, чтобы обвинить меньшевиков и эсеров в нежелании покончить с большевиками. В поисках «виновного», в потоках взаимных упреков немало обвинений было выдвинуто против А. Керенского. «Это был момент, — писал видный кадет В. Набоков, — который Временное правительство вполне могло использовать для окончательной ликвидации Ленина и К°. Оно не решилось это сделать»[3]. При этом нередко ссылались на Троцкого, который, по словам А. Керенского, «признал факт, что результаты июльского выступления были для Ленина катастрофическими»[4]. Такие надуманные версии с готовностью подхватили «советологи».

---

[1] *D. Shub.* Lenin, p. 222; *R. Abramovitch.* The soviet revolution, p. 60; *L. Kochan.* Russia in revolution, p. 247; *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 219; *R. Daniels.* Red October, p. 43; *W. Laqueur.* The fate of revolution, p. 37, 38; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 169; *M. C. Morgan.* Lenin, p. 123.

[2] *A. Kerensky.* The crucifixion of liberty, p. 369; *idem.* Russia and the history's turning point. New York, 1965, p. 324.

[3] «Архив русской революции», т. I. Берлин, 1921, с. 79.

[4] *A. Kerensky.* The crucifixion of liberty, p. 369.

Однако данная картина состояния большевистской партии после кризиса 3—5 июля не выдерживает критики. Прежде всего нельзя согласиться с мнением, что «большевистское руководство не смогло направить в нужное русло главные силы движения»[1]. Июльские события показали гораздо более высокую степень сознательности пролетариата, чем это допускают буржуазные авторы. Факты неопровержимы: большевикам удалось вначале направить стихийно возникшее выступление в русло мирной и организованной демонстрации, а затем вывести авангард революции — пролетариат Петрограда и его гарнизон из-под готовившегося контрреволюционного удара, вовремя прекратив демонстрации. «Золотая возможность избавиться от большевиков»[2], о которой твердят на Западе, — плод воображения. И дело не в том, что у соглашателей, как пишут Д. Кип, А. Улам и др.[3], не хватило решимости. У буржуазного правительства — подчеркнем это еще раз — не было возможности разгромить большевистские организации, нанести поражение силам революции в Петрограде. Контрреволюция пыталась перейти в наступление и развить успех, однако ее силы оказались ограниченными. «Успехами» контрреволюция обязана открытому переходу на ее сторону лидеров соглашательских партий, лживой антибольшевистской кампании, обманувшей часть солдат-фронтовиков. Закономерным и немедленным результатом предательства лидеров меньшевиков и эсеров стало дальнейшее ослабление этих партий, усиление в них левых течений, обострение противоречий в правительственной коалиции. Не имела контрреволюция и прочной опоры в войсках. Активно в июльские дни «действовали» только юнкера и «увечные воины»[4]. Солдаты, которых контрреволюция пыталась использовать как карателей, очень

---

[1] *D. Geyer.* Bolshevik insurrection in Petrograd. — «Revolutionary Russia», p. 166.

[2] *G. Katkov.* Rec. on: *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising. — «Slavic review», 1972, vol. 31, N 4, p. 896.

[3] *W. Mosse.* The February regime: prerequisites of success. — «Soviet studies», 1967, vol. 19, N 1, p. 106; *A. Ulam.* A history of Soviet Russia, p. 10; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 148; *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution. Essays on 1917, p. 136; *J. N. Westwood.* Endurance and endeavour, p. 237.

[4] См. *О. Н. Знаменский.* Июльский кризис 1917 года. М. — Л., 1964, с. 109.

быстро поняли, с какой целью их привели в Петроград. К ним пришли раздумье, раскаяние; громившие особняк Кшесинской фронтовики рассылали по деревням ту большевистскую литературу, которую им было приказано сжечь[1]. Отрезвляюще действовала и решительная позиция рабочих столицы, матросов Балтийского флота, готовых к новому выступлению. Массовые выступления в Москве, других городах продемонстрировали поддержку трудящимися страны рабочих и солдат Петрограда, сковали силы контрреволюции на периферии.

Как показывают исследования советских историков, большевистские партийные организации в целом сумели организованно отступить под натиском контрреволюции. 10 июля, когда положение в районах Петрограда обсуждалось в Петербургском комитете большевиков, итог обсуждению был подведен следующим образом: «...наша работа не парализована последними событиями и... будет вестись так же успешно, как и до сих пор»[2]. Я. М. Свердлов 15 июля в циркулярном письме информировал местные партийные организации: «Настроение в Питере бодрое. Растерянности нет. Организация не разбита. На бывших частичных перевыборах продолжаем одерживать верх»[3]. Контрреволюционерам не удалось загнать большевиков в подполье. Партия «сохранила, а затем и упрочила свое легальное положение. Только некоторые партийные организации Центральнопромышленного района, Донбасса и на фронте вынуждены были перейти на время на нелегальное и полулегальное положение»[4]. Продолжала работать Военная организация при ЦК РСДРП(б). 21 июля она провела делегатское собрание[5]. Ее численность выросла с 1600 человек в начале июля до 1800 к концу месяца[6]. В ряде городов попытки контрреволюционных сил активизироваться были безуспешными; большевики не только оборонялись, но и са-

---

[1] См. «Солдат», 28 сентября 1917 г.

[2] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов. М.—Л., 1927, с. 214.

[3] *Я. М. Свердлов.* Избранные произведения в 3-х томах, т. 2. М., 1959, с. 24—25.

[4] *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю (1917 г.), с. 142.

[5] См. «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». М., 1959, с. 207.

[6] См. «Шестой съезд РСДРП(большевиков)». Протоколы, с. 66.

ми действовали наступательно[1]. Даже там, где действия черносотенных сил поставили большевиков в сложное положение, партийные организации в сравнительно короткие сроки с новой энергией развернули работу в массах. Так, ростовские большевики, подвергшиеся после июльских событий преследованиям[2], к концу июля преодолели полосу затруднений, и 28 июля Ростово-Нахичеванский комитет большевиков сообщил в ЦК РСДРП(б): «...работа налаживается с удвоенной энергией. Спокойствие полное, растерянности не наблюдается. Приступаем с 1 августа к выпуску ежедневной газеты»[3].

Наглядно опровергают тезис об «исчезновении» большевиков после июльских событий кампания подготовки VI съезда большевистской партии и сам съезд. В Отчетном докладе, выступлениях и анкетах делегатов съезда много места отведено воздействию июльских событий на партийные организации, показано, что в целом партийные организации продолжали расти, укреплять связи с массами. Итальянский историк Ф. Сольян, сославшись на полное отсутствие признаков пессимизма на VI съезде большевиков, справедливо заключает: «...неудача июльского выступления, временно ограничившая свободу политической деятельности лидеров партии, не отразилась неблагоприятным образом на самой партии»[4].

Дальнейшими объективными показателями сохранения и неуклонного роста сил и влияния большевиков в июле — августе 1917 г. стали принятие большевистских резолюций протеста против введения смертной казни на фронте, провал попыток правительства закрыть большевистские газеты в Москве и других городах, успех кампании протеста против Государственного совещания в Москве, успехи большевиков на выборах в Советы[5], в органы местного самоуправления.

---

[1] См. «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 254; «Очерки истории Орловской партийной организации». Тула, 1967, с. 90—91; «Очерки истории партийной организации Кузбасса», ч. I, с. 83; «Очерки истории Калининской организации КПСС», с. 175, и др.

[2] См. «Очерки истории партийных организаций Дона», ч. I. Ростов-на-Дону, 1972, с. 337—339.

[3] «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (Март — октябрь 1917 г.)». М., 1957, с. 151.

[4] *F. Soglian.* La rivoluzione russa, p. 271—272.

[5] См. *А. М. Андреев.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март—октябрь 1917. М., 1967, с. 255—269.

Сказанное не означает, конечно, что большевистские организации не понесли урона, что не было случаев временной растерянности, некоторого сокращения численности отдельных организаций и т. д. Советская литература, отмечая незначительное число убывших после июльских дней, характеризует этот факт как чистку партии от ненадежных элементов[1]. Видеть, однако, только негативные последствия реального послеиюльского положения — значит игнорировать историческую действительность. Именно так и видят ее буржуазные историки, игнорирующие важное, тенденциозно превращающие второстепенное в главное. А. Рабинович пытается представить как типичный случай на Металлическом заводе, когда 8 июля несколько растерявшихся членов партии под влиянием антибольшевистской пропаганды приняли резолюцию, осуждавшую тактику большевиков во время событий 3—5 июля (16 июля эта резолюция появилась в соглашательских «Известиях»). «...Очень вероятно, что немало рядовых большевиков были на время в замешательстве, потрясенные падением судеб их партии»[2], — делает вывод А. Рабинович. На деле же этот «фактик» не дает оснований для широких обобщений. Упоминаемая американским историком резолюция была принята 15 из 300 членов большевистской организации. Большевики Металлического завода резко осудили поведение этой группки, дезавуировали ее позицию в письме в газету «Рабочий и солдат»[3]. Этот эпизод показывает не «замешательство» большевиков, а неприглядные средства, к которым приходится прибегать буржуазным историкам, чтобы поставить под сомнение прочную связь большевиков с массами.

Концепции, отрицающие влияние большевиков на революционные массы после июля, стали отвергать сами западные историки. Обратившись к ранее игнорировавшимся буржуазной литературой сюжетам (районные Советы в Петрограде, настроения матросов Балтийского флота, выборы в органы местного самоуправления и

---

[1] См. *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю, с. 206—208.

[2] *A. Rabinowitch.* Prelude to revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 uprising, p. 219.

[3] См. «Рабочий и солдат», 24 июля 1917 г., № 2; 26 июля 1917 г. № 3; «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов, с. 211.

т. д.), ряд авторов обнаружил, по словам У. Розенберга, что июльские события «не вызвали почти никаких изменений в доле мест, полученных большевиками в губернских городах европейской части России, и отнюдь не привели к уменьшению числа сторонников большевиков, как это общепринято считать»[1] — среди буржуазных, естественно, историков.

После июльского кризиса большевики не только не утратили прочной связи с рабочим классом, с трудящимися массами, а напротив, рабочий класс еще теснее сплотился вокруг большевистской партии. Трудящиеся еще раз подтвердили, что дело партии — их кровное дело. Продолжали расти партийные организации, крепли позиции большевиков в Советах и других массовых организациях, формировалась политическая армия социалистической революции.

Значение краха корниловщины для победы Великого Октября нельзя не признавать. Подавление выступления контрреволюционного генерала существенным образом ускорило процесс формирования предпосылок вооруженного восстания, сделало восстание (после отклонения мелкобуржуазными партиями предложения большевиков о формировании правительства Советами) неотложной практической задачей партии и рабочего класса. Решительно неверной является даваемая в буржуазной литературе оценка корниловщины как события, будто бы «оживившего», «спасшего» большевиков от политического небытия. Корниловщина, утверждает Г. Штекль, «привела к возрождению большевиков, которые в так называемом июльском восстании потерпели серьезную неудачу»[2]. «Корниловский бунт,— по оценке М. Макколи,— быстро переменил судьбу большевиков»[3] и т. д. С действительными фактами эти оценки положения большевиков не имеют никакой связи. Они плод спекулятивного подхода к истории: факты игнорируются, одни концепции выводятся из других, в данном случае из полемики эмигрантов по поводу того, кто виновен в победе

---

[1] *W. Rosenberg.* The Russian municipal duma elections; a preliminary computiation of returns. — «Soviet studies», 1968, vol. 21, N 2, p. 149.

[2] *G. Stökl.* Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart, S. 644.

[3] «The Russian revolution and the Soviet state, 1917—1921», Documents, p. 22.

большевиков — Корнилов, помешавший Керенскому, или Керенский, не поддержавший Корнилова. Отзвуки этих споров обнаруживаются и в настоящее время — в противоречивых, например, оценках корниловщины. Так, реформист Г Шойер справедливо считает Корнилова контрреволюционером, который хотел перевешать не только большевиков, но и членов Временного правительства[1]. Для Л. Шапиро же Корнилов — «простой солдат», который хотел восстановить дисциплину в армии и в стране[2].

В то же время оценки буржуазными историками корниловщины показывают признание поворотного значения событий конца августа — начала сентября 1917 г. Как правило, после освещения этих событий буржуазные авторы приводят данные о политическом и экономическом кризисе в стране, о рабочем движении, о положении в армии, в деревне, отмечают рост национально-освободительного движения. Отмечается и рост рядов большевистской партии, ее влияния в народе[3]. Однако при этом буржуазной историографией предпринимаются новые попытки отрицания сплочения трудящихся масс вокруг большевистской партии.

Передовая, наиболее активная, сознательная и организованная часть трудящихся классов России составила политическую армию социалистической революции, костяком которой стали большевистские партийные организации, большевистские Советы, другие массовые организации трудящихся. В буржуазной историографии массовый характер Великой Октябрьской социалистической революции искажается. Какими бы ни были варианты этого искажения — «заговор небольшой кучки», «волна анархии» или «манипулирование» массами, концепции буржуазных авторов остаются направленными на отрыв большевистской партии от рабочего класса, солдатских и матросских масс, крестьянства, трудящихся угнетенных национальностей.

---

[1] *G. Scheuer.* Damals in Petrograd. — «Vorwärts», 1977, N 11, S. 29.

[2] *L. Schapiro.* Two years that shook the world. — «The New York review of books», March 31, 1977, p. 3.

[3] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 469.

Победа Октября — исторический итог борьбы большевиков за сплочение масс

Интерес к роли рабочего класса как опоры большевиков — явление относительно новое в буржуазной литературе. Современная буржуазная историография, как правило, не отвергает открыто решающую роль этого класса. Исследования советских историков, раскрывшие роль в победе Октября рабочих, руководимых большевиками, а также весь опыт истории, доказавшей миру прочность связей большевистской партии с трудящимися, сделали такие декларации малоэффективными и малоубедительными для западной аудитории. Отдельные буржуазные историки уже не решаются отрицать поддержку рабочими большевиков и их политики. «Революционные индустриальные рабочие, пусть лишь небольшое меньшинство населения России, тем не менее вместе с частями вооруженных сил составляли ядро массовой поддержки большевистского движения, а главные городские центры были бастионами революции. В этом смысле и в этом объеме Октябрьская революция была «пролетарской», какой она претендует быть»[1], — пишет видный американский «советолог» Р. Такер. Партия большевиков, пишет В. Фай, «прочно вросла в промышленный пролетариат»[2].

Однако фальсификаторские тенденции преобладают. Решительно отвергается пролетарский характер Великой Октябрьской социалистической революции, принижается роль пролетариата в Октябрьской революции[3]. Широко распространено искажение облика российского пролетариата. Р. Дэниелс пишет, что «промышленные рабочие Петрограда... были группой, находившейся под значительным влиянием большевиков еще с предвоенного времени», но «они весьма отличались от рабочего класса остальной России, который все еще был помечен кресть-

---

[1] «The Soviet Union. A half century of communism». Baltimore (Maryland), 1968, p. 17.

[2] *V. Fay.* La tragedie des vieux bolcheviques. — «La revolution d'Octobre et le mouvement ouvrier europeen». Paris, 1967, p. 35.

[3] *J. Keep.* The Russian revolution, p. XV; *A. Rabinowitch.* An exchange on the Russian revolution. — «The New York review of books», June 9, 1977, p. 46; *R. Suny.* Rec. on: *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. — «American historical review», 1977, vol. 82, N 3, p. 701.

янской заскорузлостью»[1]. Не касаясь старого, ложного тезиса о «крестьянской заскорузлости» российских рабочих, остановимся на положении об исключительности рабочих Петрограда. Рабочий класс Петрограда действительно сыграл исключительную роль в трех революциях. Но по своему облику он не был исключением в России. Не был он исключением и по политической активности, по своему доверию к большевистской партии. По всей стране пролетарские центры были оплотом большевиков: Москва, Прибалтика, Центральнопромышленный район, Донбасс, Баку, Урал и т. д. Здесь, как и в Петрограде, рабочими были созданы Советы, фабзавкомы, милиция, Красная гвардия, осуществлялся рабочий контроль. Пролетарские районы России стали опорными пунктами борьбы за Советскую власть, здесь большевистская партия получила большинство голосов на выборах в Учредительное собрание, черпала силы для победы в гражданской войне. Все это говорит о неправомерности противопоставления рабочих Петрограда рабочим остальной России.

Буржуазной историографией предпринимается также попытка объяснения причин поддержки рабочими большевиков под углом зрения концепции «анархистской волны». В ход идут заявления о «примитивной, стихийной и анархистской силе», «вооруженной толпе»[2] и т. д. Эта концепция противоречит действительности. Конечно, среди рабочих были анархиствующие элементы. Но не они определяли облик рабочего движения в 1917 г. Рабочий класс России в 1917 г. благодаря руководящей и организующей роли большевистской партии продемонстрировал высокий уровень организованности и сознательности, встал на путь создания органов пролетарской власти, развернул широкое движение за контроль над производством и распределением продуктов, вел борьбу против разрухи и саботажа и т. д. История подготовки Октябрьской революции убеждает, что благодаря политическому руководству ленинской партии рабочий класс наращивал свои силы, завоевывал поддержку трудящихся, приближал победу социалистической революции.

---

[1] *R. Daniels.* Red October, p. 11.

[2] *H. Shukman.* Lenin and the Russian revolution, p. 187; *R. W. Pethybridge.* The bolsheviks and the technical disorder, 1917—1918. — «Slavonic and East European review», 1971, vol. 49, N 117, p. 410.

Буржуазные авторы не могут обойти и вопрос о единстве большевистской партии с рабочим классом. Здесь вновь обнаруживается неизбежная антикоммунистическая враждебность к партии и рабочему классу, неспособность отразить действительные факты. Прочная связь партии с рабочим классом была проверена многолетней борьбой. Она основывалась на объективном единстве их интересов и целей. Трудящиеся массы в исторически кратчайшие сроки в 1917 г. убедились в том, что только большевики выражали интересы народа. Конечно, не следует ожидать от буржуазных историков объективности в рассмотрении этих факторов. Но лишь убогостью мысли можно объяснить бытующие в буржуазной историографии версии, будто большевики «купили» поддержку рабочих, взяв на вооружение популярные лозунги[1]. Требования, выраженные в них, нельзя было выполнить без взятия власти рабочими и беднейшими крестьянами, без установления пролетарской диктатуры. Политика большевиков по осуществлению требований рабочих была неизменной и последовательной.

Вооруженные силы России в 1917 г. и борьба большевистской партии за солдатско-матросские массы традиционно привлекают большее внимание буржуазных историков, чем рабочий класс. «...Именно в армии, в 16 миллионах мобилизованных, находится ключ событий как в марте, так и в ноябре»[2], — писал монархист С. Ольденбург. Этот лейтмотив контрреволюционной эмиграции подхвачен буржуазной историографией. Понять интерес «советологов» к армии нетрудно. В значительной мере данный тезис «помогает» «советологам» фальсифицировать пролетарский характер Октября[3]. В то же время здесь есть и другой мотив. Революция вырвала из-под контроля Временного правительства и эксплуататорских классов армию и флот, отняла у контрреволюции возможность вооруженным путем расправиться с большевистской партией, с организациями трудящихся. Важна проблема борьбы за армию и в современных условиях.

[1] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 86; *D. Mack.* Lenin and the Russian revolution. London, 1970, p. 57.

[2] Цит. по: *Н. В. Наумов.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975, с. 80.

[3] *R. Daniels.* Russia, p. 77, 78; *J. Keep.* The Russian revolution, p. XV, 261.

Буржуазные историки на протяжении многих лет клеветали на большевиков, обвиняли их в разложении армии в соответствии с планами германского командования, в заговорщичестве и т. д. На тех же в принципе позициях стояла и реформистская историография, которая Октябрь клеветнически объявила «солдатским заговором». Из такой историографической «кухни» вышли разнообразные, иногда противоречащие друг другу и всегда—действительности мифы о работе большевиков среди солдат и матросов. Целый ряд авторов утверждает, будто главной целью большевиков было разложение армии[1]. Это утверждение неверно потому, что подлинной целью большевиков как пролетарской партии было прежде всего сплочение пролетариата страны. И. И. Минц пишет: «Разложение армии, выразившееся в падении дисциплины, в отказе солдат воевать, в бегстве с фронта и т. п., началось задолго до революции. Но ни царизм, ни буржуазия ничего не сделали, чтобы остановить этот процесс. Они оставили армию раздетой, разутой, почти безоружной... Именно это и вызывало разложение армии. Элементы разложения армии были заложены в ее классовой основе» [2]. Цель и содержание военной работы большевиков, как показано в трудах советских историков, заключались в отвоевании большинства армии на сторону пролетариата, в сплочении солдатских и матросских масс вокруг пролетариата в единую политическую армию революции. И если при Временном правительстве разложение армии прогрессировало, то дело заключалось вовсе не в «большевистской пропаганде», как твердят некоторые буржуазные авторы, а в кризисе армии как орудия власти эксплуататорских классов. В ряде случаев большевистские солдатские комитеты выступали как новые, народные организующие центры частей армии и флота, способствуя поддержанию боеспособности, их превращению в опору революции. Высокую боеспособность продемонстрировали большевизированные части

---

[1] *S. Possony.* A century of conflict. Communist techniques of world revolution. 1848—1950. Chicago, 1953, p. 30; «Problems of communism», 1962, N 5, p. 48; «Communism and revolution. The strategic uses of political violence». Princeton, 1964, p. 37; *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path of power, p. 60; *H. Seton-Watson.* Russia. Army and autocracy. — «Soldiers and governments. Nine studies in civil-military relations». London, 1975, p. 106.

[2] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1, с. 356.

латышских стрелков в боях под Ригой, корабли революционного Балтийского флота в сражении за Моонзундский архипелаг[1] и т. д.

Некоторые «советологические» исследования последних лет, правда, отходят от традиционных штампов, отражая переход к более гибким оценкам работы большевистской партии в армии. Буржуазные историки и в новых концепциях проводят линию на обособление большевистской партии от солдатско-матросских масс. Д. Кип, например, делает вывод, будто армия в революции представляла собой особый социальный организм, отличный от крестьянства и рабочего класса[2]. Нетрудно увидеть, что таким приемом этот «советолог» добивается дробления революционных сил Октябрьской революции. Нетрудно увидеть и то, почему этот прием несостоятелен. В действительности армия была связана классовыми целями, интересами, совместной борьбой с крестьянством, с пролетариатом. Выход из войны, земля, свобода, власть Советов — эти требования сплачивали трудящихся страны, носили они военную форму или нет. Сходные концепции выражают и авторы статей, касающихся политических позиций матросов и солдат в первые месяцы после Февральской революции[3]. Известно, что формирование политических позиций солдат и матросов было сложным и многогранным процессом. Буржуазные авторы (А. Уайлдмен, Д. Лонгли, М. Ферро) берут только стихийное начало, игнорируя факторы организованности, сознательности, считают возможным «абстрагироваться» от такого важнейшего фактора формирования политического лица вооруженных сил, как работа большевистской партии в массах[4], а причину радикализации солдат и матросов видят в «ошибках» правительства и командования. Обращение к затасканной «теории ошибок»

---

[1] См. *А. С. Пухов.* Моонзундское сражение. Л., 1957; «История латышских стрелков. 1915—1920». Рига, 1972, и др.

[2] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 233, 438.

[3] *A. Wildman.* The February revolution in the Russian army. — «Soviet studies», 1970, vol. 22, N 1, p. 23; *D. Longley.* Officers and men. A study in the development of political attitudes among the sailors of the Baltic fleet. — «Soviet Studies», 1973, vol. 25, N 1, p. 50; *M. Ferro.* Russian soldier in 1917: undisciplined, patriotic and revolutionary. — «Slavic review», 1971, vol. 30, N 3.

[4] См. *А. Ф. Ильин-Женевский.* Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября (Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет 1917 г.). Л., 1933.

противников большевиков (А. Уайлдмен, Д. Лонгли) — одно из проявлений кризиса, тупика буржуазной исторической мысли. Эти авторы обходят факты прочной и неуклонно растущей поддержки большевистской партии начиная с марта — апреля в воинских частях и на кораблях. Что касается выдвинутых на первый план так называемых ошибок, то причина их в закономерном проявлении классовой империалистической сущности внешней политики, чуждой интересам масс. Идеологи буржуазии всех поколений хотели бы видеть на месте Временного правительства более ловкое и гибкое правительство. Но в условиях России, всего капиталистического мира в 1917 г. пришедшая на смену царизму коалиция буржуазии и соглашателей не была способна вывести страну из войны, не решалась поднять руку на помещичьи земли, дать угнетенным народам свободу. Став коллегами контрреволюционеров в правительстве, лидеры меньшевиков и эсеров потеряли поддержку рабочих и крестьян, солдат и матросов. Армия и флот были отвоеваны на сторону революции, поддержали в значительной части большевиков, стали частью политической армии социалистической революции, будущих вооруженных сил Советской республики.

Крестьянство традиционно считалось буржуазными историками главной силой революций в России. Еще в 20—30-х годах целый ряд буржуазных и ревизионистских авторов рассматривали Октябрьскую революцию как преимущественно крестьянскую, считая крестьянское движение силой, которая привела большевиков к власти[1]. В 50-х годах А. Гершенкрон повторяет тезис этих работ: «...большевики были приведены к власти на волне крестьянского бунта...»[2] В настоящее время, как свидетельствуют книги Д. Кипа, аналогичным образом фальсифицируется характер Великой Октябрьской социалистической революции. Интенсивное внимание буржуазных историков к роли крестьянства не осталось незамеченным советской исторической наукой. Многие аспекты буржуазной историографии революционного крестьянского

[1] *V. Chernov.* The disintegration of social classes in Russia. — «Foreign affairs», 1923, vol. 2, N 1, p. 25—27; *C. Zaitsev.* The Russian agrarian revolution. — «Slavonic and East European review», 1931, vol. 9, N 27, p. 526—566.

[2] «Continuity and change in Russian and Soviet thought». Cambridge (Mass.), 1955, p. 101.

движения подвергнуты критическому анализу советскими историками[1]. В то же время освещение буржуазными авторами влияния партии большевиков в деревне, а также крестьянства как части политической армии социалистической революции специально не рассматривалось.

В буржуазных оценках влияния большевистской партии в деревне выделяются настойчивые попытки лишить большевиков социальной опоры в крестьянстве. Ряд буржуазных авторов, в частности Д. Кип, пытается утверждать, что «классовые различия внутри крестьянства... не имели практически никакой основы в реальной жизни»[2]. Крестьяне изображаются как несознательная анархистская масса. «...Крестьяне были полностью лишены всякой политической сознательности и активно преследовали свои собственные корыстные интересы в условиях анархии и краха власти при полном безразличии к политическим последствиям и непонимании их»[3], — вещает Л. Шапиро. Такие оценки несостоятельны. В российской деревне в 1917 г. как в великорусских районах, так и в национальных существовала глубокая классовая дифференциация: значительную часть составляли безземельные, малоземельные, безлошадные и однолошадные хозяйства. Так, например, по 25 губерниям в 1917 г. насчитывалось 11,7% безземельных хозяйств, 47,6% однолошадных, около 37—40% безлошадных[4]. Эту дифференциацию признает и американский «советолог» Т. Улдрикс: «...земельная проблема была причиной острого классового конфликта в крестьянстве»[5]. В остальном Т. Улдрикс не оригинален: он проводит тезис об «анархическом» характере движения крестьянства в 1917 г.

---

[1] См. *М. Н. Корчагова.* Англо-американская буржуазная историография о роли крестьянства в революциях 1917 г. — «История СССР», 1970, № 6; *В. А. Порицкий.* Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики. М., 1975; *А. П. Петров.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977, и др.

[2] «Soviet studies», 1972, vol. 24, N 2, p. 288.

[3] «Soviet studies», 1976, vol. 28, N 4, p. 457.

[4] См., например, *Т. В. Осипова.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, с. 48.

[5] *T. Uldricks.* The «crowd» in the Russian revolution, p. 407.

Возрастал и удельный вес сельскохозяйственного пролетариата. На этом основывалась вторая социальная война среди крестьянства[1]. В Порховском, например, уезде Псковской губернии из поступивших к июню 1917 г. 13 жалоб на «самоуправство» крестьян 9 исходили от кулаков[2]. Политико-организаторская работа большевиков среди сельских масс трудящихся, поддержка крестьянством политики большевиков[3], Советской власти тоже объяснялись глубокой классовой дифференциацией крестьянства.

Несостоятелен и тезис об «анархическом» характере крестьянского движения. Оно было зачастую недостаточно организованным, стихийным. Но стихийность в данном случае была не формой анархизма, а ступенью к сознательности. Приравнивание несознательности и недостаточной организованности к «анархии» — откровенно классовый предрассудок. Вот слова В. И. Ленина, адресованные тем, кто кричал об «анархии»: «Неправда, если газеты кричат, будто в России царит беспорядок! Неправда, в деревне господствует больше порядка, чем прежде, потому что решение производится по большинству; насилий над помещиками почти не было; случаи несправедливости и насилия над помещиками совершенно единичны; они ничтожны и на всю Россию не превышают числа случаев, которые бывали и раньше»[4]. «Стихийные», неорганизованные захваты помещичьих имений хотя и имели место, но составляли незначительную часть крестьянских выступлений. Согласно данным П. Н. Першина, к февралю 1918 г. было конфисковано 79,4% всех помещичьих имений, причем неорганизованные захваты занимали по различным губерниям лишь от 4 до 10% всех имений[5]. На таком шатком фундамен-

---

[1] См. *Т. В. Осипова.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 164—170, 228, 231 и др.

[2] См. «Очерки истории Псковской организации КПСС». Л., 1971, с. 60 и др.

[3] См., например, *А. С. Смирнов.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976, и др.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 176—177.

[5] См. *П. Н. Першин.* Аграрная революция в России, кн. 2. М., 1966, с. 182—183, 200, 203—209; *В. А. Поршцкий.* Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики, с. 86, 87; *Т. В. Осипова.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 161—162.

те строятся дальнейшие изыскания буржуазных историков, попытки оторвать большевиков от крестьянского движения.

Описывая деятельность большевиков среди крестьян, влияние партии на трудящихся деревни, буржуазные историки стандартно, как и в отношении периода революции 1905—1907 гг., изображают большевиков чуть ли не чуждой крестьянам партией. Большевики то «относятся к крестьянству с презрением», то «слишком поздно вспоминают» о нем, то отстаивают «иные, чем крестьянские, интересы», то лишены влияния в деревне[1] и т. д. Говоря о книге английского «советолога» Р. Петибриджа, американский историк Э. Кингстон-Мэнн отметила, что она «содержит традиционную неправильную посылку, будто крестьяне пришли Ленину на ум «слишком поздно». Давно пора признать факт, что до 1917 г. Лениным были написаны сотни статей и брошюр, которые рассматривали крестьян как потенциальную революционную силу»[2]. Замечание достаточно критическое. Однако, отводя «традиционную» концепцию, Э. Кингстон-Мэнн отстаивает другую ошибочную позицию, будто после 1917 г. дороги крестьян и большевиков разошлись.

Большевистская партия — это партия рабочего класса. Но у рабочего класса и подавляющей массы трудящегося, беднейшего крестьянства России достаточно широкая база для прочного союза. Это доказано и теоретически классиками марксизма-ленинизма, и практически историей социалистической революции и строительства социализма в России и ряде других стран. Хорошо известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на необходимость союза рабочих и крестьян, работы пролетарской партии в деревне, на революционный потенциал крестьянства. Учение о союзе рабочего класса и крестьянства с самого начала своей революционной деятель-

---

[1] *G. Scheuer.* Von Lenin bis..? Die Geschichte einer Konterrevolution, S. 44—45; *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 18; *A. Meyer.* Leninism, p. 168; *O. Radkey.* The sickle under the hammer. The Russian socialist revolutionaries in the early months of Soviet rule. New York — London, 1963, p. 490; *R. Pethybridge.* The spread of the Russian revolution, p. 125; *Y. Trotignon.* Le XX-e siecle en URSS, p. 52; *C. Bettelheim.* Class struggles in the USSR, vol. 1. The first phase, 1917—1923. New York, 1976, p. 94.

[2] «Slavic review», 1973, vol. 32, N 2, p. 387.

ности отстаивал и развивал В. И. Ленин[1]. Большевистская партия имела большой опыт революционной работы в деревне, научную ленинскую аграрную программу. Прочность союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и победы Великой Октябрьской революции — краеугольный камень большевистской политики — основывалась на переплетении задач демократической и социалистической революций.

В обстановке марта — октября 1917 г. задача удовлетворения коренных требований крестьянства — прекращение империалистической войны и конфискация помещичьей земли — не могла быть решена, как убеждала партия, как подтвердила история, в рамках буржуазно-помещичьего строя. Для выполнения требований крестьянства нужна была социалистическая революция, создание прочного союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, нужна была диктатура пролетариата. «Без диктатуры пролетариата, — подчеркивал В. И. Ленин, — «крестьянское население» не победило бы помещика, объединившегося с капиталистом...»[2]. Запутавшаяся в своем соглашательстве, погрязшая в поддержке империалистической войны, «крестьянская» партия эсеров ничего не смогла сделать для выполнения требований крестьян. Отрицать данный факт способны лишь те, кто с головой ушли в рассуждения об «ошибках», «упущенных шансах» и т. д.

Сплочение рабочего класса, завоевание Советов в стратегически решающих центрах давали большевикам ключ к соединению общедемократической борьбы крестьянства и борьбы пролетариата за свою диктатуру. Важную роль играло завоевание на сторону революции солдатско-матросских масс. Особо следует отметить влияние большевиков на деревню через землячества[3]. Буржуазные авторы хорошо знают, что определенная часть рабочих России сохранила те или иные формы связи с деревней, а это также способствовало сплочению рабочих с беднейшими крестьянами, охвату деревни идейным и организующим влиянием большевиков. Есть количественные показатели влияния большевиков среди

---

[1] См. *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. М., 1974, с. 75—81.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 317.

[3] См. *А. С. Смирнов.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976, с. 75—85, 99—129, 141—155.

сельского населения. Это резолюции крестьянских съездов, отразившие сильное влияние большевиков; итоги выборов в органы местного самоуправления, а затем в Учредительное собрание[1], показавшие поддержку трудящимися деревни большевиков (выделяются в этом плане губернии Центральнопромышленного района)[2]; данные о широком распространении большевистских газет[3] и т. д.

В 1917 г. в деревне действовали 203 большевистские организации, объединявшие 4422 члена РСДРП (б)[4]. Таким образом, большевистских ячеек, членов партии в деревне в 1917 г. было относительно немного. Однако по кардинальным вопросам революции — о войне, мире, земле—большевики пользовались сочувствием и поддержкой подавляющего большинства крестьян. В этих условиях решающим фактором было не количество большевиков, что использует как главный аргумент М. Фэнсод[5]. Этот показатель не раскрывает силу большевистского влияния в деревне в полной мере. Прочность влияния большевиков в трудящемся крестьянстве многонациональной России — вот что было решающим. Этот факт был подтвержден, в частности, социалистической революцией в деревне. Уже к исходу первого года проле-

[1] См. *В. Н. Гинев.* Крестьяне голосуют за Советскую власть. М., 1978.

[2] См. *А. С. Смирнов.* Большевики и крестьянство в Октябрьской революции, с. 111—117, 158—181; *Т. В. Осипова.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с. 84—88, 107, 209 и др.; *Н. А. Кравчук.* Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971, с. 45—50; «Очерки истории Московской организации КПСС», с. 266; «Очерки истории Ярославской организации КПСС». Ярославль, 1967, с. 158; «Очерки истории Калининской организации КПСС», с. 178—188; «Очерки истории Смоленской организации КПСС». М., 1970, с. 64; «Очерки истории партийной организации Кузбасса», ч. 1, с. 89, и др.

[3] См., например, *В. П. Будников.* Большевистская партийная печать в 1917 г., с. 92.

[4] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 245; *А. С. Смирнов.* Большевистские ячейки на селе в период подготовки Октября. — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 7; *И. С. Терехов.* В. И. Ленин и строительство партии в период от февраля к октябрю, с. 137—138; «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ч. 1, с. 252; «Очерки истории Тамбовской организации КПСС». Воронеж, 1970, с. 69, и др.

[5] *M. Fainsod.* Transformations in the communist party of the Soviet Union. — «Soviet and Chinese communism. Similarities and differences». Seattle — London, 1967, p. 45.

тарской диктатуры в 33 губерниях РСФСР, по неполным данным, имелась 4521 деревенская ячейка, объединявшая 116 982 коммуниста[1].

С общей направленностью концепций «советологов» согласуется их трактовка влияния большевиков среди масс национальных районов России. В последние годы ощущается невозможность толковать о слабом влиянии большевиков на материале Петрограда, Москвы, других центров революционного движения. Буржуазная историография обращает все чаще внимание на периферию революционного движения, особенно на районы национальные, надеясь здесь найти подкрепление своим неприглядным концепциям. Расчет прост: используя тот факт, что для широкого вовлечения трудящихся местных национальностей в революционное движение требовалось в некоторых случаях время большее, чем в этнографически русских районах, дипломированные «советологи» протаскивают хорошо известные догмы буржуазных националистов, несостоятельность которых давно раскрыта в советской литературе. В частности, советскими исследователями показано, что некоторые особенности классовой борьбы в 1917 г. в национальных районах, например не всегда глубокая классовая дифференциация, слабое развитие местного рабочего класса и его относительная политическая неопытность, а позднее присутствие в ряде районов интервенционистских войск и т. д., не отменяют общих закономерностей перерастания демократической, освободительной революции в социалистическую.

Большое число работ советских исследователей, подвергнувших критическому анализу буржуазную историографию социалистической революции в национальных районах, позволяет ограничиться выделением некоторых общих направлений фальсификации роли большевиков в Октябрьской революции, их влияния в этих районах. Буржуазная историография изображает национальные районы, даже такие, как Украина, отсталыми в социально-экономическом отношении, «безбуржуазными», «бесклассовыми» и на этом «основании» противопоставляет их русским областям. Такой подход неверен в методологическом и историческом плане. Ряд важных националь-

[1] См. *А. А. Чернобаев.* О численности сельских большевистских организаций в 1918 г. — «Вопросы истории КПСС», 1978, № 2, с. 79.

ных районов (Прибалтика, Польша, Финляндия, Украина, Баку) не уступал по степени развития экономики и классовой дифференциации Петербургу, Москве, Уралу, Центральнопромышленному району, Поволжью. Экономический и социальный уклад даже самых отсталых национальных районов формировался под воздействием общероссийского рынка, империализма, разложения феодальных и дофеодальных форм. Этим предопределялась общая направленность социально-экономических процессов, общественная потребность в демократической и социалистической революциях, расстановка и борьба классов. Даже в патриархальной Якутии крестьянство в начале XX в. быстро расслаивалось, выделяя безземельных, бедняков и эксплуататоров[1].

Буржуазная и ревизионистская историография тщетно стремится консервировать политическую и идеологическую отсталость трудящихся национальных окраин России. В ряде национальных районов общеобразовательный и политический уровень населения был выше общероссийского. Население многих районов неизменно выступало в авангарде общероссийской борьбы против самодержавия и капитализма. Интенсивное формирование пролетариата шло в XX в. во всех районах страны. При этом он складывался как класс многонациональный, что создавало объективные предпосылки успешного распространения интернационалистской идеологии. Мировая война усилила втягивание трудящихся национальных районов в общеосвободительную, в пролетарскую борьбу.

Обязательным элементом фальсификаторских тезисов буржуазной историографии является противопоставление пролетарского классового движения национально-освободительному движению. Марксизм-ленинизм убедительно доказал, что в основе национального угнетения лежит природа эксплуататорского общества, а национальное угнетение по своей сути проявление классового угнетения, эксплуатации человека человеком. Три революции в России, вся история борьбы за национальное освобождение в мире показывают тесное переплетение борьбы народов против национального угнетения с борьбой за ликвидацию эксплуататорского строя. Решающее значение при этом имеет сплочение угнетенных масс вокруг рабочего класса, руководимого коммунистами.

[1] См. *М. П. Соколов.* Якутия по переписи 1917 г., вып. 1. Иркутск, 1925, с. 17.

Наконец, построения буржуазных историков венчаются ссылками на якобы незначительное влияние большевиков среди трудящихся угнетенных национальностей России, на их мнимую пассивность в борьбе за власть Советов, на слабость большевистских организаций, низкий процент лиц местных национальностей в рядах партии и т. п. Эти хитросплетения рядящихся в академическую тогу «советологов» построены на шатком основании. В ряде национальных районов России (Прибалтика, Финляндия и др.) большевики еще до Великой Октябрьской социалистической революции сплотили вокруг своей партии большинство трудящихся. Уже это обстоятельство, а его вынуждены признавать некоторые буржуазные авторы[1], обнаруживает тщетность попыток вести речь о несовместимости целей большевиков с целями борьбы за национальное освобождение. В тех национальных районах, где классовая дифференциация местного населения развивалась медленнее, также были все условия для прочного влияния большевистской партии. Об этом говорит деятельность выдающихся большевистских руководителей из среды местного населения, всевозрастающая доля трудящихся местных национальностей в рядах большевистской партии, активное участие угнетенных масс в борьбе за власть Советов, в том числе в борьбе вооруженной, и т. д., о чем ярко рассказано в очерках по истории коммунистических партий союзных республик, областных партийных организаций.

Фальсификация Октябрьского вооруженного восстания — важное звено в попытках буржуазной историографии культивировать миф о недемократизме Октябрьской революции, отсутствии поддержки большевиков народными массами. Длительное время Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде изображалось как заговорщическая акция небольшой кучки людей. В зависимости от желания автора силы восставших выглядели как несколько армейских частей, отряды балтийских моряков или красногвардейцев, причем нередко одна версия противоречила другой[2]. У них лишь одна общая

---

[1] *N. Saul.* Lenin's decision to seize power, p. 500; *A. Ezergalis.* The 1917 revolution in Latvia.

[2] *R. Abramovitch.* The soviet revolution, p. 83, 88, 89; *S. Possony.* A century of conflict, p. 65—66; *idem.* Lenin: the compulsive revolutionary, p. 212; *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 369; *T. von*

черта — расхождение с действительностью. Встречаются и до сих пор такие оценки. Однако и крайнее неправдоподобие этих утверждений, и общее тяготение к менее уязвимой аргументации вынудили буржуазных авторов несколько менять подход к освещению Октябрьского вооруженного восстания, участия трудящихся в нем.

Пытаясь вообще принизить эпохальное значение Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазные историки стали изображать Октябрьское вооруженное восстание как событие заурядное, «тривиальное»[1]. Подобные заявления — не открытие современных западных «экспертов». А. Деникин, например, убеждал читателей, будто «вообще самый переворот перейдет в историю без легенды, без всякой примеси героического элемента...»[2]. Контрреволюционеры не без основания запомнили дни Октябрьского восстания окрашенными в мрачные тона. Отсюда и черпают свои оценки буржуазные авторы: Д. Кип ссылается на французского дипломата Ф. Гренара, а Д. Джоунс — на царских генералов Маннергейма и Врангеля[3]. К этому добавляют и оценку Троцким событий решающего дня 25 октября как якобы «вспомогательных», «полицейских» акций[4]. Так проявляется еще раз генетическая связь современной буржуазной историографии с политическими и идеологическими позициями контрреволюционеров, троцкистов.

В рассуждениях идеологов буржуазии присутствует психологическая целеустановка: попытка вытравить из сознания нынешнего поколения представление о днях,

---

Laue. Why Lenin? Why Stalin? p. 133; *S. Baron.* Plekhanov. The father of Russian marxism. Stanford, 1963, p. 339; *E. Taylor.* The fall of dynasties, p. 304; *R. O. Paxton.* Europe of the twentieth century, p. 133.

[1] *D. Geyer.* Die russische Revolution, S. 104; *M. Liebman.* La revolution russe, p. 333; *G. Katkov, H. Shukman.* Lenin's path to power, p. 87; *N. E. Cantor.* The age of protest. Dissent and rebellion in the twentieth century. London, 1970, p. 84; *S. Cohen.* Bukharin and the bolshevik revolution. A political biography. New York, 1973, p. 46; «The anatomy of communist takeovers», p. 2; *R. Slusser.* On the question of Stalin's role in the bolshevik revolution. — «Canadian slavonic papers», 1977, vol. 19, N 4, p. 406.

[2] *А. И. Деникин.* Очерки русской смуты, т. 2, с. 132.

[3] «Revolutionary Russia», p. 132; *D. R. Jones.* The officers and the October revolution. — «Soviet studies», 1976, vol. 28, N 2, p. 212.

[4] *D. Geyer.* Die russische Revolution, S. 104.

«которые потрясли мир», о событиях, с которыми трудящиеся мира связывают надежды на светлое будущее. В противовес этим клеветническим уверениям можно привести сотни свидетельств о подлинной атмосфере в Петрограде в октябре 1917 г.[1] Буржуазные историки едва ли откажутся признать Н. Суханова «своим», его антибольшевистские домыслы нередко воспроизводятся в трудах буржуазных историков о русской революции. Этот «авторитет» передает возвышенную, праздничную атмосферу, которая царила в Смольном после победы восстания[2]. В другом антикоммунистическом опусе, книжке бывшего левого эсера И. Штейнберга, изданной в США, содержится такое признание: «Октябрьская революция вызвала громадную экзальтацию в широких кругах русского народа... энтузиазм и радость»[3]. Свидетелями праздничной атмосферы дней Октября стали американские журналисты А. Р. Вильямс и Д. Рид. «Солдаты бросились обниматься, — пишет А. Р. Вильямс о II съезде Советов. — Зал дрожал от вырвавшихся наружу чувств. Теперь Петроград бесповоротно в их руках. Делегаты съезда выходили из зала, весело толкая друг друга, покачиваясь от усталости под тяжестью винтовок, опьяненные счастьем, сознанием своей силы и романтики этой ночи»[4].

Свидетельства Д. Рида буржуазные авторы толкуют извращенно. Д. Лукач, например, утверждает, будто Д. Рид «передает нам общую атмосферу хаоса, апатии, распада и трусости»[5]. На такое прочтение Д. Рида способны лишь люди, для которых и Октябрьская револю-

---

[1] См., например, *М. Левин.* Как это было. — «Красный Петроград». Пг., 1920; «Воспоминания об Октябрьском перевороте». — «Пролетарская революция», 1922, № 10; *И. Павлов.* Авральная работа 25-го октября 1917 г. — «Красный флот», 1926, № 10—11; *С. Гаврилов.* Великая Октябрьская ночь. — «Печатник», 1927, № 31; *Г. И. Ломов.* В дни бури и натиска. — «Пролетарская революция», 1927, № 10; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции». Л., 1956; *П. Арский.* Штурм Зимнего. — «Новый мир», 1955, № 11; *К. С. Еремеев.* Осада Зимнего дворца. — «Москва», 1957, № 8, и др.

[2] См. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 7, с. 37.

[3] *I. Steinberg.* In the workshop of the revolution. New York, Toronto, 1953, p. 44.

[4] *А. Р. Вильямс.* Путешествие в революцию. М., 1977, с. 102; *A. R. Williams.* A journey into revolution. New York, 1968, p. 124.

[5] *J. Lucacs.* A dissenting view on the day that shook the world. «New York Times magazine», 1967, October 22, p. 33.

ция, и рожденный ею строй — объект злобы и ненависти. У Д. Рида есть свидетельства «распада», «апатии» мелкобуржуазных и буржуазных кругов, есть эпизоды будничной петроградской жизни, контрастирующие с величием, приподнятостью, всемирно-исторической значимостью вооруженного восстания. У него есть портреты молодых рабочих-красногвардейцев, робеющих перед новой ролью человека с ружьем, хозяина событий, можно без преувеличения сказать — творца истории[1]. Д. Рид точно воспроизвел настроение в кругах буржуазного Петрограда на фоне четких, организованных действий восставших, распада и пассивности сил старого мира, энтузиазма сил нового мира, неуверенности некоторых представителей массы и целеустремленности руководителей восстания. Заключая свой рассказ, Д. Рид пишет, что взятие власти большевиками произошло «не путем организованного насилия маленькой клики. Если бы широкие массы российского населения не были готовы к восстанию, оно потерпело бы неудачу. Единственная причина огромного успеха большевиков в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших слоев населения»[2]. Односторонность и тенденциозность интерпретации книги Д. Рида в некоторых буржуазных работах еще раз демонстрируют безудержную игру фантазии фальсификаторов истории.

У буржуазных авторов есть и иные попытки доказательств. Таким «доводом» является уверение, будто рабочие и солдаты Петрограда равнодушно отнеслись к призывам большевиков. О «видимой летаргии многих петроградских рабочих и солдат»[3] толкует А. Рабинович. «За исключением рабочих на некоторых заводах, в населении не было пробольшевистского энтузиазма, только апатия»[4], — пишет А. Улам. Буржуазные авторы доходят порой до того, что главную опору большевиков видят в некой «негативной поддержке» их реакционерами, не желавшими спасать Керенского[5]. В лагере контрреволю-

---

[1] См. *Д. Рид.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1975.

[2] Там же, с. 234.

[3] *A. Rabinowitch.* The Petrograd garrison and the bolshevik seizure of power. — «Revolution and politics in Russia». Bloomington — London, 1971, p. 184.

[4] *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 483.

[5] «The anatomy of communist takeovers», p. 60; *R. Daniels* Red October, p. 87; *J. N. Westwood.* Endurance and endeavour, p. 244.

ции действительно не было единства, это учитывал и вождь революции В. И. Ленин при выборе момента восстания. Но не этот фактор сыграл решающую роль в успехе большевиков, а созданная ими политическая армия социалистической революции, вооруженные силы революции, огромный перевес сил восставших над контрреволюционерами.

В последнее время участились прямые попытки принизить значение Красной гвардии во взятии большевиками власти. Буржуазные историки иронизируют по поводу ее боевой подготовки. Но этот прием несостоятелен. В условиях острого политического кризиса, разброда в лагере врагов революции важнейшим фактором был фактор решимости, фактор морально-политический. И здесь пролетариям не было равных. С другой стороны, Д. Кип, например, с той же целью утверждает, будто во взятии Зимнего участвовало 800 красногвардейцев[1], хотя действительное число — не менее 5 тыс.[2]

Но главный «довод» в пользу этого тезиса — пессимистические оценки, данные Зиновьевым и Каменевым в оправдание своих ренегатских шатаний. Ссылаясь на высказывания этих оппортунистов и некоторых колебавшихся товарищей на заседании ЦК 16 октября (а также в ПК 15 октября и на Петроградской конференции 7 октября), буржуазные авторы стремятся создать впечатление, будто в массах не было революционного подъема. «...Доклады различных большевистских руководителей... отнюдь не давали однозначной картины готовности масс откликнуться на призывы большевиков»[3],— суммирует Р. Дэниелс «извлечения» из протокола заседания ЦК 16 октября. «Пассивность», «апатия» и т. п.— лейтмотив рассуждений Б. Вольфа, А. Рабиновича, Д. Гейера[4] и др.

Во-первых, подобные высказывания лишь незначительная часть свидетельств о настроениях рабочих и

---

[1] *J. Keep.* The Russian revolution, p. 278—279.

[2] См. *Е. Ф. Ерыкалов.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 433; «Герои Октября», т. 2. Л., 1967 (в приложении дается перечень участвовавших в штурме Зимнего дворца красногвардейских отрядов с указанием их численности).

[3] *R. Daniels.* Red October, p. 93.

[4] *D. Geyer.* Die russische Revolution, S. 103; «Fifty years of communism in Russia», p. 297; *J. Clarkson.* A history of Russia, p. 473; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.

солдат Петрограда. Общая же картина коренным образом отличается от карикатурной оценки, которую приводят буржуазные авторы. В целом на заседаниях ЦК 16 октября и ПК 15 октября говорилось о стремлении рабочих к решительным, вооруженным действиям. «Жизненная сила установки на восстание состояла в том, что она выражала политические настроения масс, их революционное рвение»[1]. В. И. Ленин отмечал: «...когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен?»[2]

Во-вторых, игнорируется тот факт, что настроения апатии возникали в некоторых слоях трудящихся вследствие, в частности, штрейкбрехерства Зиновьева, Каменева, линии Троцкого на откладывание восстания до съезда Советов. Слова В. И. Ленина о пустой игре в революции, низведении Советов до роли говорилен относятся к Зиновьеву, Каменеву и Троцкому. Массы требовали практических решительных действий, а не слов и резолюций. Наконец, буржуазные авторы не видят, что их ссылки вообще несостоятельны как аргумент против восстания с теоретической и фактической точек зрения. Это наглядно показал В. И. Ленин, разоблачая те доводы Зиновьева и Каменева, которыми оперируют современные буржуазные историки. Решительно отвергая пессимистические оценки умонастроения масс, В. И. Ленин писал: «...говоря о настроении масс, бесхарактерные люди (речь идет о Каменеве и Зиновьеве. — *Н. Р.*) забывают добавить,

что «все» (речь идет об участниках заседания ЦК 16 октября. — *Н. Р.*) передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят как один человек;

что «все» согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «по-

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 303.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 418.

следнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для демонстраций, *только* для частичной борьбы... *...И так далее»*[1].

В. И. Ленин сделал важное обобщение, которое сегодня разбивает и утверждения буржуазных историков, будто проявления усталости и безразличия говорят против восстания: «Для восстания нужно не это (не «рвущееся на улицу» настроение, как твердили Зиновьев и Каменев. — *Н. Р.*), а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это — с одной стороны. А с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, размозжат все даже по-анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики»[2]. Факты о настроении народных масс столицы накануне Октябрьского вооруженного восстания, как показано выше, опровергают утверждения буржуазных авторов. Против них говорит и подлинно научная оценка социально-психологической атмосферы в канун решительной схватки пролетариата с буржуазией[3].

Схемы буржуазных авторов, рисующие Великую Октябрьскую социалистическую революцию ненародной, а большевистскую партию — не пользующейся поддержкой масс, венчает соответствующее освещение II Всероссийского съезда Советов. Буржуазные историки, учитывая «конституционные иллюзии» западного обывателя, пытаются скрыть безраздельное торжество большевистской программы социалистической революции на II съезде Советов, выразившееся в единодушном принятии ленинских декретов, в создании Советского правительства во

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 412.

[2] Там же, с. 413.

[3] См. *В. Ф. Шишкин.* Революционное настроение масс в преддверии Октября. — «История СССР», 1977, № 3, и др.

главе с В. И. Лениным. С этой целью в ход пущены заявления, порочащие II съезд Советов: «...сборище подобранных делегатов»[1], — клевещет В. Войтинский; «было бы чистейшей фикцией все еще видеть во Всероссийском Совете представительство всего народа»[2], — твердит Г. фон Раух; А. Улам и Д. Кип считают, что съезд не представлял крестьянство России[3], повторяя вымыслы эсеровской пропаганды[4]. Эти утверждения являются историографическим отражением острой борьбы, которая велась за созыв съезда и в его ходе. Известно, например, что уже после проведения съезда старый состав ЦИКа объявил II съезд Советов неправомочным, частным совещанием и т. д.

Но нападки на представительность II Всероссийского съезда Советов лишены основания. Старое Бюро ЦИК 21 октября установило, что II съезд будет считаться полномочным при наличии на нем $^2/_3$ количественного состава I Всероссийского съезда Советов. На I съезде делегатов с решающим голосом было 822, следовательно, очередной съезд Советов явился бы полномочным при наличии 548 делегатов. Между тем к вечеру 25 октября, по данным бюро всех фракций, зарегистрировалось 649 делегатов. Открытием съезда от имени ЦИК первого созыва меньшевик Ф. Дан фактически признал законность съезда[5].

Что касается «непредставительности» съезда как выразителя интересов крестьянства, то и здесь буржуазная историография грешит против истины. Советы рабочих и солдатских депутатов воплощали союз рабочих с беднейшей, наиболее политически активной частью крестьянства. На съезде было 138 делегатов-крестьян и 4 казака[6]. «...Из 402 Советов, представленных на съезде, в 139 Советов (т. е. в 34,5% всех Советов на съезде) входили представители крестьянства. Если при этом учесть, что в 336 Советов из 402 входили представители солдат, т. е. те же крестьяне... то станет ясным, что

---

[1] *W. Woytinsky.* Stormy passage, p. 376.

[2] *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland, S. 90.

[3] *A. Ulam.* Lenin and the bolsheviks, p. 372; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 438.

[4] См. *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, с. 53.

[5] См. «Правда», № 172 (103), 29 октября 1917 г.

[6] См. *А. М. Андреев.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября, с. 390.

представительство крестьян на съезде было достаточно широким»[1], — пишет Е. Н. Городецкий. Яркой демонстрацией «представительности» съезда как выразителя воли крестьянства стало единодушное принятие ленинского Декрета о земле. Спустя короткое время и съезд Советов крестьянских депутатов одобрил декреты II съезда Советов[2].

Стремясь нейтрализовать психологический эффект практически единодушной поддержки съездом Советов политики большевистской партии, состоящей в «постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму»[3], буржуазные историки пытаются подтасовывать данные о партийном составе съезда. Утверждают, что у большевиков не было на II съезде Советов большинства, а таковое сложилось лишь в результате ухода со съезда кучки соглашателей, фальсифицируют данные о количестве большевиков на съезде[4]. И эти приемы не отличаются новизной. В 20—30-х годах буржуазные авторы, повторяя вымыслы контрреволюционной прессы октября 1917 г., муссировали этот тезис. Так, П. Милюков называл цифру большевистских делегатов 250, Д. Вернадский — 300, а Ф. Гренар — 200[5] и т. д. Утверждения эти являются вымышленными. Надо сказать, что вследствие саботажа техническим аппаратом прежнего ЦИК работы II съезда Советов его документы неполны. На разные дни и часы 24—25 октября имеются различные данные об общей численности зарегистрированных делегатов съезда и о их партийной принадлежности. 24 октября В. И. Ленин учитывал возможность «колеблющегося голосования» съезда Советов[6]. Однако, как говорится в официальном сообщении анкетной комиссии II Всерос-

---

[1] *Е. Н. Городецкий.* Рождение Советского государства, с. 53—54.

[2] См. там же, с. 206.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 76.

[4] *D. Shub.* Lenin, p. 253; *G. von Rauch.* Geschichte des bolschevistischen Russland, p. 90; *O. Anweiler.* Die Rätebewegung, S. 242; *R. McNeal.* The bolshevik tradition, p. 45; *L. Kochan.* Russia in revolution, p. 278; *L. Schapiro.* The communist party of the Soviet Union, p. 170; *H. Ellison.* History of Russia, p. 317; *A. Rabinowitch.* The bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.

[5] *П. Н. Милюков.* История второй русской революции, т. I, вып. 3. София, 1924, с. 236; *G. Vernadsky.* Lenin: red dictator, p. 176; *F. Grenard.* La revolution russe, p. 291.

[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 436.

сийского съезда Советов, «по точным данным бюро всех фракций к началу открытия съезда, считая и беспартийных и сочувствующих, записавшиеся во фракции распределились следующим образом: большевиков — 390, с.-р.— 160, с.-д. (интернационалисты) —14, с.-д. (объединенцы) — 6, украинцев — 7, меньшевиков — 72. Итого — 649.

И в конце съезда, после ухода меньшевиков и правых с.-р., данные по фракциям распределяются следующим образом: большевиков —390, с.-р. —179, с.-д. (интернационалистов) — 35, украинцев —21. Итого — 625 человек.

Таким образом, количество окончательно ушедших со съезда делегатов достигает от 25 до 51 человека, что составляет минимальный процент по отношению к оставшимся. Объясняется это тем, что многие делегаты с.-д., меньшевики и с.-р. из центра не последовали за вождями или вернулись и продолжали принимать участие как в работах фракций, так и на пленарных заседаниях съезда»[1]. Так, в частности, обстояло дело с «представительностью» тех, кто покинул съезд Советов. Список делегатов — членов большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов был опубликован в 1967 г.[2] Дальнейшие изыскания показали, что на съезде присутствовало более 490 делегатов-большевиков[3].

Преобладание большевиков на съезде нашло отражение в составе президиума съезда, формировавшегося на основе пропорционального представительства от всех фракций. Так, даже формальные данные доказывают безусловную фальшь приводимых буржуазными авторами сведений.

* * *

Буржуазные историки, стремясь опровергнуть факт руководящей роли большевистской партии в трех революциях в России, прежде всего пытаются отрывать большевистскую партию от борьбы рабочего класса, трудящихся масс и, таким образом, от исторических судеб страны и ее народа. Правда, в последние годы одиозные

---

[1] «Правда» № 172 (103), 29 октября 1917 г.

[2] См. «Герои Октября», т. 2, с. 733—764.

[3] См. *Е. А. Султанова.* О составе большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. — «Вопросы истории КПСС», 1977, № 7, с. 36.

варианты этой концепции критикуются. Так, М. Фэнсод отверг формулу: «Большевики были патологическим наростом на теле революции»[1]. Это слова из книги С. Корфа, подвизавшегося в начале 20-х годов на поприще преподавания социологии в США[2]. Но как бы буржуазные авторы ни модернизировали свои концепции, они неизменно пытаются воздвигать искусственную стену между большевиками и рабочим классом, трудящимися массами, отрицать руководящую роль большевиков в революционном движении, в победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Такая позиция буржуазной историографии опровергается действительной историей российских революций. Возникнув как выражение объективных потребностей российского и международного рабочего движения, как следствие превращения России в узел противоречий мировой системы империализма, большевистская партия в упорной борьбе против реформизма и влияния мелкой буржуазии завоевала доверие и поддержку рабочего класса России. Выходцы из народа, стойкие борцы за народное дело, большевики на протяжении многолетней борьбы против помещиков и капиталистов выработали умение слиться, связаться с самой широкой пролетарской, а также непролетарской трудящейся массой [3], что сыграло решающую роль в Октябрьской победе, в упрочении советского строя. Эта способность пролетарской партии в сочетании с научной ясностью и четкостью программных установок, огромной организаторской и пропагандистской работой в массах позволила большевикам вырвать из-под влияния соглашателей шедших за ними рабочих и крестьян и сформировать политическую армию социалистической революции.

Народность Великой Октябрьской социалистической революции нашла свое яркое выражение в союзе рабочих и беднейших крестьян всех национальностей России, созданном большевистской партией. Овладев государственной властью, пролетариат и его партия сумели придать развитию революции еще более глубокий характер, в еще большей мере ускорить сплочение масс вокруг

---

[1] *M. Fainsod.* How Russia is ruled, p. 3.

[2] *S. A. Korff.* Autocracy and revolution in Russia. New York, 1923, p. 132.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

Советской власти, соединяя осуществление демократических требований с мероприятиями социалистического характера. Пролетариат России, сравнительно немногочисленный, под руководством большевиков сыграл роль руководителя всего народа, всех трудящихся масс.

Исторической проверкой прочности этого союза явились последовавшие за Октябрьским вооруженным восстанием события (которые также фальсифицируются буржуазными историками): триумфальное шествие Советской власти, создание Советского государства (в первую очередь объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими Советами и роспуск Учредительного собрания) и гражданская война. Буржуазные авторы отвергают прочность победы Великой Октябрьской социалистической революции, твердят о «неглубоком фундаменте Советской власти», отрицают факт триумфального шествия Советской власти[1] и т. п. Эти заявления лишены основания: из 85 губернских и других крупных городов только в 15 Советская власть установилась в результате вооруженной борьбы[2]. Выступления контрреволюции в октябре 1917 — феврале 1918 г. были сравнительно быстро и безболезненно подавлены[3]. Антисоветские силы внутри страны были лишены опоры в народе, в значительной мере и материальных средств для борьбы против власти рабочих и крестьян. В. И. Ленин подчеркивал: «В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко»[4]. Подтвердилось предвидение В. И. Ленина: «Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции...»[5] Такой ход упрочения Советской власти не могут обойти даже отдельные буржуазные историки. Конечно, и они строят в целом неверные концепции. Например, Э. Тэден «отдает» большевикам лишь «этнически русские и промышленные районы»,

---

[1] «Slavonic and East European review», 1969, vol. 47, N 109, p. 567; «Revolutionary Russia», p. 181; *E. Thaden.* Russia since 1801, p. 450; «Slavonic and East European review», 1973, vol. 51, N 132, p. 318—319.

[2] См. «История СССР», т. VII. М., 1967, с. 24.

[3] См., например, *В. Д. Поликарпов.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917—февраль 1918). М., 1976.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 4—5.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 217.

однако он пишет о «минимуме трудностей и кровопролития»[1].

Много внимания буржуазные авторы уделяют вопросу о месте Учредительного собрания в истории Октябрьской революции. Пытаясь спекулировать на обывательском мифе о демократизме буржуазного парламентаризма, они скрывают подлинное место Учредительного собрания в замыслах и планах контрреволюции, искажают тактику большевиков по отношению к Учредительному собранию, замалчивают тот факт, что оно не выражало соотношения сил после победы Великой Октябрьской социалистической революции, а его роспуск был полностью одобрен рабоче-крестьянскими массами. Только в «Правде» за январь 1918 г. было опубликовано около 250 резолюций митингов, собраний, съездов и конференций трудящихся в поддержку политики Советского правительства[2]. Учредительное собрание, как заметил Д. Рид, «оказалось не более представительным, чем конгресс Соединенных Штатов»[3]. От него отвернулись трудящиеся России. «С Учредительным собранием, представлявшим пройденный этап революции,—пишет И. И. Минц,— трудящиеся расстались необыкновенно просто: оно упало, как сухой лист с дерева. Никто, кроме контрреволюционеров и представителей Антанты, не поддержал Учредительного собрания»[4].

Столь же лживым является и вывод буржуазной историографии о том, что Октябрьское вооруженное восстание якобы явилось началом «кровавой гражданской войны». Этим «выводом» венчают свои рассуждения о политике большевиков в 1917 г. практически все авторы, касающиеся данного вопроса[5]. Такие утверж-

---

[1] *E. Thaden.* Russia since 1801. The making of a nation, p. 450.

[2] См. *Н. Л. Рубинштейн.* К истории Учредительного собрания. М.—Л., 1931, с. 120—121; *Т. А. Сивохина.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973, с. 101, 108.

[3] Цит. по: *А. И. Старцев.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1977, с. 183.

[4] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 3. М., 1972, с. 949—950.

[5] «Bundesstaat und Nationalitätenrecht in der Sowjetunion». Berlin (West-), 1974, S. 17; *R. Daniels.* Red October, p. 206, 213, 218; *H. Browne.* World history, vol. 2, p. 56; *R. O. Paxton.* Europe of the twentieth century, p. 133; *J. Keep.* The Russian revolution, p. 337, 437; *H. Jablonowski.* Russland, Polen und Deutschland, S. 167; *J. Bradley.* Civil war in Russia, p. 15, 18.

дения буржуазных историков о гражданской войне и революции рассчитаны на то, чтобы запугать читателя на Западе «ужасами» социалистической революции.

Фактическим началом «гражданской войны со стороны буржуазии»[1], указывал В. И. Ленин, явился контрреволюционный мятеж генерала Корнилова. Всякая революция есть классовая борьба. Господствующий класс не уступает власти другому классу без упорной борьбы. Не была в этом отношении исключением и Великая Октябрьская социалистическая революция. Однако большевистская партия сделала все, чтобы победа Советской власти стоила как можно меньше жертв. Действительным виновником кровопролитной длительной гражданской войны, унесшей с лета 1918 г. миллионы жизней, является мировой империализм. Он вмешался в классовую борьбу в России, которая после Октября продолжалась. В ходе этой борьбы менялось соотношение классовых сил. К началу 1918 г., когда рабочий класс дал народу мир и землю, оно резко изменилось в пользу Советской власти. Однако с началом социалистической революции в деревне против Советской власти выступило кулачество, заколебался середняк. И хотя в этот момент «соотношение классовых сил внутри страны временно изменилось не в пользу рабоче-крестьянского государства, на стороне революции имелось достаточное количество вооруженных пролетариев и бедняков деревни, чтобы разгромить мятежников»[2]. Без помощи империалистов — сначала Германии, а затем Антанты — антисоветские выступления кулаков, белогвардейцев не имели бы никакой перспективы[3]. Контрреволюция оставалась без людских и материальных средств ведения войны. «Именно интервенция явилась весной 1918 года решающим фактором в развертывании гражданской войны в России»[4], — подчеркивается в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Ход гражданской войны показал непродолжительность колебаний

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 215.

[2] *Л. М. Спирин.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1967, с. 178—179.

[3] См. там же, с. 226.

[4] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, с. 82; см. также: «История СССР», т. VII, с. 411.

части крестьянства, отсутствие почвы для контрреволюции в широких массах трудящихся России, неизбежность краха белогвардейщины и интервентов. Этим еще раз была продемонстрирована народность Великой Октябрьской революции, поддержка трудящимися Советской власти, политики большевиков. Поэтому и тезис буржуазных историков, будто гражданская война была неизбежным следствием победы Октябрьской революции, есть прикрытие факта, что вина за человеческие жертвы и материальный урон, нанесенный России в ходе гражданской войны, лежит на империалистах.

История гражданской войны, а затем социалистического и коммунистического строительства неопровержимо доказала: Великий Октябрь — революция глубоко народная. Она установила диктатуру пролетариата, взявшего власть в союзе с беднейшим крестьянством, создала власть огромного большинства трудящихся. Октябрьская социалистическая революция попутно решила самым радикальным образом демократические задачи, что обеспечило новой власти поддержку всех трудящихся. В свершениях Октября впервые в истории нашла практическое воплощение нерасторжимость идеалов социализма и демократии. Октябрь явился отправной точкой формирования и развития новой, социалистической демократии, которая продолжает и в наши дни укрепляться и совершенствоваться. Ярким свидетельством этого является новая Конституция СССР, принятая после всенародного обсуждения. «Она вновь убедительно показала, что понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма»[1].

Победа Октября — важнейший этап в истории большевистской партии, этап славного героического пути ленинской партии от небольших социал-демократических рабочих кружков к многомиллионной могучей Коммунистической партии, партии всего советского народа, вождя и организатора строительства коммунизма. Рабочие и крестьяне России, трудящиеся всех национальностей, стремясь освободиться от гнета и царизма и капитализма, построить свободное от эксплуатации и нищеты общество, сплотились вокруг партии большевиков, кото-

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6, с. 581.

рая придала их движению сознательность, организованность, целеустремленность, привела к победе. Большевистская партия оправдала доверие, которое возлагали на нее рабочие и все трудящиеся России. Поддержка Коммунистической партии рабочим классом, всеми трудящимися — важнейший источник силы и непобедимости созданного Октябрем советского социалистического общественного строя. Этот исторический факт стал причиной краха многих концепций буржуазной и ревизионистской историографии. Он опровергает и современные концепции идеологических диверсантов от истории.

Заключение

Буржуазная историография роли большевистской партии в трех русских революциях неразрывно связана со стратегией международного империализма в его борьбе против сил социализма и демократии. Свидетельство тому — все этапы развития буржуазной историографии. Это развитие представляет собой линию кризиса, непрерывной смены обанкротившихся концепций новыми, более приспособленными к условиям борьбы империализма против поступательного движения мирового социализма. В последние 10—15 лет наиболее ярко подобная черта выразилась в появлении наряду с концепциями периода «холодной войны» концепций, рассчитанных на идейное и политическое разложение изнутри сил мирового социализма. Этот процесс составляет существо эволюции современной буржуазной историографии истории КПСС.

Поэтому первостепенное значение имеет критика не только новейших антинаучных концепций истории КПСС, но и концепций прошлых лет, связанных с периодом «холодной войны», с доктриной «тоталитаризма» и т. д. Они отнюдь не исчезли из арсенала империализма, попрежнему находят приверженцев в лагере «советологов» и распространяются со страниц выходящих большими тиражами изданий для обработки менее искушенной, политически менее просвещенной части западных читателей. За спиной проповедников этих взглядов — мощные антисоветские, антикоммунистические силы империализма. Дальнейшая судьба такого типа антикоммунистических концепций связана с политической борьбой между более гибкими и реакционными, воинствующими группировками в лагере империализма, что говорит о возможности их периодической гальванизации в политике и

историографии (с определенными модификациями, поправками) до тех пор, пока существует империализм.

Выполнение буржуазной историографией истории КПСС задач социального заказа империалистической идеологии и политики — важнейшая черта общей характеристики этой дисциплины, предопределяющая ее служебную функцию и, следовательно, очевидную ненаучность.

Говоря о буржуазной историографии истории КПСС, напомним, что история КПСС как историческая дисциплина — это наука о закономерностях возникновения, развития и деятельности марксистско-ленинской партии, руководящей и направляющей силы рабочего класса, всего советского народа в борьбе за диктатуру пролетариата, за построение социализма и коммунизма. Это определение имеет в своей основе классовый, партийный подход, предполагает соответствующий характер историко-партийных исследований. Излагаемые в буржуазной литературе сведения из истории большевистской партии подчинены классовым целям, борьбе против реально существующего социализма и т. д. Такой подход к истории КПСС предопределяет неспособность дать действительные представления об историческом пути КПСС, предопределяет искажение исторической действительности, фальсификацию ради выполнения классового заказа буржуазии.

Конкретизируя положение о ненаучности в целом буржуазной историографии роли большевистской партии в трех русских революциях, можно указать на ряд факторов. Среди них отметим философско-гносеологические основы буржуазной интерпретации истории советского общества. Эта сторона, раскрытая специальными марксистскими исследованиями, отражена и в данной работе. Речь идет прежде всего об отрицании «советологами» детерминизма исторического процесса и его познаваемости. Такова первооснова широкого распространения субъективистских интерпретаций буржуазной историографией истории КПСС дооктябрьского периода. О корнях распространенности субъективистских построений новейшей истории вообще, истории нашей страны Л. В. Скворцов пишет: «Правильное определение исторического места Великого Октября стало своеобразным критерием, на котором проверяется объективность исторической науки» — и продолжает: «Субъективизм современной бур-

жуазной философии истории прямо или косвенно связан с борьбой реакционных сил не только против идей, но и против той исторической реальности, которая выражает собой главные тенденции общественного прогресса... История выглядит как случайная связь событий, поскольку главная тенденция истории оказывается «нежелательной» для буржуазного сознания»[1]. Это положение объясняет и интерпретацию буржуазными исследователями истории КПСС 1905—1917 гг. Непризнание ими возможности объективного раскрытия исторического процесса в историческом исследовании в то же время делает их профессию ненаучной, ибо исчезает основное назначение науки: познание закономерностей истории общества.

Укажем и специфически историографические показатели ненаучности буржуазной историографии истории большевистской партии. Из них наиболее очевидными являются два. При всем цементирующем буржуазную и ревизионистскую историографию антибольшевизме она во многом противоречива, пестра, мозаична; по одному и тому же вопросу нередко наличие противоположных, взаимоисключающих оценок. Конечно, это объяснимо: играют роль многообразие концепций, переплетение в них прошлого и настоящего антимарксистской историографии, степень личного неприятия действительности и истории, погоня за «оригинальной» концепцией, обеспечивающей рынок сбыта, и т. д. Но в более общем плане этот факт говорит именно об антинаучности буржуазной литературы о большевистской партии.

К этому добавляется поверхностный, компилятивный характер основной массы литературы по истории большевизма. Действительно, узкие проблемы, узкие хронологические рамки, тщательное исследование какого-либо периода, события в целом чужды буржуазной литературе по истории КПСС и СССР. Преобладают работы, написание которых по стандартам подлинной современной науки под силу лишь коллективам или авторам, работающим в одной области много лет. Для проанализированной же литературы характерны поверхностность, скольжение от одного периода к другому, от одной проблемы к другой. Отсюда подмена исследования заимствованиями — более или менее компетентными — у коллег. Эта

---

[1] *Л. В. Скворцов.* История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976, с. 12, 18.

заложенная в существе буржуазной историографии черта делает вполне применимой к современной западной историографии истории КПСС оценку К. Марксом положения, сложившегося в середине прошлого века в буржуазной политической экономии: «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[1]. В буржуазной историографии роли большевистской партии в трех революциях, как показано выше, есть и сражения наемных писак, и угодливая апологетика, и неприкрытое манипулирование исторической действительностью.

Но не только ненаучность характеризует предмет исследования данной работы. Буржуазная историография истории большевистской партии имеет свойство весьма искусно приспосабливаться к меняющейся в пользу социализма идеологической и политической обстановке в мире. Она постоянно модернизирует свои позиции, причем стремится демонстрировать уход от односторонности, усложнять аргументацию, комбинировать оценки, переносить центр полемики против марксистской историографии в новые области. Попытки придавать доводам видимость академизма, беспристрастности стали особенно заметными в последние годы. Высказывания некоторых буржуазных авторов несут дозу объективизма. Однако этот объективизм имеет, как правило, ограниченный характер, затрагивает частные вопросы, нередко служит лишь показателем отхода от устарелых концепций и выработки новых антинаучных приемов и положений.

Относительно буржуазных историков, которые декларируют и стремятся соблюдать (насколько это возможно в условиях буржуазного общества) нейтральность и беспристрастность в суждениях, следует все же сказать, что в их работах присутствует тот же методологический и теоретический барьер, который отделяет всю буржуазную и ревизионистскую историографию от марксистской. Эти работы не выходят за рамки буржуазной идеологии, ревизионизма, соответствующих представлений о комму-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 17.

нистических партиях, об основополагающих принципах их политики и истории.

Вся эволюция буржуазной историографии истории КПСС по рассмотренным выше вопросам, да и вся «советология» показывают: именно в отраслях буржуазного обществоведения, связанных с изучением СССР, КПСС, международного коммунистического движения, подвизаются наиболее консервативные авторы, точно охарактеризованные в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. как профессиональные антисоветчики и антикоммунисты[1]. Нет признаков того, чтобы эти люди уступали место новым, более беспристрастным специалистам по истории СССР и КПСС. Буржуазная историография истории Коммунистической партии, «советология» в целом остаются важной частью империалистической идеологической пропаганды, непосредственно ведущей борьбу против коммунистического движения, против реального социализма.

В антикоммунистических фальсификациях истории КПСС чрезвычайно важную роль играет ревизионистская, реформистская и т. п. литература. Без преувеличения можно сказать, что современная буржуазная историография российского революционного движения просто не могла бы существовать, если бы не вбирала в себя идейки реформистов, оппортунистов, если бы не пользовалась услугами ренегатов рабочего и коммунистического движения, а также буржуазных националистов. Особенно позорную роль в формировании фальшивых концепций «советологов», пишущих о борьбе ленинской партии за победу демократической и социалистической революций, сыграл троцкизм—злейший враг ленинизма. Троцкизм во многом определил основные направления буржуазных оценок истории большевистской партии в период трех русских революций. Свое значение для буржуазных фальсификаций истории КПСС троцкизм сохраняет и в настоящее время; лишь в отдельных случаях есть попытки отхода от троцкистских схем, да и то фактически сводящиеся к их модернизации.

Факт выступления ревизионизма и реформизма в роли «поставщика идей» для империалистической бур-

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 9, с. 346.

жуазии разоблачает попытки некоторых «советологов» и реформистов рядиться в «марксистские», «социалистические» одежды, лишь подчеркивает тщетность попыток отгораживаться от империалистической политики. Опыт показывает, что эволюция буржуазной литературы по истории КПСС, в частности дооктябрьского периода, как правило, связана с использованием идеологами империализма ревизионистских историографических и политических посылок. Ревизионисты, ренегаты коммунистического движения внедрили в буржуазную литературу методы фальсифицированного использования работ В. И. Ленина, марксистской исторической литературы. Они как бы сузили поле деятельности «советологов» старой формации, содействовали модернизации «исследований» истории большевистской партии. В концепционно-теоретическом отношении наблюдается та же картина. Доктрины «массового общества», «единого индустриального общества», «конвергенции», «регулируемого капитализма», «плюрализма», «интеграции» и т. п. в значительной мере сформировались на ревизионистских оценках социализма, реформистских представлениях о развитии общества. Необходима самая решительная борьба против попыток ревизии истории русских революций, борьба на историческом фронте в целом. Смыкание ревизионистских «теоретиков» с идеологами буржуазии — закономерность идеологической, классовой борьбы. В современных условиях она проявляется в заигрывании с концепцией «специфики» перехода России к социализму, преуменьшении влияния большевистской партии в народе.

Существо, главные тенденции освещения истории КПСС в рассматриваемый период сохраняются. Идейное противоборство неизменно фокусируется на проблемах общеисторической неизбежности перехода человечества от капитализма к социализму, общезначимости основных черт опыта Великой Октябрьской социалистической революции, всего российского революционного движения. Отрицание исторической закономерности перехода от капитализма к социализму предопределяет позиции буржуазных авторов в оценках истории КПСС. Эта исходная посылка диктует отрицание глубокой неразрывной связи партии большевиков с революционным рабочим движением, с народными массами. Фальсифицируя таким способом этапы истории КПСС, буржуазная историография

пытается наносить удары по единству партии и народа, которое неизменно является источником силы партии, всех побед советского народа, гарантией полного торжества коммунизма.

Партия существует для народа и служит народу. Единству партии и народа огромное внимание уделяют при выработке политических решений, в идеологической работе Центральный Комитет КПСС, его Политбюро. Особое место этот вопрос занимает в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. В докладе о проекте Конституции СССР 4 октября 1977 г. он ярко и доказательно разоблачил попытки буржуазных идеологов противопоставить партию народу. «Пытаться противопоставить партию и народ друг другу, — говорил Л. И. Брежнев, — рассуждать о «диктатуре партии» — это все равно что пытаться противопоставить, скажем, сердце всему остальному человеческому организму»[1]. Весь исторический путь КПСС, советского народа — практическое доказательство нерушимого единства партии с рабочим классом, со всеми трудящимися страны.

С проблемой исторической закономерности замены капитализма социализмом связан и другой неизменный компонент буржуазных концепций истории КПСС — фальсификация ее научной, марксистско-ленинской политики, стратегии и тактики. Принципиальная верность большевистской партии теории научного коммунизма на всех этапах демократических и социалистической революций — объект изощренных нападок идеологов империализма, ревизионистов.

Во всей своей деятельности КПСС руководствуется марксистско-ленинским учением, разработанной на его основе Программой, в которой определены основные задачи партии. На современном этапе, творчески развивая марксизм-ленинизм, КПСС на своих съездах определяет стратегию и тактику коммунистического строительства. КПСС строит всю свою великую революционно-преобразующую деятельность на прочном фундаменте марксистско-ленинской теории. И этого решающего факта не опровергнуть ни грубыми фальсификациями, ни фарисейским «признанием» прагматической, конъюнктурной гибкости тактики большевиков.

---

[1] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6, с. 533.

Интерпретируя со своих классовых позиций роль большевистской партии в трех русских революциях, буржуазные историки прежде всего искажают марксистско-ленинские основы построения и деятельности партии большевиков. В унисон с империалистическими политиками буржуазная историография все активнее проповедует ревизионистско-троцкистские представления о пролетарской партии, организационную рыхлость, идейную терпимость к оппортунистам и т. п.

Острая идейная борьба развернулась вокруг вопроса о роли В. И. Ленина в завоевании победы социалистической революции в России.

Разоблачение антиленинских фальсификаций буржуазных «исследователей» — одна из главных задач советской исторической науки.

Анализируемые в настоящей работе проблемы буржуазной историографии истории КПСС не являются проблемами сиюминутной значимости. Противоборство вокруг них, как показывает более чем 60-летняя эволюция буржуазной историографии, будет сохраняться. Предстоит упорная борьба за упрочение научных представлений о роли марксистско-ленинской партии в борьбе пролетариата, о всемирно-историческом значении опыта борьбы большевиков за победу демократической и социалистической революций в России, о Великой Октябрьской социалистической революции — главном событии XX в. Точку в этой борьбе поставит лишь окончательная победа сил социализма и демократии над империализмом. Во имя приближения этой победы необходимо совершенствовать способы полемики с антинаучной историографией, творчески разрабатывать проблемы истории КПСС, трех российских революций в связи с задачами современности.

Критика буржуазной историографии—составная часть важнейшей задачи: «...вооружать советский народ, каждое новое поколение непобедимым оружием исторической правды, глубоким пониманием законов и перспектив общественного развития, опираясь на незыблемую основу марксистско-ленинского учения»[1]. В постановлении ЦК КПСС подчеркивается, что «знание револю-

[1] «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года, с. 3.

ционной теории, политики партии должно превращаться у советских людей в убеждение, активную жизненную позицию стойкого борца за коммунизм, против любых проявлений чуждой идеологии, в руководство к действию для решения актуальных проблем развитого социализма»[1].

Развитие революционного процесса в России в начале столетия стремительно ускорило исторический темп перемен в мире. Выдающуюся роль в этом процессе сыграла ленинская партия большевиков. С особой силой историческая практика подтвердила данное К. Марксом определение революций как «локомотивов истории». Коммунистический авангард обеспечил передовому классу России успешное «вмешательство» в ход истории.

Триумф российских рабочих не мог не породить огромный поток исторической литературы. Враги большевизма, социалистической революции с первых дней ее победы пытались подорвать влияние идей и свершений нового общества с помощью клеветы и ненависти. Напрасно потраченные усилия! Великие революционные свершения, писал В. И. Ленин, доказывают жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что не перестают возбуждать яростную ненависть реакции[2]. Что бы ни писали реакционные историки, им не удастся отвратить массы угнетенных и эксплуатируемых от идей марксизма-ленинизма, идей Великого Октября, от исторического опыта большевистской партии. Им не удастся остановить мировой революционный процесс.

---

[1] «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года, с. 9.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I. ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ: ПРАВДА ИСТОРИИ И ДОМЫСЛЫ «СОВЕТОЛОГОВ» 23

Против искажения антикоммунистами пролетарского характера большевистской партии 36
Критика «заговорщических» моделей большевизма . . 47
«Рыхлая» партия: реальность истории против «советологов» 53
Ликвидаторы в прошлом и «ликвидаторы» в настоящем 72
Против фальсификации методов идеологической работы большевиков 86

Глава II. КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 101

В борьбе за победу демократической революции: критика буржуазных фальсификаций политического курса большевиков 112
Несостоятельность оценок «советологами» курса ленинской партии в период двоевластия 132
Ленинский курс на вооруженное восстание и его фальсификаторы 158

Глава III. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИКОВ ЗА МАССЫ 191

Ленинская партия во главе пролетариата на этапе демократической революции. Критика антикоммунистических концепций 201
Правда и ложь о борьбе большевиков за массы в период подготовки Великого Октября 232
Победа Октября — исторический итог борьбы большевиков за сплочение масс 246

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 275

Романовский Н. В.

Р69 Критика фальсификаций роли ленинской партии в трех революциях. — М.: Мысль, 1979.—284 с.
В пер.: 1 р. 20 к.

Книга написана на тему, актуальную в современных условиях острой идеологической борьбы на международной арене. В монографии дается критический анализ буржуазной историографии (США, Англия, ФРГ, Франция и др.) роли большевистской партии в трех революциях в России. Особое внимание уделяется современному этапу эволюции лживых концепций идеологов буржуазии. В книге аргументированно, на основе реальных исторических фактов, трудов В. И. Ленина, партийных документов, а также исследований советских обществоведов разоблачаются попытки идеологов буржуазии исказить роль партии большевиков в российском рабочем движении, оторвать ее от борьбы народных масс.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, лекторов, пропагандистов.

Р $\frac{10506\text{-}162}{004(01)\text{-}79}$ БЗ-25-3-79

ЗКПІ

Романовский
Николай Валентинович

КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ РОЛИ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ

ИБ № 1512

Заведующий редакцией **В. М. Подугольников**
Редактор **Т. В. Яглова**
Младший редактор **Т. Г. Христенко**
Художник серии **В. В. Кулешов**
Художественный редактор **А. Б. Николаевский**
Технический редактор **Л. П. Гришина**
Корректор **Ч. А. Скруль**

Сдано в набор 12.03.79. Подписано в печать 09.08.79. А 08419. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Литер. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 15,12. Учетно-издательских листов 16,38. Тираж 7500 экз. Заказ № 1398. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71 Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская ул., д. 1.